

"Больше, чем друг"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Элизабет Винфри

Больше, чем друг

Глава 1

ДЕЛИЯ

Я никогда не узнаю, что изменилось во мне в тот день. Может, это все из-за неправдоподобно синего неба и разлитого в воздухе пьянящего аромата жимолости. А может, дело было в том, что все время моей учебы в средней школе обо мне ходили сплетни, хотя сама я никогда не давала для этого повода. Или же я почти три месяца не видела Кейна, и от встречи с ним у меня слегка закружилась голова. А потом, возможно, я просто хотела влюбиться.

— Знаешь, Делия Бирн, в чем твоя проблема?

— Знаю. В том, что ты постоянно спрашиваешь, знаю ли я, в чем моя проблема, — ответила я Кейну Парсону — своему лучшему другу и, к несчастью, самому суровому критику.

— Опять неправильно.

Кейн помотал головой и перевернулся на спину. Мы были на пикнике на Гэмблерском пруду, и, похоже, Кейну начинала надоедать учтивая беседа о том, как прошло лето.

Проводить День труда [1] на пруду — это у нас с Кейном своего рода обычай. Когда дружишь с человеком больше трех лет, складываются определенные традиции, и если ими пренебрегать, то у обоих возникает ощущение, будто что-то серьезно разладилось. Поэтому, вместо того, чтобы еще несколько дней побыть с другими вожатыми в лагере «Шервудский лес», я на пару дней раньше прилетела домой из Миннесоты.

Дабы не изображать из себя мученицу, должна признать: Кейн тоже пожертвовал походом на байдарке с Эндрю Райсом ради того, чтобы провести день со мной. Но это не означало, что я горю желанием выслушивать его отвратительные речи по поводу «давай-ка-Делия-разберем-твое-поведение».

Чтобы наконец покончить с этим вопросом, я вздохнула как можно тяжелее:

— Ладно, доктор Парсон. Просветите меня, пожалуйста.

Кейн сел и выплюнул стебелек травы, который жевал до этого.

— Представь себе. Вот ты предпочитаешь диетический чай со льдом. Больше того, всегда только лимонный и никогда — персиковый или малиновый.

Он улыбнулся (самодовольно, как мне показалось) и снова лег. Выглядел он так, словно только что решил проблему мирового голода, а не пробубнил что-то невразумительное про чай со льдом.

Будь я умнее, я бы, наверное, напаялила наушники плеера и не обращала на него внимания. Но у Кейна есть раздражающая манера вовлекать меня в свои дурацкие теории.

— Ну и дальше что? — спросила я. — Может, мне прекратить пить чай со льдом и сидеть ждать, что выпускной год принесет славу, удачу, красоту и настоящую любовь?

— Ага! Дама хочет знать, что дальше. — Кейн огляделся по сторонам и продолжал театральным тоном, как будто вокруг были тысячи зрителей, следящих за этим захватывающим разговором: — Можно и дальше. Видишь ли, Делия, в магазине перед тобой есть большой выбор напитков. Даже у чая со льдом по крайней мере дюжина оттенков вкуса.

— И что? — если Кейна не подгонять, то можно умереть, пока он часами ходит вокруг да около.

— Почему же ты тогда не возьмешь «манговую страсть» или «фруктовый пунш для влюбленных»? Или хотя бы крем-соду?

— Не думаю, что «пунш для влюбленных» — это вкусно, — скептически ответила я.

— Правильно, но дело не в этом. А в том, что ты не стремишься ни к чему новому. Никогда не скажешь: «А ведь „манговая страсть“ звучит интересно. Надо бы попробовать!» Вместо этого ты мрачно тащиться мимо, и твой единственный спутник — диетический чай со льдом.

— Мой единственный спутник не чай, а ты.

Кейн выхватил у меня из рук полупустую бутылку того самого чая со льдом и сделал большой глоток.

— Дэл, я говорю в переносном смысле. А ну давай-ка, потрудишься вместе со мной.

— Тружусь, тружусь, — сказала я, снова вздохнув.

— Ты в любой ситуации выбираешь безопасный путь. Боишься пробовать новое. Ты всю жизнь живешь, как какая-то монахиня, которая дала обет ходить по одной-единственной дорожке. Признай это. Тебе необходимо с нее свернуть.

— Зачем?

— Зачем? Зачем? Если ты это сделаешь, могут произойти удивительные вещи.

— Например? — как я уже говорила, у Кейна есть способность втягивать меня в свои рассуждения.

— Ты могла бы стать изобретателем — как тот, кто придумал разменный аппарат. Или поставить самый крутой мюзикл на Бродвее. И даже нечто еще более увлекательное — ты могла бы влюбиться. Или, по крайней мере, сходить на свидание.

Я застонала. Мои сердечные дела, или их отсутствие, — одна из излюбленных тем Кейна. Вопрос о моем «беспартнерном существовании» он может поднять в самый неожиданный момент. Например, когда мы делаем математику. «Это уравнение — прямо как твоя личная жизнь, — скажет он. — Масса неинтересных множителей, которые равны нулю».

Я здесьставляю Кейна бездушным наблюдателем, говорящим банальности, но это не так. Совсем не так. Он просто не понимает, как живем мы, нормальные люди. Под «нормальными людьми» я подразумеваю тех, кто ростом меньше шести футов [2], кто не имеет темных волос, голубых глаз и потрясающей фигуры. Если вы еще не догадались, то это описание внешности Кейна. Еще у него есть море обаяния, бесконечные шутки и несносная привычка непременно равнять всех по себе.

Но в том, что Кейн сказал о моем страхе, была доля правды. Я действительно боюсь. Многих

вещей. Больше всего я в ужасе от того, что меня могут отвергнуть. Я вдоволь насмотрелась на девчонок с разбитым сердцем, плачущих в уборной из-за того, что какому-нибудь типу вздумалось бросить их, как ненужный хлам посреди школьного буфета. И когда я гляжу на таких девчонок, храбро подкрашивающих губы и направляющихся в зал, чтобы выносить новые пытки, я им сочувствую. Правда. Но при этом не понимаю, зачем они ставят себя в подобное положение. Неужели иметь парня так уж важно? И за это платить отвращением и болью каждый раз, когда видишь, как он обнимает другую девушку? По мне, так не стоит.

Мама часто называет меня «опунцией» [3]. Она имеет в виду, что я никого не подпускаю к себе слишком близко. Про опунцию — это из «Популярной психологии». Я постоянно говорю маме, что терпеть не могу популярную психологию. Она обезличивает всех, приклеивая четкие ярлыки, как будто это не люди, а всего-навсего коробки с тампонами или одноразовыми лезвиями. А мы ведь все разные, каждый со своими причудами. Зачем же сводить наши жизни к определению в словаре Вебстера [4]?

Как сказал Кейн, я изрядно парализована страхом. А кто не боится?

— Боюсь, говоришь? — я, прищурившись, разглядывала Кейна.

Он только что закончил трехмесячную практику в ближайшем питомнике, в котором разводят рождественские елки. Я не могла не заметить, что посадка деревьев сделала чудеса с его бицепсами и грудными мышцами. Вот бы преподавание танцев в стиле джаз кучке десятилетних детишек могло так же улучшить качество звучания моего мага!

Кейн серьезно кивнул:

— Посмотри на себя. Тебе семнадцать, а ты никогда еще не влюблялась. Ты что, собираешься в выпускной год оставаться одна?

Так, пора переводить стрелки на него.

— А ты, Кейн? У тебя бесконечная вереница подружек, такое впечатление, что ты подцепляешь всех без разбору. Неужели, целуясь с очередной из них на заднем сиденье машины, ты не чувствуешь себя одиноким?

— Я, по крайней мере, хоть стараюсь не быть в одиночестве.

— Это я стараюсь, — категорично сказала я. — Просто у меня не получается.

Кейн засмеялся.

— Ты так поглощена этим, что у тебя под носом может на белом коне проскакать отличный парень, а ты позволишь ему проехать мимо.

— Ничего подобного, — ответила я.

К сожалению, чем дольше длился разговор, тем сильнее я ощущала, что Кейна понесло. Я мечтала, чтобы он поскорее добрался до сути и дал мне спокойно съесть мой бутерброд с котлетой.

вернуться

День труда — национальный праздник США. Отмечается в первый понедельник сентября (Здесь и далее примеч. перев.)

вернуться

2

Один фут равен 30, 48 см .

вернуться

3

Опунция — кактус с большими колючками.

вернуться

4

«Американский словарь английского языка», который называют словарем Вебстера или просто Вебстером, по имени американского лексикографа Н. Вебстера (1758-1843). Впервые был выпущен в 1828 году и издается до сих пор. Существуют также географический, биографический и другие Вебстеры.

— Докажи это, — заявил он.

— Доказать — что? — я уперлась взглядом в землю, размышляя о том, как бы поскорее закруглиться. Может, отвлечь его анекдотами о десятилетних девочках, которых я учила танцам этим летом? Что угодно, только бы направить мысли Кейна на что-нибудь нейтральное.

— Пр продемонстрируй мне, что ты на самом деле хочешь влюбиться.

— Как?

— А как ты думаешь? Влюбившись, естественно.

— Кейн, это совсем не то, что получить пятерку по истории. Я же не могу просто взять и влюбиться.

— Откуда ты знаешь, если никогда не пробовала?

Да что же это такое! Кейн не отставал, и я почувствовала, что краснею. Ему нравится, когда я смущаюсь. Почему-то он считает, что это очень мило. Я же нахожу это унижительным. Я откусила бутерброд и включила плеер. Если я перестану обращать на него внимание, ему надоест и он отвяжется.

Кейн потянулся и стащил с меня наушники. Я слышала приглушенный и какой-то металлический голос Ареты Франклин, доносившийся из них.

— Я серьезно, Делия. Попробуй влюбись. Слабо?

Поменяться с Кейном ролями не удалось. Непостижимым образом это обернулось против меня. Но какой у меня был выбор? Я сделала еще одну отчаянную попытку:

— Ладно. Но и ты тогда тоже. Но я говорю не о каком-нибудь двухнедельном романе с официанткой из пиццерии. И не о нескольких свиданиях с этой Сарой Фейн — капитаном болельщиков. — «Ну держись, — подумала я, — уж я поставлю тебе условие». — Имеется в виду, что ты должен найти родственную душу.

Он пожал плечами:

— О'кей. По рукам.

— Что?

Я не ожидала, что он согласится. Думала, он отделается какой-нибудь шуточкой, которая сведет всю дискуссию на нет, сделав ее бессмысленной.

— Я бросил вызов тебе. Ты бросила вызов мне. Выигрывает тот, кому удастся влюбиться.

По выражению его лица ничего нельзя было прочесть, и я все еще надеялась, что это шутка.

— Ты правда хочешь поспорить, кто из нас влюбится?

— Почему бы и нет? — он скрестил руки на груди и казался удивительно самодовольным.

Совершенно неожиданно идея мне начинала нравиться. Возможно, Кейн прав. Может, действительно пора Делии Бирн показать ребятам — или хотя бы одному парню — в школе Джефферсона, чего она стоит. Если сваляю дурака, то в наихудшем случае я протрапую до конца выпускного года, ну и не буду появляться на вечеринках. А может быть, и вообще перестану на них ходить.

Но если уж отдаваться этой сумасшедшей затее Кейна, то мне бы хотелось, чтобы ставки были высоки. Я не собиралась за здорово живешь разбивать свое сердце просто потому, что так сказал Кейн.

Я медленно кивнула:

— Ты прав.

— Думаешь? — в первый раз его голос прозвучал не совсем уверенно.

— Не сомневаюсь. Только давай заключим пари.

Глаза Кейна загорелись. Он обожал всяческие пари.

— Заметано. Дэл. Но чур не мелочиться.

Я выпрямилась.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Тот, кто проиграет, в течение месяца кормит победителя завтраками.

Я покачала головой. Спорить — так по-серьезному. Если выигрыш кажется незначительным, то

мы оба можем бросить эту затею и остаться при своем.

Кейн попытался придумать что-то еще.

— А как насчет того, чтобы проигравший целый год раз в неделю убирал комнату победителя?

— Вряд ли это будет честно. Я помешана на чистоте, а ты лентяй.

— Кто продует, неделю должен будет носить табличку «Пни меня».

— Нет. Не оригинально.

— Пятьдесят баксов?

— Ну давай же, Парсон. Ты же можешь изобразить что-нибудь получше.

Кейн снова перевернулся в траве, вытянул руки и ноги и зажмурился от яркого солнца.

— Дай подумать минутку, — сказал он. — Я изобрету такие условия, что у тебя волосы на голове встанут дыбом.

Я легла на живот, положив голову на руки. Хотела дать отдых глазам и сосредоточиться на предстоящем пари, но мысли разбежались. Поэтому, пока Кейн молча напрягал мозг, я дала волю воображению.

Представила себе, что я на первом в этом учебном году важном футбольном матче и держу в руках знамя нашей школы. Моя пока еще безымянная любовь рысцой выбегает на поле. Вот он оборачивается, скользит взглядом по зрительским рядам, пока не встречается глазами со мной. Потом приветственно машет руками и устраивает совещание игроков.

Я рассмеялась над этой фантазией. Футболисты не в моем вкусе. Куда лучше атлеты, пользовавшиеся репутацией парней, которые молотят друг друга в раздевалке мокрыми полотенцами. Хотя нет, это тоже не по мне.

Тогда я вообразила себя на сцене танцующей «Лебединое озеро». В конце представления три дюжины красных роз ложатся к моим ногам. В грезах я нежно улыбалась и посылала воздушные поцелуи своему расчудесному избраннику. Это был бы замечательный сценарий, если бы не одно «но»: пожалуй, «Лебединое озеро» мне не осилить.

Кейн внезапно сел и захлопал в ладоши.

— Придумал! Если ты готова принять вызов, то вот мои условия.

Я перевернулась и теперь полулежала, опершись на локти.

— Ну, выкладывай.

— О'кей. Если ты проиграешь, то должна будешь коротко подстричься и выкраситься блондинкой, — он взглянул на меня, сдвинув брови.

— Что? — вскричала я.

Я решила, что Кейн свихнулся. Он прекрасно знал, что густые длинные волосы — единственное мое достоинство. Почти каждый раз в нашем школьном туалете какая-нибудь

девчонка с тонкими волосиками задумчиво вздыхала, глядя на них с легкой завистью. Это предмет моей гордости, и Кейн хочет отнять его у меня!

Думаю, он заметил мое пришибленное выражение.

— Что случилось, Делия? Ты что, так уверена, что проиграешь?

Гордыня — скверное чувство. Она заставляет говорить и делать такие вещи, которые нормальные люди сочтут за глупость. В данном случае из-за своей гордыни я согласилась с условиями Кейна.

— Ну, хорошо, мистер Само-Спокойствие. А что, если я выиграю?

— Очень просто. Я прокалю себе ухо.

— Ну нет уж! Ты все время говоришь, что хочешь проколоть ухо. Это не считается.

— Ладно. Тогда сама придумай что-нибудь.

Меня не так часто посещает вдохновение, но если уж оно пришло, то тогда действительно осеняет блестящая идея.

— Если я выиграю пари, то тебе, Кейн, придется выбрить на голове слово «неудачник». Чтобы подсластить пилюлю, я даже сама тебя побрею.

Он присвистнул. Ему явно не понравилась перспектива иметь прическу, которая известит весь мир о том, что он проиграл. Но он не мог пойти на попятную. Это не в его духе.

— Идет, — проговорил он.

Мы торжественно пожали друг другу руки, и я вдруг поняла, что мы не оговорили сроки. Нам нужно было достаточно времени, чтобы по-настоящему влюбиться, но не столько, чтобы успеть состариться к моменту оглашения результатов.

Похоже, Кейн прочел мои мысли.

— Подведем итоги на новогоднем балу, — сказал он. — Кто покажется со своей истинной любовью, тот победил.

Мне в голову пришла еще одна вещь.

— Эй, а что, если мы оба влюбимся? — спросила я.

Кейн протянул руку и погладил меня по голове.

— Значит, мы оба выиграли. Ничья.

Когда мы убрали еду, одеяло и разнообразное чтиво, я почувствовала холод в желудке. В следующие несколько месяцев от меня потребуются больше, чем напряженный труд и везение, — мне необходимо совершить чудо.

Глава 2

КЕЙН

Во вторник утром я проснулся с мыслью о том, что глупо было заключать пари с Делией. Я бы никогда не предложил ничего подобного, если бы мог допустить, что она согласится. К сожалению, всякий раз, когда я точно знаю, каким будет ее следующий шаг, она поступает совершенно неожиданно. И теперь мне придется влюбиться.

На первый взгляд, можно подумать, что эта задача была бы для меня легче, чем для Делии. У меня никогда не возникало проблем с тем, чтобы назначить кому-нибудь свидание. Я самоуверен и уж кто угодно, но только не тихоня. Делия же, наоборот, вся в себе. Она одна из самых симпатичных девчонок в школе (если не самая), но если бы кто-нибудь сказал ей об этом, она бы не ответила, как другие, просто «спасибо», подумав при этом, что ее собеседник не в себе. Она бы разозлилась из-за этой попытки осчастливить ее, так как презирает существ мужского пола, уверенных в том, что они делают женщине приятное, говоря ей заведомую ложь. Что поделаешь? У моей лучшей подруги был комплекс.

Но теперь, раз уж Делия решила влюбиться, будьте покойны — она это сделает. Она очень целеустремленная. Я бросил ей вызов, и она спать не будет, пока не составит план действий. В отличие от меня. У меня не было никакого плана, и я даже не думал о нем.

Вероятно, Делия оглядит кабинет, где занимается их исторический класс, ее глаз остановится на каком-нибудь отвергнутом бедолаге, и она влюбится до безумия. А я тем временем буду торчать на заднем сиденье своей машины (почему-то Делия представляет меня с девушкой именно там), тиская какую-нибудь миленькую девицу, которой на самом деле все равно, жив я или мертв. И в довершение всего, у меня на макушке будет выбрито слово «неудачник».

Явившись в школу тем солнечным утром вторника, я обежал глазами холл в поисках Делии. Кто знает, может, она тоже проснулась, жалея о заключении пари. В таком случае я, так и быть, прощу ее, и она так никогда и не узнает, что моя уверенность была поколеблена. Но, к несчастью, Делии нигде не было видно.

— Очевидно, обдумывает план первого свидания, первого поцелуя и первого «я люблю тебя», — пробормотал я.

Зная Делию, можно предположить, что она воздержится от признания в любви до тех самых пор, пока она и ее избранник не окажутся на новогоднем балу. У нее есть склонность к театральным эффектам.

Я поднимался по ступенькам, считая этажи. И тут ко мне подлетел Эндрю Райс — мой лучший, после Делии, друг. Поскольку я не поехал с ним на байдарке, то не видел его с самого

Четвертого июля [5].

— Привет, Парсон, — сказал он. — Отыскал ангелов на верхушках рождественских елок?

— Нет. Зато нашел Скруджа [6] в лице своего босса. Он заплатил мне всего-навсего триста долларов. И это после того, как я вкалывал все лето!

— Добро пожаловать, старик, в реальный мир! Вот почему я работаю на своего отца.

Мистер Райс был адвокатом, и Эндрю каждое лето трудился в его фирме. В основном он делал фотокопии документов и принимал и отправлял факсы. Меня бы это довело до самоубийства.

Мы добрались до четвертого этажа. Я с удовлетворением отметил, что Эндрю рвал и метал. Провести три месяца под лампами дневного света и кондиционерами — это совсем не то, что нужно для укрепления жизненных сил.

— Спрячься. Дебби Джексон, — сказал Эндрю, толкая меня локтем.

Я застонал. Прошлой весной Дебби около месяца была моей девушкой. Сначала она мне очень нравилась, но под конец я думал, что свихнусь от нее. Все, что говорила Дебби, звучало так, будто она спрашивает. За исключением настоящих вопросов — их она произносила утвердительно. Из-за этого я чувствовал себя как на нескончаемой викторине.

Я хотел было нырнуть в раздевалку, но она уже увидела меня.

— Привет, Кейн? — поздоровалась Дебби, целуя меня в щеку. Я отметил про себя, что она выглядела даже лучше, чем в прошлом году. Она коротко подстригла свои густые светлые волосы, а глаза так и сияли от радости.

— Салют, Дебби. Как провела лето?

По крайней мере, я должен быть вежлив. А вдруг я ошибался насчет нее? Может, она и была моей подлинной любовью, а я просто не осознал этого.

— Отлично? Я работала спасателем в детском бассейне? А ты.

В этот момент я понял, что у нас с Дебби ничего не выгорит. Можете назвать меня сумасшедшим, но я предпочитаю разговаривать с теми, кто меня не так раздражает. Я почувствовал, как рядом затрясся от беззвучного хохота Эндрю.

— Тоже хорошо, — я взглянул на часы. — Ой, сейчас будет первый звонок, а нам еще нужно пройти до кабинета мистера Мона.

— Ясно? Он был у нас в прошлом году? — сказала Дебби, повернувшись, чтобы уходить. — Не хочешь погулять как-нибудь.

— Да, может быть, — ответил за меня Эндрю. Зря он, конечно, но я с трудом удерживался, чтобы не хрюкнуть от смеха.

Дебби как-то странно посмотрела на нас и стала спускаться в холл.

Прошмыгнув за последнюю парту в классе мистера Мона, я покачал головой. Я встречался с кое-какими клевыми девахами, но доводилось назначать свидание и таким, которые и по улицам-то едва решались открыто пройти, не говоря уже о том, чтобы стать моей девушкой.

— Старик, в этой школе нет приличных женщин, — пожаловался я другу.

Эндрю пожал плечами.

— Помнишь, когда мы в первый год пришли в среднюю школу? Тогда казалось, будто здесь полно красивых, просто сногшибательных девчонок. Наверно, они все закончили школу, пока мы были еще новичками.

— Знаешь, Кейн, я как раз только что записал фамилии двадцати красивых девушек из выпускного класса, и со всеми бы с удовольствием погулял в этом году. А ты говоришь, что у нас тут нет плодородной почвы.

Я снова покачал головой.

— Да я говорю об особенной девушке. Такой, в которую я мог бы влюбиться.

— Влюбиться? Ну ты даешь! — Эндрю вытаращил глаза. И продолжил записывать имена.

Я заглянул в его тетрадь, пробежав глазами список. Скользя по строчкам, мысленно вычеркивал тех девчонок, с которыми уже встречался. Не стоит разжигать старое пламя. Когда я добрался до номера одиннадцать, у меня глаза на лоб полезли.

— Делия? — я аж задохнулся от изумления.

— Конечно, — ответил Эндрю. — Она соответствует всем моим критериям, — он поставил большую галочку рядом с фамилией «Бирн».

Я сидел, ошарашено уставившись в листок бумаги. Эндрю поместил ее между Амандой Райт и Керри Старкс. Невозможно поверить! Не то чтобы я думал, будто Эндрю не может считать Делию привлекательной, умной и все такое прочее. Но сама идея внести Делию в этот дурацкий список казалась мне чудовищной. Эндрю словно не понимал, что другой такой, как Делия, больше нет. Она никак не подходила для списка, составленного из-за брожения гормонов. Она была Личностью.

— Ты что, больной? — в конце концов произнес я. — Представляешь, как она взбесится, если об этом узнает? — я схватил список и затряс им перед носом друга.

Он пожал плечами.

— Лично я думаю, что Делии нет никакого дела до того, как я провожу время в ожидании начала внеклассных занятий. — Он посмотрел на меня, подняв брови: — А вот у тебя, Парсон, с этим проблемы.

— Ты о чем?

Эндрю щелкнул пальцами.

— Ты ревнуешь.

— Спятил, — ответил я.

Не первый год народ поддразнивает меня, что я тайно влюблен в Делию. И пока что ни одно из этих жалких замечаний меня не задевало.

В этот момент зазвенел второй звонок. Мистер Мон достал из портфеля свои записи, прочистил горло и начал толкать речь о том, как нехорошо опаздывать и клевать носом во время занятий. Я уже три года был в средней школе, и поэтому знал, что это была не та лекция, на которую стоило обращать внимание. Если вы слышали хотя бы одну речь в первый день учебного года, считайте, что вы слышали их все.

Размышляя над словами Эндрю, я вдруг почувствовал, что краснею. Это правда: когда дело касалось Делии, я всегда отчаянно защищался. Но только потому, что знаю ребят как облупленных. И не хочу, чтобы кто-то вообразил, будто можно говорить о Делии так же непристойно и грубо, как о других девчонках.

вернуться

5

Четвертого июля отмечается День независимости — национальный праздник США.

вернуться

6

Скрудж — персонаж «Рождественских рассказов» Ч. Диккенса. В переносном смысле употребляется как синоним слова «скряга».

Через несколько минут Мон завершил свою речь на тему «мы-рады-снова-видеть-вас-в-средней-школе-Джефферсона-я-здесь-для-того-чтобы-отравлять-вашу-жизнь». Затем он приступил к перекличке — еще одному захватывающему пункту программы.

Вдруг кто-то с грохотом распахнул дверь. Мон оторвался от списка и застыл. Преподаватели вечно думают, что если добьются контроля над классом в первый же день учебного года, то все оставшееся время смогут плавно плыть по течению без особых проблем. Мон был явно недоволен, что его планы относительно дисциплины пошли прахом.

Я обернулся, чтобы посмотреть, кто это ввалился.

Она стояла в нескольких шагах от двери, словно сомневаясь, стоит ли проходить дальше. В руках у нее была стопка тетрадей, одна из которых грозила вот-вот соскользнуть на пол.

Длинные белокурые волосы были свободно откинута назад и открывали удивительно высокие скулы и большие круглые глаза. Одета она была в черную мини-юбку и полосатую маечку на тоненьких бретельках.

Я перевел дух, обалдев от этих длинных, стройных ног. Список Эндрю тут же вылетел у меня из головы.

— Фамилия? — рявкнул мистер Мон.

Девушка окинула комнату быстрым взглядом, словно надеялась отыскать сочувствующих. Ее глаза остановились на мне, задержались па долю секунды. Я улыбнулся.

— Ребекка Фостер, — ответила она.

Голос прозвучал спокойно, ее совершенно не смутило, что она только что прервала занятия. Думаю, она просекла ситуацию, но решила, что нет нужды пугаться.

Мон пробежал пальцем по списку.

— Фостер, Фостер, Фостер... — бормотал он себе под нос. Затем оторвался от бумаги: — А вы знаете, который час, мисс Фостер?

Ребекка посмотрела на часы, висевшие над его столом.

— Кажется, девять восемнадцать? — отозвалась она.

— Да, — кивнул преподаватель. — А день в школе начинается в восемь пятьдесят пять. Какие у вас уважительные причины?

Она вышла вперед и протянула ему зеленый листок бумаги.

— Я была в дирекции. Меня перевели к вам из другой школы.

Мон, казалось, был взвинчен. Все остальные молчали. Есть что-то такое в красивой женщине, что заставляет прекратить разговоры и переключить все внимание на нее.

— Ну, хорошо, — смирился Мон. — Почему вы не садитесь? Я позднее повторю вам все, что вы пропустили.

Ребекка мило улыбнулась и проскользнула за парту в переднем ряду. Она впиалась взглядом в мистера Мона, словно он был хранителем всех жизненных тайн. Я клял себя за то, что сел на галерке.

Мон снова взял список учеников и продолжил с того самого места, где был прерван. Голос его стал более спокойным и дружелюбным. Должно быть, он решил сменить тактику — сделать так, чтобы детишки полюбили его и сами захотели вести себя примерно.

Я был так занят изучением затылка Ребекки, что Мону пришлось дважды назвать мою фамилию, прежде чем я откликнулся. Вероятно, это все мое воображение, но могу поклясться, что Ребекка слегка выпрямилась, когда я, прочистив горло, произнес: «Здесь».

Эндрю передал мне записку. Коротко и по существу. «Клевая малышка. Фасад и центр!» Смутившись, я разорвал бумажку и сунул клочки в карман. Я не собирался позволять Эндрю вносить Ребекку в свой список в качестве очередного объекта. Думаю, в ней было нечто особенное. Где-то в желудке затрепыхалось предчувствие, что эта девушка будет моей. Вскоре.

Остаток лекции я провел в глубокой задумчивости. Как подойти к ней? Продемонстрировать силу и напористость? Или предстать мягким и застенчивым? Поскольку я практически ничего о ней не знал, то не мог решить, с какой карты пойти. Я не имел представления о том, что за парни ей нравятся. Не ведал, чем она увлекается — музыкой или театром, или, может, она капитан болельщиков. И кстати, возможно, у нее уже есть бойфренд. Я молился про себя, чтобы оказалось, что она перевелась к нам откуда-нибудь издалека. В этом случае вопрос о ее парне отпал бы.

Вряд ли какой нормальный человек откажется встречаться с девушкой только из-за того, что, предположительно, у нее есть возлюбленный, с которым она видится раз в месяц, а то и в два. Я называю это синдромом летнего лагеря. Вы приезжаете в лагерь, встречаете кого-нибудь,

каждый вечер целуетесь под деревом или в лодке. А в конце смены объясняетесь в любви и убеждаете друг друга, что год пролетит быстро и следующим летом вы снова встретитесь. После нескольких инеем и одного-двух нескладных телефонных разговоров все кончается забвением. На следующий год вы оба решаете, что уже вышли из того возраста, чтобы отправляться в лагерь. Да, я знаю это по собственному опыту — хотя никогда не забуду те звездные ночи с Эйлин Мейсон.

Размышления по поводу Ребекки Фостер и неудавшихся летних романов завели меня в тупик. Поэтому я решил оставаться самим собой — более или менее — и надеяться на лучшее. Именно так я обычно и сближаюсь с девушками.

В прошлом году я сдуру ляпнул бегунье по имени Джина Рослин, что специализируюсь на прыжках с шестом. Когда она попросила меня продемонстрировать свои способности, я чуть не сломал себе челюсть, грохнувшись лицом о жесткий мат. Этот горький опыт (а также кое-какие мудрые советы Делии) научил меня тому, что большинство женщин невероятно чувствительны ко всякому вранью. И если они хоть раз тебя уличат, то отвергнут напрочь.

Когда прозвенел звонок, я остался на месте. Я до сих пор не мог решить, подходить к Ребекке или нет. Но тут услышал, что мистер Мон попросил ее задержаться на минутку: он хотел повторить ей распорядок школы Джефферсона. Это был сигнал для меня, чтобы вежливо удалиться.

Прежде чем броситься догонять Эндрю, я в последний раз взглянул в сторону Ребекки. Она слегка улыбнулась мне и сделала едва заметный знак — вроде как повела плечом. От этого жеста у меня дрожь пробежала вдоль позвоночника. Теперь-то я знал, что выиграю пари.

Делия ждала меня в холле. Первый урок физики будет проходить вместе с ее классом.

— Что касается нашего спора... — начала она.

Я поднял руку, останавливая ее.

— Даже не пытайся отказаться, Бирн. — самоуверенно сказал я. — Я только что нашел девушку своей мечты. Можешь доставать ножницы и обесцвечивать волосы.

Она состроила гримасу.

— Ха! Я и не собираюсь отлынивать. Я просто хотела сообщить, что намереваюсь заключить с тобой письменное соглашение. Чтобы ты не вздумал как-нибудь увильнуть от клейма неудачника.

— О'кей. И пусть тогда победит тот, у кого роман будет круче, — заявил я.

Идя в кабинет, я считал минуты до следующей встречи с Ребеккой.

Глава 3

ДЕЛИЯ

Несмотря на то, что день только начался, физика тянулась бесконечно. Следующие девять месяцев мне придется корпеть над нерешаемыми уравнениями, а по утрам первым делом проводить скучнейшие лабораторные опыты. По-моему, до ланча вообще противопоказано заниматься всякой там математикой.

Слушая голос мисс Гордон, которая все бубнила и бубнила про скорость, я наблюдала за Кейном. Выражение его лица постоянно менялось, будто он размышлял над чем-то интересным. У меня было такое чувство, что он думает о нашем пари, и меня тошнило от того, как он самонадеянно приосанивается.

Это было нечестно. Кейн невероятно везучий, а я нет. Однажды он заманил меня пойти вместе с ним и его бабушкой поиграть в бинго [7] в клубе для пенсионеров. К концу вечера Кейн выиграл больше ста баксов. Когда наконец-то победила я, приз оказался не денежный. Это была одна из тех маечек а-ля «бабуля поехала на Ниагарский водопад, и единственное, что она привезла мне оттуда, — эту вшивую футболку». После того вечера Кейн требовал, чтобы я надевала ее каждый раз, когда к нему приезжала бабушка. Должна заметить, что цвет зеленого лимона — не мой цвет.

Когда наконец-то прозвенел звонок, мисс Гордон как раз раздавала нам задания. На листках было так много всего написано, что казалось, будто задачи уже решены. К несчастью, именно так и выглядят задания по физике.

вернуться

7

Бинго — настольная игра типа лото.

Перед тем как разойтись, Кейн протянул мне клочок бумаги, на котором рассеянно черкал что-то во время урока. Оказалось, что он нарисовал самого себя внутри огромного сердца. Снаружи стояла я, пытаюсь проткнуть сердце стрелой. А над моей головой — пузырь с надписью «Крашенные блондинки смешнее».

— Ха-ха, — сухо сказала я. — Ты что, все четыре месяца будешь думать об этом дурацком пари?

Кейн ухмыльнулся и шлепнул меня по спине.

— А вот и нет. Очень скоро я буду так влюблен, что мне даже некогда станет радоваться своей победе.

Он дернул меня за волосы и удалился.

Я побрела в раздевалку, таща тяжеленный учебник физики и чувствуя, будто у меня в руках свинец. Было всего около десяти часов, но уже сейчас день обещал быть самым скверным за все время учебы в школе Джефферсона.

В сердцах я так шваркнула дверцей шкафчика, что плечом ощутила вибрацию в тот момент, когда она соприкоснулась с рамой.

— Что, неудачный день, дорогая? — услышала я тихий мягкий голос за спиной.

— Эллен! — воскликнула я. — Я пять раз тебе вчера пыталась дозвониться!

— Прости. Папа настоял, чтобы мы заехали в музей Буффало Билл на обратном пути из Колорадо. Из-за этого наша автопрогулка стала длиннее часов на двенадцать, и мы вернулись только вчера вечером, очень поздно. У меня задница так занемела от долгой езды, что до сих пор еще не прошла.

Я засмеялась и крепко обняла Эллен. После Кейна Эллен — мой самый лучший друг. Удивительно высокая, стройная, светловолосая, она напоминала манекенщицу. Но сама была весьма скромного мнения о своей внешности, не видела в себе изюминки. И даже считала себя чуть ли не уродиной из-за отсутствия груди.

— Ну и как прошла встреча семейства Фрейзеров? — спросила я.

Эллен завела глаза в потолок и молитвенно сложила руки.

— Дедушка со своим братом три дня напролет ловили летучую рыбу, пытаясь обставить друг друга. А по вечерам у них начинался шахматный марафон. Мама от этого на стенку лезла. И угадай-ка, кто сидел с моими маленькими братишками?

— Иными словами, это было именно то, что ты и предполагала?

Я залезла в сумку и вытащила оттуда черную заколку. Из-за влажного воздуха волосы начали курчавиться, и я знала, что если не принять меры, то скоро вместо прически на голове будет копна. Эллен взяла у меня учебник, освободив мне руки, чтобы я могла привести волосы в порядок. За последние два года эта самая процедура стала для нас привычной.

— Да, это было именно то, — кивнула она. — Но случилась и одна неожиданная удача.

— Ты влюбилась в своего инструктора по верховой езде? — полюбопытствовала я, забирая у нее учебник.

Эллен загадочно улыбнулась.

— Лучше.

Поскольку влюбиться — стало для меня теперь главной задачей, я не представляла, что могло войти в категорию «лучше».

— И что же это? — спросила я.

— Два слова. Чудо-лифчик. Тетя мне купила.

Я издала стон.

— По-моему, у тебя навязчивая идея.

Зеленые глаза Эллен заблестели.

— Ничего подобного. Я чувствую, что с женскими прелестями мне жить гораздо легче.

Мы начали спускаться в холл, и я обернулась, чтобы взглянуть на нее. Насколько я могла судить, она ничуть не изменилась.

— Не хотелось бы портить тебе настроение, но я не вижу никакой разницы.

— Ну, сегодня я его не надела. Утром было так жарко, что мне не захотелось напяливать все эти дополнительные прокладки. Но когда жара спадет, я буду во всеоружии.

Я прыснула. Эллен всегда умудряется давать самые нелепые объяснения, но при этом звучат они вполне логично. Вот за что я ее люблю.

— Уверена, что ты посрамишь Долли Партон, — сказала я.

Она закинула свои длинные волосы за спину.

— Я и на это рассчитываю. А ты в самом скором времени затмишь Джейн Остин [8], и она больше не захочет брать в руки перо.

Мы направлялись на факультатив по писательскому творчеству, который я мечтала посещать с самого поступления в школу. Мы с Эллен обе любили сочинять стихи, а иногда вдвоем вдруг возьмем да и напишем рассказ — каждая по одной фразе, по очереди.

— А это будет до или после того, как я завоюю Тони [9] за свою звездную роль в хитовом мюзикле на Бродвее?

Мы дошли до кабинета мисс Хейнссон. В открытую дверь было видно, как она перетаскивает столы, расставляя их по большому кругу. Заметив нас, учительница махнула рукой, чтобы мы заходили.

— Эллен и Делия, рада вас видеть. Будете жертвами моего первого задания. Так трудно всегда заставить учеников прочитать свои отрывки перед всем классом.

— Только не я, — сказала Эллен. — Я ничего не читаю вслух в первый же день.

Мисс Хейнссон повернулась ко мне.

— Делия, могу я на тебя рассчитывать?

Я пожала плечами. Я не была уверена, что готова к такому испытанию.

— Может быть, — проговорила я.

Мы с Эллен сели рядом. Я вытащила свою любимую новую тетрадь (в блестящей черной обложке и с календарем, отпечатанным на внутренней стороне) и написала белым маркером

«Писательское творчество». Я как раз собиралась раскрасить маркером свой розовый ноготь, но тут Эллен толкнула меня локтем.

В класс не спеша вошел Джеймс Саттон и направился в нашу сторону. На секунду у меня перехватило дыхание, и я нечаянно положила руку на еще не просохший заголовок «Писательское творчество».

Увидев еще в первый год его выступление на школьном конкурсе талантов, я потеряла голову. Белокурый, со светло-кариими глазами и ямочками на щеках, Джеймс очень выделялся среди других ребят. Сейчас он был солистом в джаз-оркестре «Радиоволны», и девчонки всех классов сходили по нему с ума. В последние три года по нескольким предметам мы занимались в одном классе, но едва ли когда-нибудь перемолвились словом. Во-первых, он дружил с Таней Рид, капитаном болельщиков. Она была на год старше нас. А во-вторых, даже если бы у него не было девушки, все равно он бы и не взглянул на такую, как я: он мог встречаться практически с любой девчонкой из школы.

Эллен наклонилась ко мне:

— Говорят, перейдя в колледж, Таня дала Джеймсу отставку. У него сейчас никого нет.

Я с трудом заставила успокоиться колотящееся сердце. Надежда на то, что Джеймс теперь заинтересуется мною, была слишком мала. Эта волнующая новость, которую сообщила Эллен, означала лишь то, что мне придется привыкать видеть его обнимающим другую девчонку... а не меня. Не скажу, что это была самая восхитительная минута в моей жизни, но все-таки я подперла рукой подбородок так, чтобы пальцы закрывали маленький прыщик на левой щеке — вдруг он все же посмотрит в мою сторону.

Как ни любила я писать, но большую часть урока провела, косясь на Джеймса. То, что он выбрал писательский факультатив, сделало его в моих глазах еще более загадочным и привлекательным. Возможно, он был второй Эрнест Хемингуэй.

Он вытянул длинные ноги, и они высунулись в круг, образованный нашими столами. Никогда не думала, что джинсы могут быть таким захватывающим зрелищем.

Объяснив структуру японского хайку [10], мисс Хейнссон дала классу пятнадцать минут, чтобы каждый написал свой вариант. Все, что я успела, это поставить фамилию в верхней части страницы. Подозреваю, мисс Хейнссон заметила мое состояние и пожалела меня, потому что вызвала читать стихотворение Джо Скалья.

Эллен передала мне записку.

«Как Кейн?» — прочла я.

Сколько я могу помнить, Эллен всегда была явно равнодушна к Кейну. Но она никогда не предпринимала никаких попыток встречаться с ним. Во-первых, она знала, что он не пропускает ни одной юбки, и не считала Кейна подходящей кандидатурой на роль бойфренда. К тому же у нее была абсурдная теория о том, что мы с Кейном просто созданы друг для друга. Сколько бы я ей ни говорила, что никогда не стану крутить с ним любовь, даже если он останется последним парнем на Земле, она лишь улыбалась.

вернуться

Джейн Остин (1775-1819) — английская писательница, мастер психологического анализа.

вернуться

Тони — ежегодная премия за достижения в театральном искусстве.

вернуться

Хайку, или хокку, — жанр японской поэзии. Нерифмованное трехстишие, состоящее строго из 17 слогов: в первой и третьей строфе — по 5 слогов, во второй — 7.

В последние две минуты урока мисс Хейнссон дала нам задание на пятницу: нужно выбрать стихотворение, прочесть его перед классом и затем объяснить, что в нем понравилось. Я перебрала в уме свои любимые стихи, пытаюсь понять, почему они для меня так важны.

— Встретимся во время завтрака, — крикнула я направляющейся в свой математический класс Эллен.

Она махнула рукой в знак того, что услышала меня, и я снова двинулась к своему шкафчику в раздевалку. До того, как я попробую что-нибудь съесть в этом тошнотворном кафетерии, оставалось еще два урока.

Но не прошла я и тридцати шагов, как кто-то крепко схватил меня за руку. Внезапно вся кровь бросилась мне в лицо. Хотя он никогда не прикасался ко мне, у меня было шестое чувство, что, обернувшись, столкнусь лицом к лицу с Джеймсом Саттоном.

— Эй, Делия! Ну как ты?

Его орехового цвета глаза тепло смотрели на меня, и у меня мелькнула мысль, что я сейчас грохнусь в обморок, как какая-нибудь дама времен королевы Виктории.

— Э-э... хорошо. У меня все в порядке.

Я ненавидела себя в этот момент. Джеймс, наверно, большой поэт, а я лепетала наименее изысканные фразы за всю историю человечества.

Он подошел на шаг ближе, и я ощутила, как руки покрываются гусиной кожей. Я переложила книги и постаралась казаться как можно беззаботнее.

— Не сделаешь мне огромное одолжение? По старой дружбе? — спросил Джеймс.

Не знаю, о какой старой дружбе шла речь, но я горела желанием оказать ему услугу.

— Конечно, — ответила я без раздумий. — Чем могу помочь?

— Я не очень-то разбираюсь в поэзии. Ты не могла бы просмотреть вместе со мной кое-какой материал? И, может быть, показать мне, что хорошо, что плохо и все такое?

Он в самом деле выглядел немного смущенным, и сердце мое растаяло.

— Без проблем, — согласилась я. — Но если ты не увлекаешься поэзией, зачем же пришел на этот факультатив?

Он скривился и махнул в сторону дирекции.

— Ошибка в составлении списков.

Я молча кивнула. Даже если Джеймс и не был вторым Хемингуэем, то все равно его статус одного из самых классных парней, каких я когда-либо встречала, не изменился.

— Увидимся завтра после уроков в библиотеке, — сказала я, словно такие встречи были обычным делом.

Он легонько сжал мою руку и пошел в противоположную сторону. Заметив, что все девчонки в холле бросили на него быстрые внимательные взгляды, я вспомнила о нашем с Кейном пари. Возможно, в жизни Делии Бирн разгорается новый день. И мне было совершенно наплевать, из-за чего такая перемена — из-за расположения планет, благодаря судьбе или ошибке дирекции.

Джеймс Саттон попросил меня помочь с домашним заданием!

После школы я отыскивала Кейна: он бегал трусцой по четвертьмильной дорожке. Он говорил, что любит заниматься на школьных дорожках, потому что ему так легче подсчитывать, сколько миль он проделал. Но по-моему, ему просто нравится, что все женские спортивные команды глазят на него.

Кейн притормозил, заметив меня. Я чувствовала, что прямо-таки сияю. Не так часто удастся сообщать ему новости, касающиеся моих сердечных дел,

— Привет, Дэл! — продолжая бежать на месте, он одной рукой ухватился за мое плечо, удерживая таким образом равновесие. — Что стряслось?

— Ну, я совершенно не сомневаюсь, что это ни к чему не приведет, но Джеймс Саттон попросил помочь ему сделать задание по писательскому творчеству.

Я не могла, не уронив себя, сама заикнуться о возможном романе и поэтому ждала уверений Кейна в том, что просьба Джеймса действительно очень знаменательна.

Кейн молчал несколько секунд. Затем прекратил бег и серьезно посмотрел на меня.

— Джеймс Саттон? Только не говори, что тебе нравится этот неудачник.

Я не могла поверить: Кейн обозвал Джеймса неудачником!

— Прости? — проговорила я, начиная злиться. — Джеймс великолепный, талантливый, сексуальный...

Кейн рассмеялся.

— Спустись на землю, Бирн! Это совершенно пустоголовый малый. И между прочим, гулял с этой дурой Таней, еще не успев достигнуть половой зрелости.

Я покачала головой. Меня никогда не переставала удивлять мужская неспособность увидеть хоть что-то привлекательное в других парнях.

— К твоему сведению, Таня теперь в колледже, далеко-далеко отсюда. Джеймс свободен.

— Ну, хорошо, хорошо. Тебе повезло.

Кейн снова затрусил на месте, и я поняла, что ему больше нечего мне сказать по этому поводу.

— Верно. На сей раз повезло мне. А теперь, с твоего позволения, я должна идти в библиотеку.

Я не стала добавлять, что заранее хочу поискать какие-нибудь подходящие стихи, чтобы помочь Джеймсу выполнить задание, — Кейн не понял бы моего желания подготовиться.

Я гордо удалилась, высоко задрав нос. Кейн явно ревновал. Голову даю на отсечение, что он не может допустить и мысли о собственном проигрыше. Я помчалась к своей машине, размахивая портфелем позади себя.

Ночью я вертелась в постели, стараясь придумать, какое стихотворение Джеймс мог бы продекламировать в пятницу. Я представляла себе, как светлеет его лицо во время чтения и как постепенно до него будет доходить, почему я выбрала именно эти стихи. Он возьмет мои руки в свои и приблизится ко мне губами...

Как раз в тот момент, когда я добралась до той части снов наяву, где Джеймс страстно целует меня, рядом с кроватью затрезвонил телефон. (Родители провели мне собственную линию, когда в четырнадцать лет у меня появилась склонность висеть на телефоне по двадцать часов в сутки.) Звонок заставил мое сердце забиться часто-часто. Неужели у нас с Джеймсом телепатия?

— Алло?

— Это я.

Я почувствовала себя дура-дурой. Я всегда была рада Кейну, но сейчас он не был тем, чей голос я надеялась услышать.

Я посмотрела на часы на прикроватной тумбочке.

— Что случилось? Уже поздно.

— Ага. Угадай, что твой преисполненный страха лучший друг хочет тебе сказать?

— Ты уже влюбился?

Это было бы очень похоже на Кейна — за те восемь часов, что мы не виделись, найти ту, которая, как он думал, была идеальной девушкой.

— Нет. По телеку идет «Касабланка». Четвертый канал.

— Я тебе перезвоню.

Я повесила трубку, стащила с кровати простыню и спустилась вниз, в комнату, где были и телевизор и телефон. Родители уже спали, поэтому я не зажигала лампу. В голубоватом свете телеэкрана я набрала номер Кейна. Он ответил после первого же гудка.

— Хэмфри Богарт только что увидел ее в первый раз. Она слушает, как Сэм играет на рояле.

— Я знаю, Кейн. Все это прямо передо мной.

Я устроилась в глубоком кресле, прижав к уху трубку. Мы с Кейном иногда вместе смотрели кино по телефону, и хотя мы почти не разговаривали, нам нравилось, что можно давать свои комментарии, когда вздумается. «Касабланка» была нашим любимым фильмом.

Спустя полтора часа я старалась заглушить рыдания простыней, хотя Кейн все равно знал, что я каждый раз реву над несчастной любовью Рика и Илзы.

— Дэл, ты опять плачешь? Ты же видела этот фильм раз тридцать.

— Угу, — промычала я, вытирая глаза. — Но каждый раз, когда его смотрю, он кажется все печальнее.

Я говорила шепотом, боясь разбудить маму и папу.

Кейн ласково засмеялся.

— А ты в душе настоящий романтик, ты знаешь это?

— Ха! Просто на меня очень действуют сентиментальные фильмы, — ответила я.

— Приятных снов, Бирн!

— Приятных снов, Парсон.

Я повесила трубку и выключила телевизор. Прокрадываясь обратно к себе в комнату, я вдруг поняла, что так и не решила, какое стихотворение предложить Джеймсу.

— Оно называется «Застольная песня», — сообщила я Джеймсу. — Видишь, Йитс [11] создал метафору «пить вино — быть влюбленным»...

Я внезапно замолчала, смутившись. Вдруг Джеймс подумает, что я нарочно подобрала такое стихотворение, возомнив, будто мы с ним влюблены друг в друга или что-нибудь в этом духе? Потом решила, что все это ерунда. Большинство стихов — о любви, он не догадается, какие у меня были внутренние мотивы.

вернуться

11

Йитс Уильям Батлер (1865-1939) — ирландский поэт и драматург.

Джеймс усмехнулся.

— Ну, мисс Хейнссон наестся этим. Она всегда твердит о метафорах, сравнениях... и какие там

еще есть поэтические приемы?

— Да уж, она их любит. Можем поговорить о смысле стихотворения перед уроком... если хочешь.

Он закрыл сборник стихов и положил руку мне на колено. Это прикосновение длилось всего секунду, но я вся вспыхнула.

— Ты лучше всех, Делия.

Он встал и направился к выходу, а я глядела ему вслед, восхищаясь тем, как выцветшие джинсы подчеркивают стройность его бедер. Мог бы Джеймс (или вообще какой-нибудь парень) когда-нибудь смотреть на меня так же, как Йитс на женщину, которую воспел в своих стихах? Я дотронулась до колена в том месте, где была рука Джеймса, и представила, как Кейн сказал бы: «Ты должна сделать это, Дэл. Иначе жизнь пройдет мимо».

Итак, что бы ни думал Кейн о Джеймсе, я намерена усвоить жизненную философию своего лучшего друга. Мне надоело в любовной игре стоять на боковой линии.

Глава 4

КЕЙН

Вторник, 12 октября, 9 часов вечера

Блеск! Прошло шесть недель с начала занятий, но кажется, что всего шесть дней. Я еще не встречался с Ребеккой по-настоящему, хотя мне удалось поговорить с ней несколько раз. Именно сегодня у нас был, как я это называю, показательный обмен.

— Идешь завтра на футбол? — небрежно спросил я.

— Зачем мне это? — отозвалась она.

Я пожал плечами.

— Я там буду.

Она улыбнулась своей долгой, медленной улыбкой, из-за которой мне так и хотелось схватить ее и целовать в эти красные губы.

— Ну хорошо, я посмотрю, есть ли у меня какие-нибудь дела.

Сегодня на занятиях у Мона я не мог поймать ее взгляд. Но у меня было такое ощущение, что

она придет на матч. Думаю, все решится сегодня вечером. Делия свихнется оттого, что я выигрываю, но это ее проблема. В любом случае, она не перестанет витать в облаках относительно Джеймса Саттона. Она помогла ему сделать домашнее задание, и уже думает, что влюбилась. Но, судя по ее рассказам, Джеймс даже не в состоянии поддержать беседу. Я случайно-намеренно подслушал их разговор в библиотеке, так мне пришлось закрывать голову руками, чтобы заглушить смех.

Делия (говоря о книге, которую держит в руках): Мне нравится «1984». А тебе?

Джеймс: Да, здоровский год. Я тогда как раз занимался скейтбордом.

Делия: Да нет же, я имею в виду книгу Джорджа Оруэлла. Это о будущем.

Джеймс: А, да! По-моему, я смотрел фильм по телевизору. Кажется, про робота по имени Хол, правильно?

Делия: Конечно...

Когда же она наконец-то поймет, что 1) единственное, что могут предложить ребята (все!), — это сальные волосы, завязанные в конский хвост, от которого так балдеют девчонки, и 2) он до сих пор сохнет по этой своей Тане, или как там ее?

Пора, пожалуй, поговорить с ней. Жизнь Делии на грани трагедии.

— Кейн, тебе в самом деле необходимо что-то сделать с машиной, — сказала Делия, когда в пятницу вечером мы с ней подъехали к забитой автомобилями стоянке у школы.

— А что такое?

Я вытянул шею, высматривая свободное местечко, достаточно большое, чтобы пристроить свой «Олдсмобиль» 1972 года.

— Это омерзительно. По-моему, тут уже что-то растет.

Она сунула мне пластмассовую бутылку-пульверизатор, чтобы я убедился сам. Там на дне хлюпала какая-то зеленая жижа. Потом Делия выразительно посмотрела на пол у пассажирского сиденья: ее ноги покоились на ворохе старых газет. Еще там валялись куча мелочи, грязные футболки и пустые банки из-под содовой.

— Ты права. А почему бы тебе не почистить машину — в качестве платы за проезд на футбол? Утром я даже подгоню ее прямо к твоему дому, чтобы облегчить тебе задачу.

Я втиснул «Олдсмобиль» между маленькой «Тойотой» и «Фиатом», и Делия отстегнула привязной ремень.

— Выгодная сделка, ничего не скажешь. Да я, наверно, отдам концы в больнице, став жертвой этой ядовитой зеленой дряни, которая здесь прячется.

Мы захлопнули каждый свою дверцу и двинулись на футбольное поле. Казалось, что все ученики школы Джефферсона — бывшие, теперешние и будущие, — жившие в радиусе пятидесяти миль, собрались на первый в сезоне матч команды «Рейдер».

Делия протащила меня сквозь толпу новичков, которые тусовались возле дешевых мест на стадионе, туда, где сидели Эллен Фрейзер с Майком Фельдманом.

— Привет, ребята! — окликнула их Делия. — Ну что, уже готовы поболеть за «рейдеров»?

Эллен состроила гримасу.

— Еще бы. Не могу дождаться начала приветствий. Обожаю смотреть, как Аманда Райт размахивает своим помпоном.

— Какое совпадение. Я тоже, — сказал Майк, шевеля темными бровями.

— И зачем мы сюда ходим? — обратилась Делия к Эллен, усаживаясь рядом со мной. — Ведь мы не очень-то интересуемся футболом.

— Мы здесь затем же, зачем и любая другая девчонка, — ответила Эллен. — Надеемся найти на стадионе школы Джефферсона свою настоящую любовь.

Я отключился от разговора Эллен и Делии и стал обозревать трибуны. Хотя я не думал, что Ребекка Фостер будет на футболе, все же где-то в глубине души надеялся увидеть в толпе ее белокурые волосы и голубые, как лед, глаза.

На этой неделе мы с Ребеккой общались каждый день. Она соблазнительно улыбалась мне, кокетливо откидывая волосы, и бросала взгляды, которые, казалось, предназначались только для меня. Однако после урока она всегда исчезала в холле, и у меня не было возможности пригласить ее на свидание. Но я знал, что сделаю это. Каждый раз, видя, как она входит в кабинет Мона, будто в собственный дом, я понимал, что не будет мне покоя, пока я ее не поцелую.

Я заметил Ребекку на другом конце стадиона. Она сидела одна, держа в руках программку. Сердце мое подпрыгнуло и заколотилось где-то в горле. Даже с расстояния в сто футов я мог сказать, что она выглядит потрясающе в своем комбинезоне и плотно облегающей черной футболке. И самое главное — с ней никого не было. Мне на голову свалилась неслыханная удача.

Вставая, я почувствовал, что Делия тянет за задний карман моих «левисов».

— Ты куда? Мы же только что пришли.

— Там Эндрю, — ответил я, неопределенно махнув рукой в сторону трибун на противоположном конце поля. — Пойду проведаю его...

Я не собирался им всем троим докладывать, что хочу сесть с девушкой, которая, возможно, станет моей любовью. Я не был уверен, что Ребекка окажет мне теплый прием, и если мне придется вернуться, не хотел весь вечер выслушивать ничьих комментариев по этому поводу.

Прежде чем кто-либо успел возразить, я, перелезая через скамейки, стал спускаться вниз, одним глазом косясь туда, где сидела Ребекка. На тот случай, если Делия следит за мной, я двинулся в сторону противоположных трибун и с минуту постоял у боковой линии поля. Подняв глаза на табло, я увидел, что «рейдеры» ведут 7:0 и, следовательно, я пропустил всего одну минуту игры. Затем снова поскакал по рядам, держа путь к Ребекке.

Вечером она выглядела даже лучше, чем в 8.55 утра. Волосы струились по плечам и шелковисто поблескивали в ярком освещении стадиона. Заметив меня, она улыбнулась и легонько коснулась скамьи. Я принял это как знак присоединиться к ней.

— А, Тростниковый Сахар, что случилось? — сказала Ребекка, когда я подошел ближе.

Меня иногда так называют ребята, когда хотят пошутить [12]. Обычно от такого обращения у меня мурашки бегут по коже. Но произнесенное ее устами, это прозвище возбудило во мне теплое чувство.

— Ничего особенного. Я просто притворяюсь, что слежу за игрой.

Сядясь рядом с ней, я изловчился устроиться так, что наши колени соприкоснулись. И даже через ткань я почувствовал, словно по всей ноге пробежал электрический ток.

Ребекка посмотрела на футбольное поле и вздохнула:

— Я думала сегодня остаться дома, но стало так тоскливо. Нечего делать, только смотреть программу «Вечерний фильм по пятницам». — Она бросила взгляд на трибуны. — Разве она не капитан болельщиков?

вернуться

12

Игра слов: «sugar Cain» (Кейн, мой сладкий) и «Sugar cane» (тростниковый сахар) по-английски звучат одинаково.

Я рассмеялся. Принять Делию за лидера группы поддержки так же смешно, как и представить меня в этой роли. Не станет Делия напяливать короткую юбчонку и выкрикивать имя ведущего игрока, чтобы завести толпу. Она лучше будет сидеть где-нибудь сзади и отпускать ехидные замечания о тривиальности школьной жизни.

Я замотал головой:

— Нет. Она танцует. Летом преподает джазовые танцы в лагере в Миннесоте.

Ребекка сморщила нос.

— Как... клево, — сказала она.

— Давай не будем про Делию. Расскажите лучше о себе, мисс Фостер.

Ребекка немного помолчала, словно собираясь с мыслями.

— Ну, давай. Я говорила тебе, что я из Нью-Йорка?

— Да.

Я старался сосредоточиться на ее словах, но все время отвлекался на светлый локон, который постоянно сдувало ветром ей на глаза. Я не мог удержаться и указательным пальцем заправил своенравную прядь ей за ухо.

— Говорила, что родители переехали сюда, потому что хотели, чтобы мы с братишкой пользовались всеми преимуществами загородной жизни?

— Угу.

Я думал о том, какие у нее шелковистые на ощупь волосы. Она не отшатнулась, когда я поправил ей прядку, и я счел это многообещающим.

— Я тебе говорила, какой ты милый?

Она закусила губу и посмотрела на меня сквозь длинные ресницы.

Я мгновенно потерял дар речи. В конце концов голос вернулся ко мне, и я произнес:

— Нет, этого ты мне не говорила.

Она пожала плечами.

— Напомни мне об этом сегодня на вечеринке, тогда скажу.

Я усмехнулся, представив, как Делия заходит в школу с крашенными в противный белый цвет волосами. Я уже был на пути к победе.

Окончательный счет был 21:7. «Рейдеры» здорово отыграли первый матч, и болельщики хлынули на поле поздравлять победителей. Когда мы, петляя, пробирались в толчее, я взял Ребекку за руку. Я предполагал, что Делия поедет домой с Майком и Эллен, однако, если она все-таки ждала меня, не хотел оставлять ее в бедственном положении.

Делии не было на трибуне, и я обошел разок футбольное поле, но нигде ее не обнаружил. Похоже, Ребекке не очень-то понравилась прогулка по спортивному центру, и я решил, что Дэл вполне в состоянии выбраться отсюда самостоятельно.

— Мы можем заскочить ко мне, чтобы я переоделась? — спросила Ребекка, когда я вел ее к своей машине на стоянку.

— Ты и сейчас отлично выглядишь, — сказал я, в сотый раз за сегодняшний вечер восхищаясь ее внешностью.

— Спасибо. Но пока я еще никого не знаю, и лучше, если не буду такой замарашкой.

Она влезла в машину, закрыв эту тему.

Пока мы ехали к Ребекке, я сообразил: если сейчас она — замарашка, значит, собирается нарядиться, как победительница конкурса «Мисс Америка».

Спустя двадцать минут я сидел в гостиной Фостеров, ожидая, пока Ребекка спустится вниз. Ее родителей не было, и в доме стояла тишина. Комната была большая, с высокими потолками и «французскими» дверями. Миссис Фостер уже положила толстый кремового цвета ковер и повесила на стены несколько картин.

— Братишка того и гляди испортит этот ковер, — услышал я голос Ребекки через несколько минут.

Она стояла в дверях гостиной. Выглядела — потрясающе. На ней было короткое красное платье с большим декольте, а его тонюсенькие, как спагетти, бретельки, казалось, в любой момент могли порваться. Я перевел дух и сказал, надеясь, что голос не прервется:

— Прощай, замарашка.

Она с изяществом покружилась, затем взяла мою руку и небрежно проговорила:

— Считаю это комплиментом.

— Поверь, я действительно так думаю.

Мы вышли в не по сезону теплую ночь, и Ребекка заперла дверь большого дома, построенного в стиле эпохи Тюдоров [13]. Пока мы шли к моему «Олдсмобилю», ее босоножки на высоких каблуках тихонько цокали по тротуару. Бархатной ночью каждый удар ее каблочки, казалось, дарил мне надежду. Хотя было очень тепло, меня зазнобило.

К тому времени, как мы прибыли к дому Патрика Мэра, вдоль всего квартала уже выстроились машины. Мы припарковались домов на десять дальше и последовали за потоком молодежи к парадной двери Мэров. Не дойдя еще даже до лужайки перед домом, я услышал музыку, доносившуюся через сложную усилительную систему. Ребекка крепче ухватила за мою руку, и я нежно пожал ее пальцы. Представляю, каково ей войти в дом, полный незнакомых людей.

Неожиданно из дверей вылетел Эндрю. За ним неслась орущая девица с водяным пистолетом типа УЗИ.

— Не уйдешь! — визжала она, стреляя.

Эндрю затормозил за моей спиной, используя меня как щит.

— Это нейтральная территория, — крикнул он ей в ответ. — Представь, что Кейн — это Швейцария.

Девушка, в которой я наконец-то узнал Керри Старке (номер десять в списке Эндрю), опустила оружие.

— Ладно, — согласилась она. — Но я буду ждать тебя в доме.

Эндрю вышел из укрытия и хлопнул меня по руке.

— Ну что, отличная вечеринка?

Я ухитрился одновременно кивнуть и помотать головой.

— Могу сказать только, что это, бесспорно, вечеринка.

Эндрю нагнулся, чтобы завязать шнурок.

— Эй, куда это ты запропастился на футболе? Делия сказала, что ты пошел поговорить со мной, да так и не вернулся. А когда услышала, что я не видел тебя весь вечер, как-то очень странно посмотрела и начала бормотать про какое-то пари.

Я тотчас устыдился, что бросил Делию. Но теперь уж бессмысленно беспокоиться об этом. Позвоню ей утром и извинюсь. Не отвечая Эндрю, я повернулся к Ребекке.

— Эндрю, ты знаком с Ребеккой Фостер?

Он оторвался от своего ботинка, словно только что заметив ее.

— Конечно, я знаю Ребекку. А любого, кто дурачит мистера Мона, рад считать своим другом.

Ребекка на этой неделе чуть ли не каждый день приводила Мона в смущение. Разговаривая с ней, он два раза полностью противоречил сам себе.

Эндрю низко склонился перед Ребеккой и поцеловал ей руку.

— Я не нарочно его унизила, — твердо произнесла она. — Просто у него дар ляпать что-нибудь неподходящее в самое неподходящее время.

Мы с Эндрю рассмеялись. Это она еще мягко выразилась.

— Во всяком случае, Делия здесь, — сообщил Эндрю. — Они с Эллен отплясывают в доме.

— Правда, что ли?

Я не знал, почему так удивился, услышав, что Делия была на вечеринке. Наверное, потому, что обычно мне приходится чуть ли не силком вытаскивать ее в большие компании. Чаще всего подобные сборища ее раздражают, и она уже через полчаса умоляет меня отвезти ее домой.

— Ну да, старик. Можешь проверить, — и Эндрю рванул к дому, выкрикивая приветствия всем, кто попадался ему на пути.

Мы с Ребеккой двинулись за ним. По дороге я называл имена большинства из парней, мельтешащих во дворе, и немного рассказывал о каждом из них. Казалось. Ребекка не пропустила ни одного моего слова, кивая головой и внимательно глядя на того, о ком шла речь.

Когда мы зашли внутрь, она повела меня прямо туда, откуда доносилась музыка. Ковер в гостиной Мэров был свернут, и все кресла и диваны сдвинуты в сторону.

Лишь только мы вступили в комнату, мелодия сменилась. Я услышал, как из динамиков полилась песня старины Элтона Джона, и воспринял это как сигнал притянуть Ребекку к себе. Похоже, она была счастлива, что находится здесь, и я еще крепче обхватил ее за талию.

Мы слегка развернулись, продвигаясь вглубь, и тут у меня челюсть отвисла. Рядом с нами — почти плечо к плечу — танцевала Делия.

Она закрыла глаза и положила голову на грудь Джеймсу Саттону. Даже если бы я увидел слона, входящего в комнату, то не был бы так потрясен. Не такой Делия человек, чтобы привлекать к себе внимание медленным танцем посреди многолюдного сборища (кстати, они в сущности просто стояли на месте, обнявшись).

Открыв глаза, Делия встретила взглядом со мной. Я думал, что она смутится и отпрянет от Джеймса, но ничего подобного. Она подмигнула мне и знаком показала — мол, выше голову.

вернуться

13

Тюдоры — королевская династия в Англии в 1485-1603 гг.

— Привет, Кейн, — голос ее звучал так, будто она невероятно гордится собой. Словно

танцевать с Джеймсом Саттоном — это все равно что получить Нобелевскую премию мира или что-нибудь в этом роде.

— А, привет, — ответил я.

— Как дела, Парсон? — спросил Джеймс, легонько похлопав меня по спине. — Кто твоя новая подружка?

На какую-то долю секунды я вдруг забыл имя своей спутницы. Но это не имело значения, потому что заговорила Делия:

— Ребекка, верно? Я — Делия, а это... это... Джеймс.

При этом она подтянула Джеймса поближе к себе, — вероятно, хотела показать, что он занят.

— Привет. Джеймс, — откликнулась Ребекка. Делии она не сказала ни слова.

Повисла длинная пауза, и я поспешил ею воспользоваться.

— Может, мы еще разок столкнемся как-нибудь попозже, — сказал я, уводя Ребекку.

— Да, может быть, — ответила Делия.

Она даже не смотрела на меня. Она вперилась прямо в глаза Джеймса, и я вдруг почувствовал, что произошло что-то важное, как будто Делия стала взрослее меня.

Я положил подбородок на мягкие волосы Ребекки, а перед глазами стоял тревожный образ: выбитое на моем собственном затылке слово «неудачник».

Не очень-то приятная картинка.

В воскресенье вечером у нас с Делией состоялся разговор.

— Ну и как прекрасная Ребекка? — спросила она, как только я поднял трубку.

— Замечательно, — сухо ответил я.

Я ждал, что Делия объяснит, какого черта она, как дура, весь вечер провисела на Саттоне.

— Правда, классно было в пятницу?

— Классно, — буркнул я.

Она не улавливала моих сигналов.

— Жаль только, Ребекка не та девушка, в которую ты можешь влюбиться. Пойми, я — главный претендент на победу в борьбе за поиск идеальной пары.

— Что? — заорал я. Она здорово разозлила меня. — Почему это я не могу влюбиться в Ребекку?

— Ты что, не видел, как она смотрела на Джеймса? Она совершенно явно глаз на него положила. Надеюсь, Джеймс не клонет. Она ужасно хорошенькая.

— Постой. Ребекка никогда не пойдет с Джеймсом. Он мне в подметки не годится... Конечно,

не годится, разве нет?

Делия засмеялась.

— Прости. Я забыла, с кем говорю. Ты же у нас самый клевый парень на всем свете.

— Оставь свои насмешки, — обиженно сказал я.

Делия немного помолчала.

— Я серьезно, Кейн. Ты лучше всех. Достаточно посмотреть, каких ты выбираешь себе друзей, чтобы понять это.

Как всегда, я не мог долго сердиться на Делию.

— Приятных снов, Дэл.

— Приятных снов, доктор Парсон, — ответила она.

Вешая трубку, я улыбался. Делия Бирн, слава Богу, единственная в своем роде.

Глава 5

ДЕЛИЯ

Среда, 18 октября

Да, да, да! Сегодня было такое, что я не знаю, смогу ли вообще уснуть. Прежде чем вдаваться в подробности, скажу, что после того танца на вечеринке у Патрика в прошлые выходные наши отношения с Джеймсом не очень-то продвинулись. По правде говоря, мои успехи в этом смысле были довольно сомнительны.

Ну вот, например. Несколько недель я помогала Джеймсу делать задания. И вот после этого смотрела я как-то на него поверх книги стихов Уоллеса Стивенса [14]. Он поймал мой взгляд и спросил:

— Что такое? У меня что-нибудь на лице?

У меня невольно вырвалось:

— Нет. Я просто мечтаю о том, что будет в выходные. Что ты делаешь в субботу?

Отличное начало, не правда ли? А вот и нет.

Он ответил:

— Репетирую с оркестром.

— А, — протянула я. И вернулась к Уоллесу.

— Так с кем у тебя свидание? — спросил он, помолчав пару секунд.

— У меня? Свидание? — задохнулась я.

— Ну да. Ты же сказала, что мечтаешь о выходных. Вот я и решил, что ты с кем-то встречаешься. Чаще всего грезят именно об этом.

— Хм. Ни с кем из тех, кого ты знаешь, — проговорила я с запинкой.

Очень тонкий намек.

Через неделю Джеймс спросил, как идут дела с моим таинственным молодым человеком, и я загадочно (надеюсь!) улыбнулась и сказала, что пока не получается. Он не ответил, но будто прожег меня взглядом. Через несколько минут он произнес:

— Ты в самом деле изменилась, Делия. Ты всегда была нечто вроде девушки-приятеля, а теперь... не знаю... больше женщина, что ли...

Он не спеша вышел из библиотеки, не имея ни малейшего представления о том, что мое сердце колотилось со скоростью миля в минуту.

Сегодня после занятий по писательскому творчеству Джеймс взял меня за руку и завал в пустую комнату для лабораторок. Он обхватил меня и начал танцевать, как в тот вечер в прошлую пятницу. Потом остановился и сказал — вот именно этими самыми словами:

— Не хочешь опять послушать музыку в эту субботу?

Я удивилась такому старомодному предложению, но не все ли равно? Главное — он пригласил меня на настоящее свидание. Конечно, рассказывая об этом Кейну, я малость заикалась, и он вдоволь посмеялся надо мной. Но опять же, не все ли равно?

Теперь только бы дожить до субботы...

Вы никогда не замечали, что жизнь может ускоряться и замедляться, бросая вызов всем разумным представлениям о времени? Сейчас объясню. Первые три года в средней школе еле ползли, словно время было неким средневековым орудием пытки. Каждый учебный год, казалось, будет тянуться чуть ли не до двадцать первого века. Медленно проходили вечера пятниц, а воскресные дни в библиотеке были тюремным заключением.

Но в выпускной год все изменилось. В первые недели октября темп моей жизни стал почти головокружительным. Растущее увлечение Джеймсом, постоянные тусовки с Кейном, занятия в школе — из-за всего этого было такое ощущение, что я находилась в движении все двадцать четыре часа в сутки. Плюс ко всему, несколько дней в неделю после школы я работала приходящей няней. Мне за это платили (правда, мятыми долларовыми купюрами, а не настоящими гладкими чеками), и я чувствовала себя взрослой.

В четверг утром я проснулась еще до будильника. Было почти темно, и я, спотыкаясь,

доковыляла до своего письменного стола и уперлась взглядом в настенный календарь, в котором не было записано почти никаких дел. После чего откопала в выдвижном ящике старый цветной маркер (ярко-малиновый, если быть точной) и обвела дату 21 октября. Не то чтобы я боялась забыть, когда у меня встреча с Джеймсом, просто хотела видеть, как проходят дни.

Настала суббота (почему-то я ожидала, что к концу недели наступит конец света), и у меня от волнения свело живот. Около шести часов я заперлась в ванной, и меня вырвало. Не слишком ли круто для того, чтобы успокоиться?

Приведя себя в порядок, я уставилась в обведенную красным дату в календаре. Конечно, я знала, что всегда буду считать нашей подлинной годовщиной тот первый день в библиотеке. Но отныне у меня появилась уверенность (ну, не абсолютная, конечно, — почти), что я выиграю пари у Кейна. Через пару месяцев его станет тошнить от Ребекки, а у нас с Джеймсом будет настоящая любовь. На занятиях по писательскому творчеству я смотрела на него, представляя нас обоих старенькими и седыми в окружении внуков. Эллиен не ожидала от меня такой глупости, она никогда не видала, чтобы я так витала в облаках. Между прочим, я и сама не думала, что унесусь в такие заоблачные дали.

В восемь я в коротком черном платье и черных туфлях без каблуков уже стояла перед большим зеркалом у себя в комнате. Длинные волосы обрамляли лицо, а губы я намазала темно-красной помадой. Услышав автомобильный гудок с улицы, я схватила сумочку и бросилась вниз по лестнице.

— Пока, — крикнула я родителям, которые смотрели телевизор в маленькой комнате.

— Кейн всегда подходит к двери, — заметила мама.

— Кейн — дурак, — ответила я.

Джеймс ждал меня в своем красном джипе. Несмотря на прохладную погоду, верх машины был открыт, и ветер трепал завязанные в «конский хвост» волосы. Он казался таким красивым, что у меня перехватило дыхание. На мгновение я даже не могла поверить, что у нас в самом деле свидание.

вернуться

14

Стивенс Уоллес (1879-1955) — американский поэт.

Он перегнулся и, улыбаясь мне, толкнул пассажирскую дверцу джипа. Я забралась в машину. И испугалась, что вот-вот задохнусь от избытка воздуха.

Мы и до этого бывали одни, но всегда в общественных местах. Сидя рядом с Джеймсом, глядя на его руки, сжимающие рычаг переключения передач, я чувствовала себя так, словно нас только двое на Земле.

— Думаю, мы поедem в пиццерию, — сказал Джеймс, когда мне наконец-то удалось дрожащими руками пристегнуть ремни.

— Звучит заманчиво, — неуверенно ответила я.

Несколько минут мы ехали молча. Над нами уже мерцали звезды. Я подняла глаза и отыскивала самую яркую.

«Звездочка яркая, звездочка светлая,

Та, что я первой сегодня увидела,

Хочу, чтобы ты для меня вот что сделала...

Хочу выиграть пари у Кейна. Я готова влюбиться», — подумала я. Для пущей важности зажурилась и представила себе звезду.

Когда я открыла глаза, Джеймс глядел на меня, и на лице его было восхищение.

— Смотрю на тебя и вздыхаю, — произнес он. — Ты прекрасна.

Сердце сильно забилося. Джеймс процитировал строчку из «Застольной песни» Уильяма Батлера Йитса — того самого стихотворения, которое я ему выбрала несколько недоль назад. От его низкого и хриплого голоса холодок пробежал у меня по спине.

В заведении, куда мы приехали, подавали потрясающие пиццы. Это было популярное место для свиданий. Я бывала здесь миллион раз с Кейном и Эллен и всегда тайно завидовала парочкам, которые сидели в отдельных кабинках, располагавшихся вдоль стен ресторанчика.

Когда мы с Джеймсом входили в пиццерию, я просто сияла. Все девчонки будут пялиться на нас, желая быть на моем месте.

Направляясь в кабинку в углу, Джеймс слегка приобнял меня. Даже через ткань платья я ощущала на своей коже тепло его ладони.

— Я люблю с перцем, — сказал он, когда мы уселись.

Я взглянула в закатанное в пластик меню. Мы с Кейном всегда заказывали комбинированные пиццы. Больше всего любили с баклажаном, беконом и грибами.

— Отлично. Я тоже.

Джеймс откинулся назад и положил руки на стол. Не зная, что сказать, я сделала то же самое. Вдруг он вновь подался вперед.

— Значит, у вас с Кейном Парсоном ничего нет? — спросил он.

Я остолбенела.

— Что?

— Ты и Парсон. Все в школе знают, что вы неразлучны.

Я не могла удержаться от смеха: за последние два года у Кейна было никак не меньше двадцати подружек. И неужели Джеймс думает, что я могу обманывать своего парня, встречаясь с кем-то на стороне?

— У Кейна куча девиц, но я определенно не из их числа. Мы просто друзья.

Джеймс сделал заказ официантке, затем вновь повернулся ко мне.

— Не думаю, чтобы представители противоположных полов могли быть друзьями, — сказал он. — Тут всегда есть некая... неловкость.

— Но только не у меня, — быстро проговорила я.

Мне не терпелось сменить тему, но в то же время было очень любопытно узнать, что народ говорит о нашей дружбе с Кейном. Неужели все верят в то, что мы влюблены друг в друга? Неужели они вообразили, что я сижу и терпеливо жду, пока он крутит с очередной девчонкой? Для меня это было оскорбительно. Я всегда считала себя сильной и хладнокровной, а вовсе не такой девушкой, которая довольствуется вторым местом. Но, возможно, другие видят меня иначе. Может, они считают меня томящимся от любви щенком.

— По крайней мере, я знаю одну вещь, — сказал Джеймс, беря мою руку.

— Какую?

Лишь только я почувствовала, как его сильные пальцы сжимают мои, мысли о Кейне моментально вылетели у меня из головы.

— Что мы с тобой никогда не будем друзьями.

Его карие глаза блестели, алые губы непреодолимо влекли.

— Почему? — прошептала я.

— Потому что я всегда хотел тебя поцеловать. И сейчас хочу.

Как раз в этот момент вернулась официантка с нашей газировкой. Ее приход сбил настроение, но я уверена, что мои щеки пылали. Н не знала, как воспринимать то, что говорил Джеймс. С одной стороны, я даже и мечтать не могла о таком... С другой, мне все это казалось не вполне реальным. Я всегда думала, что зарождающийся роли и должен быть сродни катанию на «русских горках». Я воображала себя с волнением ожидающей поэтичных слов и горящих взглядов. Однако Джеймс, почти совсем не зная меня, казалось, стремился к телесным отношениям. Он что, действительно имел в виду то, что сказал?

Через несколько минут официантка поставила на стол наш заказ. Я смотрела, как Джеймс отрезает ломоть пиццы и откусывает здоровенный кусок, и меня мучила одна мысль: если Джеймс — такая возвышенная натура, как я себе представляю, то почему он хочет меня? В конце концов, ни у кого еще не возникало подобного желания.

Несмотря на то, что меня продолжало мутить от волнения, я тоже съела кусочек пиццы. Правда, под пристальным взглядом Джеймса чуть не подавилась сыром. Он застрял у меня в горле, и я едва могла дышать. Я прокашлялась, после чего сделала большой глоток колы. Ну так, если я и привлекала Джеймса до сих пор, то теперь-то, наверно, никаких шансов не осталось. Эта мысль странным образом взбодрила меня. Я всегда любила испытывать свои силы.

— Ну, Джеймс, и что ты теперь думаешь об уроках писательского творчества? — спросила я, спеша перейти к более безопасной теме.

— Писать — это классно! — ответил Джеймс.

— Ты так думаешь?

— Ага. Я собираюсь сочинить несколько песен для ансамбля. Обычно их пишет Марк, но у него слова какие-то глупые, — он отрезал еще кусок и взял салфетку.

— Здорово. Мне бы хотелось иногда читать тексты твоих песен — конечно, если ты захочешь.

— Возможно, я придумаю песню о тебе.

Я вновь почувствовала, что заливаюсь краской. Уставилась в тарелку и принялась сосредоточенно есть. Я не очень-то умела флиртовать, и как ни напрягала мозги, не могла найти подходящего ответа.

Казалось, Джеймс был доволен, что можно просто молча поесть, поэтому я позволила себе переключиться на доносившиеся до меня чужие разговоры. Когда я нервничаю, то считаю полезным сконцентрироваться на чем-нибудь постороннем. Этой штуке меня научила мама.

Я прислушалась к тому, о чем говорят в кабинке позади нас. Первый голос, по-моему, принадлежал девочке, похожей на ученицу частной школы, — я заметила ее, входя в ресторанчик.

— Папан на месяц забрал у меня кредитную карту. Взбесился, когда я на прошлой неделе купила новую кожаную куртку. Он такой жестокий!

У меня глаза на лоб полезли. Да меня бы на целый год заперли в моей комнате, если бы я воспользовалась папиной карточкой.

— Ну, дает! — ответил ее спутник. — Неужели он не знает, что без карты ты практически не человек?

— А что я могу сделать? Он не понимает, что значит быть молодым. Может, мне привлечь его за пренебрежение родительскими обязанностями?

Я громко прыснула. Эти двое — словно персонажи второсортного фильма. Интересно, они в самом деле настоящие?

— Ты не слушаешь эту парочку? — шепнула я Джеймсу.

Он покачал головой.

— А что они говорят?

Я прочистила горло и приготовилась вещать, как я это называю, «голосом богатенькой девочки». По моему представлению, именно так должны говорить английские аристократки.

— Это тааак ужасно, — произнесла я, передразнивая девиц. — Папочка отнял мой «Роллс Ройс». Теперь приходится ездить в лимузине. Это та-а-ак унижительно! — я опять засмеялась.

На лице у Джеймса было полное недоумение.

Снова услышав голоса этих двоих, я замолчала.

— Слушай, — сказала я, мотнув головой в сторону кабинки у себя за спиной.

— Мне понравилось, как отделали загородный клуб [15]. Хотя с панелями красного дерева в гриль-баре они малость переборщили.

Я подмигнула Джеймсу, но он смотрел на меня, как на ненормальную. Совершенно очевидно, он не видел ничего смешного в моей пародии. Я вздохнула. Если бы Кейн был со мной, то я бы изображала девицу, а Кейн подражал ее парню. Наверняка остаток ужина мы бы передразнивали их, умирая со смеху.

вернуться

15

Закрытый загородный клуб для избранных с теннисными кортами, плавательными бассейнами и т.п.

Глядя в серьезное лицо Джеймса, я смутилась. Не очень-то красиво потешаться над ближними. Наверно, для Баффи (про себя я называла эту девчонку «Баффи») на самом деле трагедия, что отец отобрал у нее кредитную карту.

Джеймс отодвинул пустую тарелку.

— А знаешь, «Радиоволны» готовят альбом. Через год, в это же время, может выйти наш собственный компакт-диск.

На меня это произвело впечатление. Я немедленно представила себя в роли подруги рок-звезды. Я смогу ходить за кулисы, разъезжать в лимузинах, свободно получать фирменные футболки.

— Правда? А ты дашь мне послушать твой альбом? — я захлопала ресницами и широко улыбнулась Джеймсу.

Надо же! Кажется, у меня получилось пококетничать. Это было непросто, и я чувствовала себя довольно глупо, но ведь не умерла же! Может, к тому времени, когда выйдет компакт Джеймса, я уже буду специалистом в этом деле.

Он опустил руку под стол и погладил мою коленку.

— Непременно, Делия. Непременно.

Было около одиннадцати часов, когда мы подкатили к моему дому. От волнения я сразу же потянулась к дверце джипа, но Джеймс взял меня за руку и вернул обратно.

— Ты такая смешная, Делия, — прошептал он. Смешная? Я надеялась, что он найдет для меня какое-нибудь другое определение. — Я, несомненно, скоро к тебе привыкну.

Он наклонился и поцеловал меня. Сначала моей единственной мыслью было: «О, боже! Я в самом деле целуюсь с Джеймсом Саттоном!» Но потом немножко пришла в себя и сосредоточилась на его теплых, мягких губах. Хорошо, что мы сидели, так как колени у меня дрожали, и на ногах я бы все равно не удержалась.

Я ответила на его поцелуй, стараясь не думать о вспотевших ладонях и запахе пиццы изо рта. Когда он отодвинулся, я вся дрожала и не понимала, где нахожусь.

— Приятных снов, Делия, — пробормотал он.

Идя по дорожке к дому, я вдруг поняла, что Кейн всегда говорит именно «приятных снов». Но почему-то из уст парня, который только что поцеловал меня в губы, эти слова прозвучали совершенно по-другому...

В воскресенье утром я отправилась к Джонсонам. Несколько дней в неделю я сидела с их десятилетней дочерью Ниной. Когда я подъехала к дому, Нина репетировала танцевальные движения. Как только она выяснила, что я преподаю танцы, то тут же заявила, будто больше всего на свете любит танцевать. На втором месте у нее были разговоры про мальчиков.

— Привет, Нина! — крикнула я. — Ну как у тебя с тем новым танцем, который мы разучили в четверг?

Я вышла на лужайку и плюхнулась на траву. Почти всю ночь я думала о нашем свидании с Джеймсом, и недосып давал о себе знать.

— Отлично! Хочешь посмотреть, как у меня получается под музыку?

В ожидании ответа она все время подпрыгивала.

— С удовольствием. Почему бы тебе не принести сюда магнитофон? Я подожду здесь.

Я зажмурилась от солнца, радуясь, что еще достаточно тепло и можно побыть на воздухе.

Через минуту Нина вернулась вместе с родителями и плеером.

Пока Джонсоны кричали мне последние указания, она перемотала запись, которую я сделала для нее.

Мы уже в пятнадцатый раз повторяли танец, когда к дому подкатил Кейн. Ему нравилось навещать меня у Джонсонов: еще бы — Нина чуть ли не целовала землю, по которой он ступал.

Нина замерла на месте, не завершив движения, а потом рванула к Кейну.

— Кейн, хочешь посмотреть мой новый танец? — спросила она.

— Конечно, хочу. Ты же не думаешь, что я пришел сюда ради Делии?

Нина захихикала и отправилась еще раз перематывать пленку. Я с облегчением села рядом с Кейном. Временами у десятилетних девочек энергии больше, чем я могу вынести.

— Ну и как вчерашнее важное свидание? — поинтересовался Кейн, провожая глазами Нину, радостно бегущую вприпрыжку через лужайку.

— Чудесно.

Мне было страшно любопытно, сможет ли Кейн, глядя на меня, сказать, что прошлым вечером мы с Джеймсом целовались. Я до сих пор чувствовала на губах нежное прикосновение его губ.

— Ты уверена, что говоришь это не просто из-за желания выиграть пари? — он смотрел на меня, подняв брови.

— Если хочешь знать, я меньше всего сейчас думаю об этом дурацком пари.

Это была ложь, но меня тошнило от постоянных попыток Кейна меня подловить.

— Ты не находишь, что он малость скучноват?

Кейн захлопал в ладоши, потому что Нина закончила танец и поклонилась.

— Бис! — закричал он.

Я сделала знак Нине начинать с начала и повернулась к Кейну.

— К твоему сведению, «Радиоволны» записывают альбом, — сказала я обиженно.

Кейн фыркнул.

— Во-первых, Джеймс говорил об этом еще год назад. У этих ребят не больше шансов добиться чего-то в музыкальном бизнесе, чем у меня. А во-вторых, ты не ответила на мой вопрос. Он зануда?

— Он обворожителен. И что важнее — считает обворожительной меня.

— Не сомневаюсь, — сказал Кейн. — После Тани Рид ты, наверно, кажешься ему ученым, занимающимся ракетами.

— Благодарю за сомнительный комплимент.

Кейн начинал меня злить. Я думала, что, несмотря на пари, он будет рад моему роману. На День труда он вел себя так, будто мой поиск бойфренда для него — самое важное в мире дело.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть. Только скажи одну вещь.

— Ну что еще? — спросила я, тяжело вздыхая.

— Сколько раз он проверял свою прическу в зеркале?

Я не могла не рассмеяться. Джеймс страшно самовлюбленный. Я даже раз заметила, что он пытается разглядеть свое отражение в пустом лотке из-под пиццы.

Кейн стал изображать, как Джеймс прихорашивается перед большим, в полный рост, зеркалом, и мы оба с головой окунулись в это занятие. Уже закончившая танец Нина решила, что мы тронулись.

Я проводила Кейна к машине, а Нина осталась подбирать вещички, чтобы после пойти в дом завтракать. Девочка была явно разочарована уходом Кейна — она любила покрасоваться перед ним.

— Серьезно, тебе в самом деле нравится Джеймс? — спросил Кейн. Он открыл дверцу машины и посмотрел на меня.

Я подумала с минуту. Мне никогда не приходило в голову, что такой парень, как Джеймс

Саттон, всего за один день станет (скорее всего) моим близким другом. Я бы сошла с ума, если бы упустила возможность быть с ним. Даже если кончится тем, что он разобьет мне сердце, я бы все равно пошла на это.

— Сто пудов, — наконец ответила я. — Он вполне может быть моим парнем.

Кейн качнул головой.

— Все-таки погоди пока доставать бритву для моей макушки. Всякое может случиться до новогоднего бала...

Кейн покати́л по аллее. Я смотрела, как его машина исчезает за углом, и у меня появилось отчетливое ощущение, что у лучшего друга есть что-то на уме. Но опять же, когда этого не было?

Глава 6

КЕЙН

Вторник, 24 октября, после школы

У меня никак не выходят из головы Делия и Джеймс. Последние два дня я замечал, как они флиртуют. Пару раз даже видел, что они держатся за руки. Странно видеть Делию, ведущую себя столь глупо. Такое впечатление, словно это совершенно другой человек, и я не уверен, что мне он нравится. Когда в сентябре я предложил ей влюбиться, то не думал, что она сделает это так быстро.

Конечно, Джеймс красивый парень, если вам нравятся хорошенькие мальчики. И он явно пользуется успехом. Но характер его оставляет желать лучшего. И потом, я ни разу не видел, чтобы Делия смеялась, когда она с ним. Со мной она хохочет без остановки.

В прошлую пятницу Ребекка уехала со своими родителями, но мы договорились непременно встретиться в субботу. И если не выйдет так, как я надеюсь, то для меня это будет настоящая беда...

Я, несомненно, начинаю нервничать, боясь проиграть пари. Если продую, то буду выглядеть полным идиотом, и Делия вечно станет мне это припоминать. К тому же придется терпеть Эндрю, который обещает мне веселенькую жизнь на ближайшие лет пятьдесят. Так что остается влюбиться. Да мне и самому надоело быть в одиночестве (или от нечего делать встречаться с первой попавшейся девчонкой). Хочется чего-то большего, чем просто приятно проводить время.

Я определенно был готов к тому, чтобы перевести отношения с Ребеккой на другой уровень. И уже думал, что она одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо видел. К тому же, она умна и изысканна. Короче, что надо.

Не знаю, чего это я так разволновался, подъезжая к ее дому в субботу днем? Не потому ли, что нашел девушку, которая меня по-настоящему интересует, и теперь парализован страхом быть отвергнутым? Или просто уже не в себе?

Как бы то ни было, я вычистил машину — внутри и снаружи, что со мной случилось впервые. На заднее сиденье поставил корзину с газировкой, сэндвичами, чипсами и шоколадными пирожными с орехами (всем этим снабдила меня щедрая мама). Направляясь к парадному входу дома Фостеров, я бодро насвистывал. Я буду с очаровательной Ребеккой! Делия пусть попрыгает.

Дверь открыл светловолосый мальчуган. На нем была рейнджерская футболка, и выглядел он так, словно возился в грязи.

— Ты кто? — строго спросил он, сердито уставясь на меня.

— Кейн Парсон, сэр. А вы джентльмен, который живет в этом доме?

Я произнес это тоном агента по продажам, и он засмеялся. Открыв дверь пошире, жестом пригласил заходить.

— Ты бойфренд моей сестры?

Он рассматривал меня так, будто я был лабораторный экземпляр.

— Не знаю. Может, нам лучше спросить у нее?

— Джейсон, опять ты ведешь себя, как невоспитанный ребенок? — услышал я голос Ребекки, спускавшейся по лестнице.

В черных джинсах и обтягивающем зеленом свитере, она, как всегда, была неотразима. Волосы она собрала в мягкий пучок, но несколько завитков, выбившихся из прически, обрамляли лицо.

— А вот и нет! — ответил Джейсон, отступая на шаг.

— Катись отсюда! Иди в свою грязную лужу.

Джейсон подлетел к Ребекке, топнул ей по ноге и умчался прочь по длинному коридору.

— Прелестный мальчик, — сказал я. — А его старшая сестра еще прелестнее.

Ребекка одарила меня легким поцелуем в щеку.

— Это чудовище. И почему дети не могут рождаться уже совсем взрослыми?

Ребекка, по-видимому, не очень-то любила детей.

— Должно быть, это было бы тяжело для матерей.

— Кстати, давай-ка уходить, пока моя матушка не вышла поглядеть на тебя. Если мамуля в тебя вцепится, то непременно убедит в том, что самое твое заветное желание — это сидеть на

кухне и пить с ней кофе.

Ребекка взяла выцветшую джинсовую куртку и перекинула ее через плечо.

Когда мы отъехали, она попыталась найти что-нибудь хорошенькое по радио.

— Сколько в этом городе станций, передающих легкую музыку? Это барахло в Манхэттене никто слушать не станет,

— Здесь хорошая джазовая станция, — сказал я, настраивая приемник на другую волну.

Она пожала плечами.

— Ладно. Подходит.

Остановившись у светофора, я повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— Ты готова к приему пищи на природе?

— Естественно. Если, конечно, мне не придется есть всяких муравьев, — она отстегнула привязной ремень и придвинулась поближе ко мне. — А куда мы едем?

— На Гэмблерский пруд, — гордо ответил я. Обычно я никогда не вожу туда своих девушек, но Ребекка была особенная, не то что все остальные, и мне хотелось поделиться с ней. — Поверь мне, там очень красиво.

— Красиво, как в Центральном парке [16]?

— Ну, там нет водных велосипедов, но что в воде не плавают нечистоты — это я тебе гарантирую.

Правой рукой я обнял ее за плечи. Похоже, сегодня будет отличный день.

— Тогда никак нельзя упустить такую возможность.

Я свернул на грунтовую дорогу, ведущую к пруду.

— Как привыкается к новой школе?

— Нормально. Я тут подкатилась к одному капитану болельщиков, и теперь попаду в команду в следующем сезоне. И, судя по тому, что я видела в вашем школьном самоуправлении, я могу попытаться баллотироваться в президенты.

— Ого! Однако у тебя амбиции!

Почему-то я никогда не представлял себе Ребекку занимающейся школьной политикой.

— Мне бы хотелось оставить свой след. К тому же, думаю, это пойдет мне в плюс при поступлении в колледж.

Я остановил машину на краю поля рядом с Гэмблерским прудом. Несмотря на солнечный теплый день, кроме нас тут никого не было.

— Действительно красивое место, — сказала Ребекка так, словно в глубине души ожидала, что

я привезу ее на свалку.

— Мисс Фостер, могу ли я подарить вам Гэмблерский пруд?

Она прыснула и вышла из машины. Я схватил корзину с едой и одеяло и побежал догонять ее.

— Как мило, — проговорила Ребекка, когда я поравнялся с ней.

— Да. Только ты, я и солнце, — ответил я.

Мы взялись каждый за свой конец одеяла, и оно затрепыхалось на ветру. Я придавил все четыре угла камнями и только после этого сел. Опершись на локти, разгладил местечко рядом с собой.

— Мадам, прошу к столу.

Ребекка встала на колени и открыла корзинку.

— О! Арахисовое масло и желе!

— Я пытался достать икру, но не оказалось высшего сорта.

— Икра — это, пожалуй, немного слишком для ланча. А арахисовое масло и желе в самый раз.

Ребекка принялась вытаскивать снедь из корзины. Она казалась такой спокойной, как будто мы не первый год едим вместе на пикники.

— Может быть, нам как-нибудь привезти сюда Джейсона? — сказал я. — Представляешь, сколько он сможет налепить пирожков из грязи?

У Ребекки был такой взгляд, словно я предложил пуститься в дикий, умопомрачительный загул.

— Лучше не надо, — коротко ответила она. — Он никак не вписывается в мое представление о приятном времяпрепровождении.

Я открыл банку и разлил содовую в бледно-кремовые пластиковые стаканчики.

— Как насчет тоста?

Она усмехнулась.

— Если он не будет связан с моим братцем, я вся внимание.

Вокруг тихо падали на землю алые и желтые листья. На ярко-голубой воде вспыхивали солнечные блики, как будто пруд был весь усыпан алмазами. Не хватало только скрипача, тогда бы мы оказались в самом романтическом месте на земле.

Я поднял стакан.

— За Гэмблерский пруд. И, говоря словами Джона Денвера, за солнечный свет на твоих плечах!

— За нас и за мою новую жизнь в родной Америке.

Ребекка чокнулась со мной, глядя на меня из-под длинных ресниц.

Я прикончил свою содовую и придвинулся поближе к ней. Наши глаза встретились, и я нежно поцеловал ее. На вкус губы ее были еще лучше, чем на вид. Мы оказались вплотную друг к другу, мой пульс бешено забился. Мы целовались взад-вперед, и мне хотелось, чтобы Делия была здесь и все видела. Придется ей смириться с тем, что в любовных делах я ее обскакал.

Ребекка принялась перебирать пальцами мои волосы, и я уже больше ни о чем не думал.

— Было так классно! Я пригласил Ребекку на вечер встречи выпускников, — сообщил я Эндрю.

Мы только что закончили тренировку на открытой баскетбольной площадке. Стало немного прохладнее, но я весь вспотел и слегка запыхался.

— Ну и что, она согласилась?

Он вертел мяч на кончике указательного пальца — трюк, который пытался усовершенствовать годами.

— Придурок, конечно, согласилась. Хоть одна женщина в состоянии противиться моим чарам?

— Одну такую я знаю.

Эндрю ткнул мячом прямо мне в живот. Я издал стон.

— Кто? — я встал со скамьи и повел мяч.

— А как ты думаешь? Делия.

— Не понял? — я поймал мяч и остановился, как вкопанный.

— Делия Бирн. Девушка, по которой ты давным-давно сохнешь. Она ни разу еще не пала жертвой твоей хваленой мужественности.

— Мы с Делией — друзья. Посмотри в словаре, что это такое.

— Старик, а почему бы тебе не поискать в словаре слово «отказ»? Плохой ты привел довод.

— Я думал, мы говорили о Ребекке.

Мы оба взяли свои рюкзаки и двинулись к парковке.

— Говорили. Если честно, я не понимаю, чего ты так печешься о подруге. Вечер будет еще не скоро. Может, ты найдешь кого-нибудь получше.

Я покачал головой. Меня никогда не переставало удивлять полное отсутствие такта у Эндрю. Хоть я и парень, но считаю, что то, как он судит о девчонках, для них оскорбительно.

вернуться

— Знаешь, Эндрю, в жизни есть только три стоящих вещи: любовь, удовлетворенность и счастье.

— И? — он замер на месте и уставился на меня.

— Что — и?

— И все это ты надеешься найти с Ребеккой?

Эндрю взял у меня баскетбольный мяч и принялся вновь вертеть его на пальце.

— Конечно. Почему бы нет?

Он поднял руки, сдаваясь.

— Я только не понимаю, как ты можешь говорить, что любишь девушку, с которой знаком всего пару месяцев.

— Послушай, я реально смотрю на вещи. И не вижу в этом ничего плохого.

Я двинулся дальше, Эндрю пошел следом.

— Если тебя интересует мое мнение, то от девчонок одна сплошная головная боль.

— Меня не интересует.

— А зря. Ребекка, старик, просто ищет развлечений. Это не та девчонка, в которую ты хотел бы влюбиться.

— Я прилгу это к сведению. А теперь можно, я возьму свой мяч?

— На, — сказал он, протягивая его мне. — И послушай меня: наживешь ты себе неприятностей.

Я неслабо ткнул Эндрю кулаком в плечо. Что он, вообще, понимает в женщинах?

Глава 7

ДЕЛИЯ

Среда, 1 ноября, 10 часов вечера

Джеймс вчера пригласил меня на танцевальный вечер выпускников! Мы отмечали Хэллоуин у Каролины Санг (я была ведьмой, а Джеймс — пиратом), и это приглашение было сделано в

комнате с инфракрасным светом, который установила Каролина. Правда, до этого он мне малость поднадоел своими разговорами про то, как они с Таней праздновали Хэллоуин в прошлом году. К тому же, я была в плохом настроении, потому что Кейн не пришел на вечеринку. Вместо этого он отправился с Ребеккой в гости к какому-то футболисту.

Но важно то, что Джеймс пригласил меня на танцы. Этот вечер станет первым, где я появлюсь со своим настоящим парнем. Значит ли это, что мы любим друг друга?

P.S. Сгораю от нетерпения сообщить эту новость Кейну. Мне кажется, мы не разговаривали с ним несколько лет.

В школе Джефферсона чувствовалось приближение зимы. Все надевали новые свитера и толковали о том, что в холодном воздухе на улице можно увидеть собственное дыхание. Я закрывала на ночь в своей комнате окна и закутывалась в электрическое одеяло. На уроках танца с Ниной нашей сценой был уже не двор, а просторный холл на первом этаже. Эллен Фрейзер решила, что настало время надевать чудо-лифчик.

Хотя я и продолжала утверждать, что сама идея проводить танцевальные вечера в школе — незрелая и глупая, все же не могла дождаться, когда мы с Джеймсом, обнявшись, войдем в зал. Я представляла себя в платье с приколотым к корсажу маленьким букетиком красных роз. Над обнаженными плечами покачиваются сережки из горного хрусталя, а стройные и соблазнительные лодыжки стянуты ремешками выходных босоножек на высоких каблуках.

К сожалению, «Радиоволны» должны играть на вечеринке, поэтому я не смогу все время быть с Джеймсом. Но я успокаивала себя тем, что все девчонки в школе обзавидуются, когда именно я приду туда с самым сексуальным ведущим певцом ансамбля.

В пятницу днем мы с Эллен отправились покупать платья. Она согласилась пойти на вечер с одним из друзей Джеймса, хотя ей тоже эта идея не особенно нравилась.

— А как тебе вот это? — спросила меня Эллен.

Она хихикнула и взяла розовое платье из тафты с шарообразной юбкой. Вокруг плеч были какие-то перья.

— Если бы я напялила на себя этот костюмчик, то оставалось бы только завернуть меня в журнал дешевых комиксов. Было бы похоже на кусок жвачки.

Я перешла к следующей стойке и сняла с вешалки короткое черное платье с расшитым бисером жакетиком-болеро. Это был просто идеальный вариант.

Эллен выбрала облегающее зеленое платье из шелка, и мы двинулись в примерочную.

— Слушай, похоже, у Кейна с этой девушкой, Ребеккой, все очень серьезно, — глухо заметила Эллен из-под свитера, который пыталась стянуть.

Я принялась разглядывать свои черные уличные ботинки.

— Они собираются вместе прийти на танцевальный вечер, если ты это имела в виду.

Я разулась, потом сняла толстые черные носки — с платьем для коктейля они будут смотреться неважно.

Эллен повернулась ко мне спиной, чтобы я застегнула молнию на ее зеленом платье. Могу сказать, что «помощник природы», как она любит называть свой лифчик, сделал чудеса, и платье сидело отлично.

— Да, я знаю, что они идут на вечер. В смысле, Кейн ее пригласил. Но тот браслет, который он ей подарил, на вид очень дорогой. Эндрю Райс говорит, Кейн спустил на него порядочную часть тех денег, что заработал летом.

Рука моя замерла, не застегнув молнию до конца.

— Ради бога, о чем ты? Какой браслет?

В зеркале я увидела, что Эллен удивленно подняла брови.

— Ты ничего не знаешь?

Я покачала головой, стараясь казаться беспечной.

— Нет. Наверно, он просто забыл сказать мне. Это не имеет значения.

— Короче, браслет золотой и на нем опал. Опал — это ее камень. Я у нее видела его вчера в душевой. Она так выставляла напоказ запястье, что только слепой не заметил бы.

Я попыталась сделать вид, что мне совсем не интересно то, о чем рассказывает Эллен.

— Хм. Не знала, что Кейн способен на такую банальность, как купить девушке ее камень. Прямо какие-то шестидесятые годы.

— Я уверена, он тебе скажет насчет браслета. Вероятно, у него пока не было случая.

Эллен встала на цыпочки, пытаясь представить, как будет выглядеть платье с туфлями.

— Конечно. Не сомневаюсь, что это просто выскочило у него из головы.

Внутри я вся кипела. Как мог Кейн упустить такую важную вещь и не поделиться со своим лучшим другом? И ведь он явно рассказал о подарке Эндрю, вероятно, даже советовался с ним, что бы такое приобрести. Кейн никогда прежде не делал подарков своим подружкам, во всяком случае, дорогих ювелирных изделий. Единственное, что он подарил мне, — это золотая рыбка (которая сдохла через три дня).

Может, Кейн действительно влюбился в Ребекку? Если так, то наш спор закончится вничью. Потому что я была почти уверена, что люблю Джеймса. Неужели Кейн откажется от меня теперь, когда нашел кого-то получше? Раньше наша дружба была на первом месте. Он рассказывал мне все-все о своей жизни, включая и дела на сердечном фронте. А сейчас, казалось, я ему вовсе не нужна. Возможно, мне придется распрощаться со своим лучшим другом. Это была удручающая мысль. Мягко говоря.

Эллен покрутилась у трельяжа, разглаживая зеленый шелк на груди. На вид у нее был второй номер, не меньше.

— Я думаю, если Кейн закрутит с Ребеккой Фостер, то для такого классного парня это будет пустая трата времени. Девушка хуже не придумаешь.

— Почему это?

Должна признаться, я не испытывала теплых чувств к Ребекке. Каждый раз при встрече с ней у меня возникало ощущение, что я вывалилась в грязь. Но ведь я привыкла, что все подружки Кейна относились ко мне с подчеркнутым безразличием — и это совершенно не задевало меня. Наоборот, я как будто бы даже получала от этого удовольствие. Теперь же я удивилась, что Эллен такого плохого мнения о последнем завоевании Кейна.

— Ну... Эта девушка законченная карьеристка. Я слышала, как она хвасталась Кейном перед девчонками в туалете. Она только и трещала, что о его внешности, и ни слова о том, что он из себя представляет, — Эллен расстегнула молнию и вылезла из платья.

— Да ну? — я все еще разглядывала себя в зеркале. Черное платье почему-то потеряло все свое очарование. Мне стало как-то не по себе, и внезапно пропало всякое настроение ходить по магазинам.

— И еще я слышала, как она сказала Аманде Райт, что Кейн — это для нее ключ к признанию. Поскольку все знают Кейна, то значит, автоматически примут и ее. Она заявила, что к концу года станет капитаном болельщиков и будет крутить любовь с ведущим футболистом. Как это мелко, тебе не кажется?

Я повесила черное платье и болеро.

— Кажется. А ты случайно не ревнуешь к Ребекке? Я же в курсе, что у тебя с Кейном не получилось... Только он не самый лучший кандидат на роль бойфренда — уж больно непостоянный.

Эллен нахмурилась.

— Делия, я-то не ревную. А вот ты?

— Не смей меня, — возмущенно ответила я. — У нас с Кейном никогда ничего не было. Я тысячу раз тебе это говорила.

— Да знаю я, что ты говорила, — Эллен влезла в джинсы и потянулась за ботинками. — Но никогда не объясняла, почему ты не хочешь быть с ним?

Я вздохнула:

— Во-первых, у нас роман с Джеймсом. А даже если и не это, все равно мы с Кейном никогда не смогли бы быть вместе.

— А поподробнее? — вытаращила глаза Эллен.

— Ну, он мне как брат, на него нельзя положиться, он очень самонадеянный, мы любим разное мороженое, устраиваем потасовки, отнимая друг у друга пульт, мы...

Эллен рассмеялась.

— Ладно, ладно. Вижу, что вы два сапога пара. Давай оставим эту тему. Я знаю, ты терпеть не можешь говорить о Кейне.

— Ну, спасибо... Пойдем отсюда. Здесь все равно нет платья, о котором я мечтаю.

Мы вышли из магазина. Я старалась не придавать значения грызущему меня смутному беспокойству. И все еще не могла поверить, что Кейн не удосужился сообщить мне о дорогом

браслете, который купил для Ребекки. Подходя к дому, я уже готова была его убить. Ему придется много чего мне объяснять.

В ожидании, пока кто-нибудь из Парсонов возьмет трубку, я накручивала на палец телефонный провод. После третьего гудка послышался ласковый голос миссис Парсон.

— Здравствуйте, миссис Парсон. Могу я поговорить с Кейном?

Я скинула ботинки и улеглась на кровать.

— Делия! Рада тебя слышать. Что-то давно тебя не было.

— Да, я была очень занята. Кейн, по-моему, тоже.

Миссис Парсон была для меня одним из самых близких людей. Будто вторая мать.

— Дэл? — Кейн подошел ко второму аппарату, и миссис Парсон повесила трубку.

— Привет, — сердце внезапно забилося быстро-быстро. Голос Кейна мне показался чужим.

— Ты что делаешь сегодня вечером?

Я слышала, что он что-то жевал, — судя по хрусту, уплетал кукурузные хлопья. За день он мог съесть почти целый мешок.

— Встречаюсь с Джеймсом.

Взяв телефон, я подошла к стенному шкафу. Джеймс заедет за мной через полчаса, а я до сих пор еще не придумала, что надеть.

— Похоже, будет непросто определить победителя в нашем споре, — голос Кейна звучал как-то устало, словно у него не было желания со мной разговаривать.

— Да, я слышала, — откликнулась я, не в силах скрыть горечь.

— О чем? — кажется, он начинал раздражаться, но мне это было безразлично.

— Вы с Ребеккой становитесь очень близки. Все говорят об экстравагантном браслете, который ты посчитал необходимым ей купить.

— У нее был день рождения. Что тут такого?

— А почему ты мне не сказал, что растранижил весь летний заработок на подружку? Я что, уже не имею для тебя значения, раз ты не посвящаешь меня в свою жизнь?

Я злилась все больше и больше. Кейн, по крайней мере, мог бы посоветоваться со мной, какой выбрать подарок. Я в этом лучше понимаю, чем он.

— Ну, извини, что вообще веду хоть какую-то жизнь. Я думал, ты слишком занята поцелуями с Джеймсом, чтобы интересоваться моими делами.

Теперь и Кейн взбесился, и, похоже, беседа наша близилась к концу.

— Ха! Ты сам прилип губами к Ребекке. Я начинаю думать, что вы — сиамские близнецы.

Кейн вдруг прекратил хрустеть.

— Ты просто боишься проиграть пари. И психуешь, понимая, что этот твой Саттон — жалкая отговорка и ты не дотянешь с ним до новогоднего бала.

Я вытащила из шкафа трикотажные брюки и водолазку и с грохотом захлопнула дверцу.

— Я по-настоящему, всецело влюблена в Джеймса Саттона. А вот ты даже и не поймешь, что это любовь, если она вдруг свалится на тебя. Единственное, что тебя интересует, — это смазливенькое личико.

Свободной рукой я с трудом стянула с себя джинсы. Время летело, а я все еще не переоделась. Я призвала на помощь все свое самообладание, чтобы не швырнуть трубку.

— Да что ты обо мне знаешь! Очевидно, ты последние три года была в полном неведении!

— Очевидно, — ответила я с сарказмом. — А теперь извини, я должна завершить приготовления к свиданию. Желаю счастья.

— И тебе того же.

Я едва разобрала, что он сказал.

— До свидания, — я в ярости бросила трубку.

Я была на грани того, чтобы разреваться, а между тем до приезда Джеймса оставалось меньше десяти минут.

Но как ни была я зла на Кейна, я не могла поверить, что наш разговор закончился так скверно. Мы никогда еще не вели себя так по отношению друг к другу и вряд ли сможем теперь забыть об этой безобразной сцене.

Я пыталась радоваться тому, что сейчас увижу Джеймса, но по щекам катились слезы. Лицо в зеркале было бледным, глаза покраснели. Я должна была бы светиться любовью, а вид у меня был такой, будто я потеряла лучшего друга.

— Ты знаешь, как классно сегодня выглядишь? — спросил Джеймс, привлекая меня к себе.

Я прильнула головой к его груди, слушая, как быстро стучит его сердце.

— Да ты и сам тоже ничего.

Мы отлично пообедали в итальянском ресторанчике, а теперь стояли у моих дверей. Джеймс весь вечер был так внимателен, что я чувствовала себя как принцесса.

— Я так рад, Делия, что мы нашли друг друга. В начале года я был совершенно выбит из колеи. Когда Таня уехала, я думал, что всю оставшуюся жизнь так и пробуду в одиночестве. А когда пришел на факультатив по писательскому творчеству, там была ты.

— Думаю, это судьба.

Я взглянула в светло-карие глаза Джеймса, желая раствориться в его чувственном взоре. Я как будто попала в волшебную сказку.

— Да, уверен в этом.

Рот Джеймса был так близко, что слова эти я скорее почувствовала, чем услышала. Я крепко обняла его за шею, еще ближе притягивая его к себе. Он поднес одну руку к моему лицу и погладил щеку, словно это был атлас. Я легонько провела пальцем по нежной коже шеи и ощутила, как он весь задрожал от этого прикосновения.

Мгновение мы просто смотрели друг на друга. Затем Джеймс поцеловал меня, раздвинув мои губы своими. По всему телу побежали мурашки, и меня охватило странное чувство неловкости, смешанной с блаженством. Я добила того, чего хотела, но при этом не могла отделаться от ощущения, что все это обман. Почему ?

Не внимая голосу рассудка, я теснее прижалась к Джеймсу и зажмурилась против неяркого освещения над входом.

Не знаю, сколько мы так простояли, стиснув друг друга в объятиях, таких привычных для меня. Но когда мы в конце концов оторвались друг от друга, то оба задыхались.

В это время свет над дверью несколько раз вспыхнул и погас. Очевидно, мама знала, что я стою на улице. Она поняла, что мой мир перевернулся, и решила, что для одного вечера довольно потрясений.

Я издала смущенный смешок.

Джеймс улыбнулся, пригладив мои волосы за ушами. Он быстро чмокнул меня в лоб, затем склонился над моим ухом.

— На вечере я спою песню специально для тебя, — прошептал он.

Я проскользнула в дом, заметив, что мама благоразумно покинула прихожую. Подойдя к окну гостиной, я приподняла тонкий белый тюль. Джеймс уже сидел в джипе, и его лицо скрывала тень. Я опустила занавеску.

Пока я на цыпочках кралась к себе наверх, одна моя половина была на седьмом небе. Я достигла цели, поставленной на выпускной год. Еще даже не было танцевального вечера, а я уже влюбилась. В первый раз в жизни. Кто бы мог подумать, что Делия Бирн способна вызвать свет, какой я сегодня увидела в глазах у Джеймса? Видно, и в самом деле произошло чудо.

Но другая моя половина чувствовала себя так, словно меня переехала машина. Я, конечно, могла позвонить Эллен и дать ей полный отчет об этом страстном вечере с Джеймсом, но вот дверь Кейна для меня была закрыта. А раз у меня нет возможности поделиться тем, что происходит в моей жизни, с самым близким для меня человеком, то это все равно, что вообще ничего не происходит.

Глава 8

КЕЙН

Явившись в понедельник утром в кабинет физики, я страшно беспокоился, как мы встретимся с Делией. После той катастрофической беседы в субботу мы с ней ни разу не разговаривали, и я до сих пор не мог толком понять, из-за чего разгорелась такая ужасная ссора. Сначала мы говорили как нормальные люди, а потом стали орать друг на друга, словно враги, стоящие на тропе войны. Этот случай не давал мне покоя, и я никак не мог выбросить его из головы.

Делия вошла в класс после меня и села за соседний стол. Поскольку, кроме него, вокруг было еще несколько свободных мест, я воспринял этот жест как намерение помириться.

Мисс Гордон начала лекцию. Я вырвал из тетради клочок бумаги и написал большими печатными буквами: «ПЕРЕМИРИЕ?» (Я был не против сделать первый шаг навстречу, но не думал заходить настолько далеко, чтобы простить.)

Последние пятнадцать минут Делия сидела, демонстративно отвернувшись от меня. Я ткнул ее карандашом в руку, протягивая листок. Она возмущенно повернула голову. Увидев записку, слегка улыбнулась. Я дернул ее за волосы и положил записку. Внезапно я почувствовал, что с плеч свалился двухтонный груз.

Когда прозвенел звонок, Делия поднялась, сделала пару шагов в мою сторону и положила руки мне на плечи.

— Друзья? — произнесла она.

Я кивнул, стиснув ее локти:

— Навсегда, — и мы вышли из класса. Я обернулся к ней: — Может, сходим после школы в кафе? Похрустим чипсами и напомним друг другу, что мы не враги.

— Отличная идея, Парсон. Встретимся в три часа.

В коридоре меня ждала Ребекка. Браслет, который я ей подарил, поблескивал на запястье. Я покосился на Делию. На ее лице была приклеена широкая улыбка.

— Привет, ребята, — сказала Ребекка, лучезарно улыбаясь мне.

— Здравствуй, Ребекка, — проговорила Делия. — Какой красивый браслет.

Голос Делии звучал так, словно она разговаривала с лучшей подругой, и я успокоился, видя,

что она пытается быть любезной.

Ребекка подняла руку.

— Спасибо, Делия. Это солнышко Кейн мне его подарил. Разве он не душка? — она шлепнула меня по руке и подошла ближе.

Я заметил, что Делия удивилась. Взгляд ее темно-карих глаз был напряжен, но я не мог точно определить, о чем она думает.

— Душка, — согласилась Делия. — Ну, ладно, голубки, еще увидимся.

Делия быстро зашагала по коридору, и Ребекка поцеловала меня в щеку.

— Угадай, что я придумала? — спросила она.

— Что?

Я все еще одним глазом следил за Делией, которая остановилась и разговаривала с Джеймсом у запасного выхода. Она смеялась, и трудно было поверить, что это та самая девушка, которая так обозлилась в субботу вечером.

— Я поговорила с Керри Старке. И мы решили, что они с Патриком пойдут вместе с нами на танцы в следующую субботу.

Я пожал плечами, помня о том, как несносен был обычно Патрик Мэр на школьных сборищах. Это был не тот человек, с которым я горел желанием скооперироваться. А поскольку он стал встречаться с Керри Старке, то я даже представить себе не мог, как они оба будут работать на публику, демонстрируя свои отношения. Было ужасно противно смотреть на здорового футболиста, который у всех на глазах средь бела дня лапает свою девчонку. Но Ребекка, казалось, не замечала, что я не в восторге от этой затеи.

— Правда, клево будет? — продолжала она. — Мы так классно проведем время вместе. И если я подружусь с Керри, то верняком попаду в команду болельщиков.

Раз она действительно хочет идти на вечер с Патриком и Керри, то мне-то что? В конце концов, чем лучше у нее расположение духа, тем больше она будет настроена на роман. А танцевальные вечера как раз и созданы для романов.

— Да, будет забавно, — ответил я, кладя руку ей на плечо. — Присоединяюсь.

Мы расстались у входа в класс, где у Ребекки должен был начаться следующий урок, и я побежал по лестнице в библиотеку, перепрыгивая через две ступеньки. Мы с Эндрю вместе делали устный доклад по истории, и приходилось сидеть в читалке.

Я отыскал Эндрю посередине зала. На столе было навалено штук двадцать книг. Он держал во рту карандаш и казался гораздо более прилежным учеником, чем был на самом деле.

— Как дела, Райс? — спросил я, придвигая стул.

— Тс-sss! Это же библиотека! — Эндрю приложил палец к губам, показывая, что мне следует быть потише.

Я приблизился настолько, чтобы он мог слышать шепот.

— Что это с тобой? — полюбопытствовал я, озираясь по сторонам: не стоит ли на страже директор школы.

Эндрю указал на девушку на контроле. Многие юнцы с благоговением относятся к дежурным библиотekarшам, но я никогда не видел, чтобы Эндрю так трепетал перед ними. У девушки были длинные каштановые волосы, блузка застегнута на все пуговицы.

Повернувшись ко мне, он ответил:

— Я обещал Рейчел не шуметь.

Я удивленно поднял брови. Инопланетяне, что ли, похитили Эндрю и поместили в его тело биоробота? Что-то я не замечал, чтобы он раньше так пекся об обещании, данном библиотечному смотрителю.

— Ну и что?

— Она очень милая девушка. Давай окажем ей уважение, — прошептал Эндрю, кося глазами туда, где Рейчел набивала что-то на компьютере.

Я дотронулся до его лба.

— У тебя что — жар? А может, ты совсем умом тронулся?

Он убрал мою руку.

— Давай работать. Рейчел сделала любезность, подобрав нам книги. Вот и давай изучать их.

Я открыл том, что был ближе всего ко мне, и принялся листать страницы. Через несколько минут я поднял голову, чтобы спросить Эндрю, как он думает поделить работу. Он, раскрыв рот, пялился на Рейчел. Стараясь привлечь его внимание, я вверх-вниз помахал рукой у него перед глазами.

Щеки Эндрю залила краска, и тут вдруг меня осенило. Догадывался он сам об этом или нет, но отвергающий общепринятые взгляды Эндрю втюрился в библиотekarшу.

— Ее зовут Рейчел, — сообщил я Делии, распахивая перед ней стеклянную дверь кафе. — Работает в библиотеке.

Это было единственное в своем роде заведение. В нем подавали все — от гамбургеров до лепешек с мясной, рыбной или сырной начинкой, хотя по большей части вся эта еда по вкусу почти не различалась. Столы были обшарпанные, а в углу стоял древний музыкальный автомат. Мы с Делией провели здесь, наверное, половину сознательной жизни, особенно до того как получили водительские права. Среди старшеклассников это кафе пользовалось особой популярностью: оно находилось вдали от жилых кварталов, так что сюда можно было съезжаться на мотоциклах.

— Рейчел Холл? — спросила Делия, направляясь прямо к нашему любимому столику. Он был как раз рядом с музыкальным автоматом. Когда бы мы сюда ни приходили, Делия всегда норовила сама выбирать музыку.

— Наверно. Эндрю называл ее просто Рейчел. И каждый раз, когда он произносил ее имя, на лице у него появлялось глупейшее выражение.

Я повесил наши куртки на вешалку около столика и плюхнулся на стул — устал что-то.

— Любопытно. Но мне кажется, Рейчел не было у Эндрю в списке.

Делия открыла меню, и я вытянул шею, чтобы можно было читать слова вверх ногами.

— Я думаю, он в самом деле положил на нее глаз.

— Удивлюсь, если она на него польстится, — произнесла Делия, толкая меню ко мне. — Давай возьмем начо [17] ?

— Я как раз мечтал о начо после того тунца, что был на завтрак, — сказал я. — Так или иначе, они совсем не подходят друг другу. Но пути любви неисповедимы.

— Уж кто-кто, а мы с тобой это знаем, — согласилась Делия.

Она сделала официантке заказ. Затем откинулась назад, чтобы бросить доллар в автомат.

— Это точно. Меньше трех месяцев назад мы думали, что никогда не влюбимся. А теперь вот влюбились, — я улыбнулся Делии, и она тоже улыбнулась в ответ.

вернуться

17

Начо — хрустящие кукурузные чипсы, используемые в мексиканской кухне как закуска. Часто подаются с сыром и острым соусом «чили».

Официантка почти сразу же вернулась с нашим заказом. Начо — это блюдо, состоящее из готовых чипсов, посыпанных тертым сыром. Короче, это, наверно, моя самая любимая еда.

Делия зачерпнула промокшие в соусе чипсы и отправила в рот.

— Знаешь, Кейн, должна тебе кое в чем признаться.

— В чем это? — спросил я.

— Я действительно рада, что ты заставил меня согласиться на это дурацкое пари. Не знаю, стала бы я посылать Джеймсу любовные сигналы, если бы надо мной не висела угроза обесцвечивать волосы.

— Рад, что ты счастлива в новой роли влюбленной девушки, но я продолжаю считать Джеймса неудачником.

Я жевал начо, смакуя вкус тертого сыра.

— Ты говоришь это просто потому, что хочешь выиграть пари. Разве тебя не может удовлетворить ничья?

Я знал, что она не примет никакого совета, но не мог не выразить своего мнения. Это у меня в характере.

— Я это сказал не для того, чтобы выиграть пари. Это совершенно серьезно.

— А если я заявлю, что Ребекка тебе не пара?

Заиграла песня, которую Делия выбрала в музыкальном автомате, и она начала раскачиваться в такт мелодии.

— Тогда я отвечу тебе, чтобы ты не совала нос не в свое дело, — откликнулся я.

— Вот-вот.

— Значит, ты предлагаешь мне не лезть в твои дела?

— Совершенно верно, Шерлок.

Я помахал салфеткой, как белым флагом.

— Ладно, ты права.

Она кивнула.

— Я знала, что мы договоримся.

Делия отодвинула тарелку и одним глотком осушила стакан воды. Я рассмеялся, глядя на нее. Она поистине одна такая на миллион.

Субботний день 11 ноября, когда состоялся вечер, был холодным и солнечным. В пятницу я завершил все приготовления: забрал из химчистки свой единственный костюм, помыл машину, а мама помогла мне выбрать для Ребекки букетик красных роз, что прикалывают к корсажу. Я был во всеоружии.

Поскольку Патрик играл в футбольной команде, а Керри возглавляла команду болельщиков, днем мы с Ребеккой одни пошли посмотреть на матч «Рейдеров». Затем оба отправились домой переодеться, а около девяти часов я должен был за всеми заехать. Я по-прежнему не горел желанием объединяться с Патриком и Керри, но смирился с мыслью, что придется провести время в их неприятной компании.

Когда мы пришли на стадион, Ребекка потащила меня в сектор, который был как раз напротив трибуны, где расположилась команда болельщиков.

— Давай сядем здесь, — сказала она. — Отсюда увидим всех своих друзей.

Она помахала рукой Керри, а та потрясла в ответ красным помпоном.

Краем глаза я увидел Эндрю. Он был один, поэтому я жестом пригласил его к нам. Такое удрученное выражение лица было решительно для него несвойственно.

Ребекка поднялась с места и, когда он уселся, обняла его.

— Привет, Энди, как дела?

Он был причесан и сбрил светлый пушок на щеках.

— По правде говоря, могли бы быть и получше.

Ребекка, казалось, не слышала его ответа.

— А кого ты ведешь на вечер?

Эндрю покачал головой.

— Я туда не иду.

— Я думал, ты хотел пригласить Рейчел Холл, — сказал я.

Два дня он собирался с духом и клялся, что сделает приглашение в пятницу после школы.

— Я решил, что это неудобно. Нельзя приглашать девушку на танцевальный вечер за день. Это выглядело бы так, словно я не думал, будто ее может позвать кто-нибудь еще.

— Рейчел Холл? — спросила Ребекка, наморщив нос. — Ты имеешь в виду ту невзрачную девицу из библиотеки?

Я ткнул Ребекку в бок. Она, конечно, красива и умна, но дипломатичность — не самое сильное ее качество.

— А мне кажется, она хорошенькая, — проговорил я.

Эндрю пожал плечами.

— Может, Ребекка и права. В конце концов, что у меня общего с цыпочкой, которая работает в библиотеке?

— Тебе не следует заводить с ней роман, — твердо заявила Ребекка. — Я уверена, что ты найдешь кого-нибудь попривлекательнее.

— Делии Рейчел нравится, — сказал я. — Они в прошлом году вместе ходили на английский и все время говорили о книгах. — Я взглянул на Ребекку, стараясь показать ей глазами, чтобы она отстала от Эндрю. Рейчел была первой девушкой, заинтересовавшей его всерьез, и я не хотел, чтобы Ребекка все испортила.

— То, что она нравится Делии, еще ни о чем не говорит. Делия не принимает активного участия в жизни школы. Не держит руку на пульсе.

Слова Ребекки прозвучали мягко, но мне стало как-то не по себе.

— О чем ты? — я почти забыл, что с нами был Эндрю, и полностью переключился на Ребекку.

— Ну, я сомневаюсь, что Делия в курсе, кто из выпускников пользуется успехом. Она хорошая, но... — Ребекка замолчала, как будто высказала о Делии все, что могла.

— Что — но? Дэл не тусуется с ними со всеми, так как у нее есть, на что потратить время. Танцы, например. А еще она пишет. И общается со мной.

Я, конечно, вспылал напрасно, но ничего не мог с собой поделать. Если я из-за чего и закипал, то это когда слышал, что плохо отзываются о Делии. Сам я мог часами говорить о том, как она меня раздражает, но когда кто-нибудь другой раскрывал рот, я испытывал сильнейшее желание треснуть его как следует.

— Извини, Кейн. Я просто высказала свои наблюдения, — голос Ребекки был обиженным, и я тут же почувствовал, что перегнул палку. В конце концов, мы в свободной стране. Она может говорить все, что хочет. К тому же, Делия не нуждается в моей защите.

— Это ты меня прости, — виновато сказал я. — Когда дело касается Бирн, я веду себя немного по-братски. Эндрю знает, что я имею в виду, правда?

Я посмотрел налево, ожидая, что Эндрю шуткой разрядит атмосферу. Но, к сожалению, он уже ушел. Я заметил его удаляющуюся спину в черной кожаной куртке.

— Да ладно, ничего, — произнесла Ребекка, положив руку мне на колено. — Я уверена, можно найти множество более интересных способов развлечься, чем обсуждать Делию.

Я молча кивнул и обнял ее.

— Поддерживаю это предложение. Давай поговорим о нас с тобой.

Пока Ребекка толкала речь о том, как сильно мне понравится платье, которое она наденет на вечер, я тайком оглядел трибуны.

Справа от нас несколькими рядами выше сидели Делия с Джеймсом. Они завернулись в большое клетчатое одеяло, и я не мог понять, держатся ли они за руки. Не то чтобы мне было до этого дело. Но с чисто антропологической точки зрения, мне всегда казалось интересным наблюдать за Делией, когда она поступает вопреки своей натуре. Иными словами, мне было любопытно.

Позади Делии и Джеймса устроилась Эллен Фрейзер. Я не сомневался, что с парнем, сидевшим рядом с ней, Эллен будет сегодня на вечере, но между ними было около трех футов скамейки. Вид у Эллен был очень высокомерный, я не мог удержаться, чтобы не расхохотаться. Делия рассказывала мне о чудо-лифчике, и я сощурился, чтобы разглядеть ее получше. Насколько я мог судить, она выглядела точно так же, как всегда. Правда, на ней был толстый свитер. Про себя я решил взять это на заметку и проверить Эллен на вечере.

Мой взгляд невольно вернулся к Делии. Мне было ужасно интересно узнать, что происходит под одеялом. Как раз в этот момент она посмотрела в мою сторону. Глаза ее расширились, и она отвела взгляд. Я почувствовал, что краска заливает мои щеки. А вдруг она подумала, что я таращился на нее?

От этих мыслей меня оторвал голос Ребекки.

— Лапа сказал, что я могу прийти на два часа позже, чем обычно. Здорово, да?

Я придвинулся ближе к Ребекке и обнял крепко, как только смог.

— Здорово. Просто отлично.

— Особенно потому что после танцев звезда баскетбольной команды устраивает вечеринку. Только по приглашениям. Но я уверена, что мы будем в списке.

Я застонал про себя, отвернув лицо в сторону Делии. На мгновение наши глаза встретились, и она вздрогнула. Одеяло соскользнуло с ее колен, и я наконец-то увидел, что они с этим типом действительно держались за руки.

Я закрыл глаза, спрашивая себя, было ли ей так же нелегко со своим избранником, как мне. И почему-то подумал, что нет.

Глава 9

ДЕЛИЯ

Вы никогда не замечали, что у любого танцевального вечера есть своя тема? Большие вечера не проводят просто в зале со спокойным освещением, оркестром и легкой выпивкой. Словно существует неписанный закон, по которому учащиеся вынуждены подчиняться причудам некоего действующего из лучших побуждений комитета, отвечающего за праздничное убранство. Для субботнего мероприятия комитет избрал тему «Вечер в Париже». Должна признать, что было очень миленько — по школьным меркам, конечно. По стенам и даже на потолке развесили белые светильники. В физкультурном зале выстроились в ряд крошечные столики, как в кафе, с коваными стульями и многообещающими свечками. На стенах — большие картины с видами Парижа, написанные самими учениками. А прямо под баскетбольной корзиной поставили макет Эйфелевой башни из папье-маше. Все это не создавало полного впечатления, что мы в Париже, но я не могла не отдать должное комитету. Наверное, они не один час развешивали все эти лампы.

Мы с Джеймсом рано приехали на вечер, потому что «Радиоволнам» было необходимо установить аппаратуру и проверить звук. И вот оркестр грянул свинг [18], хотя не все еще собрались. Я смотрела то на Джеймса, то на девчонок, глазевших на него, когда он пел. Мне нравились их восхищенные лица и блестящие глаза — наверно, такие же блестящие, как и у меня.

— Как тебе веселый Париж? — услышала я голос Эллен.

Она подошла сзади, и я обрадовалась, увидев ее. Как ни хорош был Джеймс на сцене, но мне надоело стоять в одиночестве.

— Залюбуешься! Но где же Сена?

Эллен рассмеялась.

— Если разлить достаточно выпивки, то будет и река, протекающая прямо посреди зала.

— Эй, а куда подевался Сэм?

Эллен должна была прийти на вечер с другом Джеймса Сэмом. Они приехали сюда вместе с нами, но сейчас Сэма что-то не было видно.

— Тусуется на автостоянке с какими-то приятелями. Я думаю, мы определенно можем исключить его из своей компании.

— Ты выглядишь потрясно. Можешь поискать себе другого интересного кандидата.

Эллен и в самом деле была сногшибательна. Мы обе вернулись в тот магазин и купили-таки платья, которые примеряли. Эллен с головы до пят смотрелась королевой бала, хотя я была по-прежнему убеждена, что чудо-лифчик ей ни к чему.

— Я уже встретила парня. Он стоял один рядом с Эйфелевой башней. Пожалуй, присоединюсь к нему. Осматривать достопримечательности гораздо приятнее вместе с собратом-путешественником.

Когда Эллен ушла, я почувствовала себя как дама, оставшаяся на балу без кавалера. В зале было полно народу, и, казалось, только я стояла в одиночестве. Я была разочарована и скучала. «Радиоволны» будут выступать весь вечер, а все, кого я знала, уже танцевали.

Новые туфли-лодочки жали, и поэтому я решила поискать пристанища за одним из столиков. Со своего места, дающего хороший обзор, я видела, что Кейн пришел с Ребеккой, Патриком Мэром и Керри Старке. Я всегда ощущала присутствие Кейна в помещении. За последние несколько лет у меня развилось некое чувство, предупреждавшее меня о том, где он находится. Иногда мне казалось, что мы с Кейном обладаем чем-то вроде экстрасенсорного восприятия близнецов, о котором постоянно твердят на ток-шоу.

Кейн и Ребекка двинулись на танцплощадку. Проводив их взглядом, я отвернулась к стене и закрыла глаза. Я очень устала, пора было уходить.

Услышав, что Джеймс что-то говорит в микрофон, я открыла глаза.

— Я хочу посвятить эту песню Делии Бирн, — сказал он своим низким, хриловатым голосом. — Это моя кареглазая девчонка.

На меня тут же уставилась сотня пар глаз. Я встала и слегка помахала Джеймсу, чувствуя, что краснею. Пульс участился вдвое. Для меня еще никто никогда не пел. Казалось, это была вершина нашего романа. Глядя на улыбающееся лицо Джеймса, я вся трепетала от удовольствия. «Радиоволны» начали играть свою аранжировку «Кареглазой девчонки» Ван Моррисона. Темп был медленный и страстный, он отлично подходил для «Вечера в Париже».

Но хотя я и слушала песню, которую играли специально для меня, однако все равно была подавлена. Я еще не появлялась на танцплощадке и сейчас вынуждена была стоять в стороне и смотреть, как все веселятся.

— Леди, могу я пригласить вас на танец?

Я оглянулась. Рядом со мной был Кейн, его голубые глаза сияли. В своем темно-синем костюме и пестром шотландском галстуке он смотрелся очень элегантно и изысканно. Он даже подстригся. Вылитая модель с обложки журнала.

— С удовольствием, сэр, — ответила я, шагнув в его объятия.

Кейн внимательно изучал пол, и я решила, что он думает о Ребекке. Но я ошиблась.

— Эндрю так и не появился, — проговорил он.

— Рейчел Холл тоже нет. Я проверяла.

Кейн покачал головой.

— Ну и зря. Небось сидят по домам, оба такие несчастные.

— Слава богу, что это не мы, — сказала я.

Кейн притянул меня немножко ближе.

— Слава богу, — согласился он. И мы замолчали.

Я с Кейном танцевала нечасто. Он ходил на все школьные вечера, а я была на них всего лишь несколько раз. И обычно, стоило мне там появиться, как я уже прикидывала, как бы отделаться от своего парня и улизнуть. Как я уже говорила, в любви мне никогда не везло.

— Ты отлично выглядишь, Дэл, — произнес Кейн, глядя мне в глаза.

Мы продвинулись на середину танцплощадки, и я ощутила, как его руки крепко обхватили меня. Но это не из-за того, что ему так захотелось — мы танцевали под медленную мелодию, поэтому он был вынужден прижимать меня к себе.

— Ты правда так думаешь? — спросила я.

Кейн почти никогда не делал мне комплиментов, мы все больше по-доброму подкалывали друг друга.

Он кивнул:

— Ага.

— Благодарю. И с чего это ты такой любезный? Это настораживает.

Я слышала волнующий голос Джеймса, поющего где-то позади, но сосредоточила все внимание на Кейне.

Он засмеялся.

— Я любезный? Не бери в голову, — он закружил меня, затем перегнул почти до самого пола. Серьезное выражение окончательно исчезло с его лица. — Ты не думаешь, что это платье слишком узкое? Кажется, будто оно к тебе пришито.

Вот теперь это был Кейн, каким я его всегда знала.

— Да? В таком случае я тоже у тебя кое-что спрошу, — сказала я, посмеиваясь. — Сколько тубиков геля ты сегодня на себя извел? Три или, может, четыре?

Мы оба захохотали. Теперь, когда Джеймс запел немного побыстрее, я повела Кейна в танце, напоминающем танго. Мы пронеслись через танцплощадку, расталкивая другие пары, чтобы расчистить себе путь.

Когда музыка снова заиграла медленнее, мы оказались уже на другом конце зала. Здесь было мало света, и царил полумрак. Кейн опять привлек меня к себе, и я с удивлением обнаружила, что обвиваю руками его шею.

Внезапно я почувствовала, что задыхаюсь, пульс участился до ста ударов в минуту. Но при этом я ощущала под своими руками крепость мышц Кейна.

Запрокинув голову, чтобы посмотреть ему в лицо, я увидела его губы буквально в миллиметре от моих. Казалось, время остановилось, и я не могла отвести взгляда от пронзительного света его глаз. «Так вот что видят другие девчонки, — подумала я. — Таким Кейна я никогда еще не знала».

Я склонила к нему голову и сомкнула веки. Внутри у меня все похолодело, но я была не в силах от него оторваться.

— Позвольте вас разбить? — услышала я высокий резкий голос, раздавшийся прямо у меня над ухом.

— Ребекка! — воскликнул Кейн, поспешно отступив от меня на шаг. — Я как раз собирался идти тебя искать.

— А я тут как тут, — сказала Ребекка, демонстративно не обращая на меня внимания.

— А ты тут как тут, — проговорила я, отодвигаясь еще дальше от Кейна. — Ладно, еще пересечемся, Парсон.

Я пробиралась сквозь танцующие пары, намереваясь отыскать Эллен. Мне приспичило позубоскалить по поводу того, насколько бестолковыми были эти школьные вечера.

вернуться

18

Свинг — разновидность джазовой музыки.

На полпути я обернулась, чтобы украдкой бросить взгляд на Кейна. Он смотрел на меня, но было слишком далеко, чтобы прочесть выражение его глаз. Горло перехватило, и я почувствовала, что меня словно парализовало.

В этот момент Ребекка наклонила к себе голову Кейна для поцелуя, и чары рассеялись. Я даже не могла с уверенностью сказать, что только-только произошло между нами с Кейном, но надеялась и молила Бога, чтобы это никогда больше не повторялось.

— Кайф! — сказал Джеймс спустя несколько часов. — Я всегда любил петь перед толпами народу.

Было уже за полночь, и я час назад позвонила маме предупредить, что собираюсь задержаться. Танцы закончились, но Джеймс и остальные члены оркестра должны были еще остаться, чтобы собрать аппаратуру.

— Молодцы, ребята, — похвалила я, запихивая моток удлинителя в парусиновый мешок. — Все в восторге.

— Да что тут говорить? Рок-н-ролл у меня в крови, — Джеймс взял гитару и сел на один из кованых стульев. Он сыграл блюзовую импровизацию, что-то тихонько мурлыча.

— Я могу еще чем-нибудь помочь? — спросила я, оглядывая почти пустую сцену. Я ужасно вымоталась, а завтра рано вставать, потому что надо сидеть с Ниной.

Джеймс потянулся ко мне, схватил за руку и усадил на соседний стул.

— Я не хочу отпускать Делию домой, — пропел он, подыгрывая себе на гитаре.

Я рассмеялась.

— Давай, давай, Мик Джаггер. Папа того и гляди вышлет на поиски Национальную Гвардию, если я не вернусь в ближайшее время.

Когда мы подъехали к моему дому, перед входом, как всегда, горел свет. Сквозь занавески было видно, что мама ждет меня, сидя в кресле.

Джеймс выключил зажигание и погасил фары своего джипа. Он повернулся на сидении и положил руки мне на бедра. Притянув меня к себе, поцеловал с такой силой, как никогда прежде.

Под покровом ночи я почувствовала себя словно закутанной в теплый кокон. Ушли воспоминания о футбольном матче, о танцевальном вечере, и даже растаял образ мамы, ожидающей меня в гостиной. Я сознавала только губы, руки и наше тихое дыхание.

Вдоль спины забегали мурашки, и каждый нерв трепетал от возбуждения.

— Кейн, — прошептала я, ощутив кончиками пальцев мягкие волосы.

В следующую секунду сердце мое остановилось. Я открыла глаза, не в состоянии поверить в то, что мгновение назад сорвалось с моих губ. Со все возрастающей тревогой я поняла, что назвала Джеймса Кейном. О чем я думала? Заметил ли он это?

Я слегка отклонила голову и внимательно вгляделась в лицо Джеймса. В ответ он обнял меня, крепко стиснув за плечи. Он явно не расслышал моих слов. На меня накатила мощная волна облегчения. Но я уже не могла сосредоточиться на поцелуях Джеймса. Имя «Кейн», как эхо, звучало у меня в мозгу, словно издеваясь надо мной. Почему я сказала это? Что со мной?

Я слегка потрясла головой, пытаюсь прояснить мысли и убеждая себя, что это совершенно ничего не значит. Я только что видела Кейна, и его образ еще не выветрился из моей головы. И это никак не мешает мне быть в полном кайфе от Джеймса.

— Хочу никогда не переставать целовать тебя, — сказал он, нежно сжимая мою голову в своих ладонях.

— Я люблю тебя, — прошептала я, уткнувшись лицом в его плечо.

Я ни одному парню никогда не говорила еще этих слов (кроме, конечно, Кейна, но это ведь совсем другое!), и всегда воображала, что когда, наконец, придет время произнести их, то зазвонят колокола и в небе ослепительно вспыхнет фейерверк. Ничего этого я не испытала с Джеймсом и решила, что слишком много захотела. В тот момент я была уверена, что сказала именно то, что чувствовала. Джеймс Саттон — моя судьба. И точка.

...Не успела я погасить свет на тумбочке, как до меня вдруг дошло, что я не услышала от Джеймса ответное: «Я люблю тебя». Но не сомневалась, что обязательно услышу — скоро.

— И ты весь вечер танцевала? — спросила Нина, вынимая из морозильника картонную коробку с мороженым.

Я достала две вазочки и ложки.

— Нет. Джеймс играл в оркестре, поэтому мне просто не с кем было танцевать.

Нина печально вздохнула.

— Танцевальные вечера — это так романтично. Мне бы очень хотелось как-нибудь туда попасть.

В последние два месяца Нина стала интересоваться всем, что касается мальчиков и свиданий. Она без конца задавала мне вопросы и о Кейне, и о Джеймсе, пытаясь понять разницу между мальчиком-другом и бойфрендом.

Когда я пришла к ней утром, она аж подскакивала, умирая от нетерпения допросить меня о вечере. Кажется, я никогда раньше не видела, чтобы кто-то смотрел на школьные вечера сквозь такие розовые очки. Глядя на Нинино прелестное личико, я чувствовала себя глубокой старухой.

— Не беспокойся. У тебя впереди еще сотня таких вечеров. Бьюсь об заклад, что любой мальчишка из твоего класса будет лезть из кожи, чтобы иметь возможность пригласить тебя.

Я наложила две вазочки мороженого и поставила одну из них перед Ниной.

— А Кейн был на вечере?

С тех пор как Нина и ее подружки начали сходить с ума по мальчикам, она еще больше помешалась на Кейне.

— Да. Он пришел со своей девушкой, Ребеккой.

Нина нахмурилась — ей не нравилась сама мысль, что Кейн встречается с какой-то девицей, которую она никогда не видела.

— Но ты с ним, по крайней мере, потанцевала?

— Угу. Один раз.

Я надеялась, что Нина не заметит, что щеки мои заливают краской. Лицо горело при воспоминании о той неловкости, которая возникла между нами с Кейном в течение нескольких минут, пока звучала «Кареглазая девчонка». Я совершенно не собиралась обсуждать это с Ниной.

— Как ты думаешь, Кейн захочет взять меня с собой на вечер?

Я рассмеялась.

— А он не староват для тебя?

Нина пожала плечами.

— Я вполне развита для своего возраста.

Я сунула в рот полную ложку мороженого.

— Замолвлю за тебя словечко, — улыбнулась я.

С минуту Нина ела молча, потом серьезно посмотрела на меня:

— А вы с Кейном собираетесь когда-нибудь пожениться?

Я чуть не поперхнулась мороженым.

— Нет!

Мы уже тысячу раз говорили с Ниной о наших с Кейном чисто дружеских отношениях, но она отказывалась понимать, что он не был для меня идеалом мужчины.

— Ну, я думаю, тебе все-таки следует выйти за него, — задумчиво проговорила Нина. — А я буду подружкой невесты.

Наученная горьким опытом, я знала, что спорить с ней бесполезно, поэтому просто покачала головой и закатила глаза. Она пока слишком мала, и ей еще многое предстоит узнать о любви.

Глава 10

КЕЙН

Мы с Ребеккой грелись на солнышке на Гэмблерском пруду, валяясь на толстом клетчатом одеяле. Я смотрел на воду и думал о том, как хорошо, что я такой юный и влюбленный.

Услышав рядом звенящий женский смех, я повернул голову. Но заливалась не Ребекка. Это была Делия. Она жмурилась от солнечного света, вытянув вперед стройные, мускулистые ноги.

Не спрашивая разрешения, я положил голову к ней на колени, с улыбкой глядя в смеющиеся глаза. Она медленно наклонилась ко мне и легко коснулась губами нежной кожи рядом с мочкой уха. Затем ее рот приблизился к моему, я приподнялся, запустив пальцы в гущу ее черных волос. Приняв сидячее положение, я сильнее прижался к ней губами. В следующую секунду мы обнялись, так крепко стиснув друг друга, что я почувствовал, будто мы две половинки одного человека...

Посреди поцелуя с Делией я проснулся. Сердце колотилось, на висках выступили капельки пота. Я был совершенно выбит из равновесия. Что же произошло?

Конечно, Делия снилась мне много раз — все, кого я знал, время от времени приходили ко мне

во сне. Но мне никогда не грезилось, что мы с ней целуемся. Я ощущал себя так, словно кто-то отвесил мне пощечину. О Ребенке я должен мечтать, вот о ком. Она моя девушка, я в нее влюблен. Но тот долгий поцелуй с Делией казался таким реальным, что при одном воспоминании о нем болели губы.

Электронные часы, стоявшие рядом с моей кроватью, показывали 12.15 дня. Несколько раздосадованный тем, что проспал так долго, я, спотыкаясь, побрел в ванную, стараясь выкинуть из головы все мысли о Делии.

Всем известно, что сны ничего не значат. Пусть мне приснилось, будто я целую Делию, но это же не означает, что я и в самом деле хочу поцеловать ее. Прошлым вечером у нас с ней было то, что кое-кто мог бы назвать романтическим танцем, потому мне и приснился такой наивный сон.

Я плеснул в лицо ледяной водой и решил выйти проветриться, а заодно поискать — может, кто-нибудь случайно играет в баскетбол. Физические упражнения мне бы сейчас не помешали. Фантазии о Делии ничего не значат.

— Совсем ничего, — сказал я своему отражению в зеркале. — Ноль. Пшик.

— Эй, Парсон, ну как вечер? — спросил Эндрю в понедельник утром.

Мы сидели в библиотеке, снова встретившись там, чтобы готовиться к нашему устному докладу. Темой его были египетские пирамиды. Я изучал исторический фон, а Эндрю занялся непосредственно пирамидами и гробницами внутри них.

— Оркестр паршивый, но все равно я умудрился обалденно провести время.

Эндрю поднял одну бровь.

— Странно. Я несколько раз слышал «Радиоволны», и мне кажется, они очень даже ничего.

— Каждому свое, — я пожал плечами. — Между прочим, Рейчел на вечере не было.

Как я и предполагал, это замечание отвлекло Эндрю от мыслей о Джеймсе Саттоне и его дурацком ансамбле. Он покосился на столик на контроле. В этот момент, как по сигналу, в библиотеку вошла Рейчел Холл и заняла свое место перед компьютером. Я заметил, что она бросила быстрый взгляд в нашу сторону и отвернулась.

Эндрю отодвинул стул.

— Я только что вспомнил, что забыл вернуть одну из библиотечных книг. Сейчас вернусь.

Я откинулся назад и принялся наблюдать, как Эндрю отправился на дело. Я желал ему пригласить Рейчел погулять и прекратить, наконец, свои страдания. Эндрю протянул девушке книгу, затем потоптался с минуту, не зная, куда девать руки. Обменявшись с Рейчел парой фраз, он, ссутулившись, вернулся к нашему столу.

— Ну, как все прошло? — спросил я, хлопнув его по спине.

— Ужасно. Я чувствовал себя рядом с ней полным идиотом.

Он положил голову на руки, но я видел, что он сквозь пальцы подглядывает за Рейчел.

Пусть он немного подуется, — решил я и вернулся к своему учебнику. Доклад нам сдавать через неделю, а мне еще нужно многое узнать о фараонах.

— Я еще не проучилась здесь и семестра, а уже подружилась со всеми нужными людьми, — сказала мне Ребекка в среду днем. Мы сидели в моей машине и целовались уже минут пятнадцать.

Мне опять стало не по себе, как всегда бывало, когда Ребекка заводи́ла речь о том, насколько она в данный момент пользуется признанием. Сначала я думал, что она просто хочет познакомиться с народом. Но теперь мне кажется, что у нее это навязчивая идея. Иногда она даже довольно грубо обходилась с теми, кто не был в тусовке.

— Замечательно, — ответил я вяло. — Теперь тебе в жизни всего хватает.

Ребекка кивнула.

— И это все благодаря тебе, — она откинула длинные волосы за плечо и кокетливо посмотрела на меня. — Слава богу, я нашла тебя.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я беззаботным тоном, но внутри все как-то опустело.

— Ну, поскольку тебя все любят, то автоматически любят и меня. Ты мой ангел.

Последние несколько недель я убеждал себя в том, что Ребекка действительно меня любит, а я люблю ее. Но сомнения, которые я гнал от себя, начали меня одолевать.

Ребекка не выказывала ни малейшего желания познакомиться с моими друзьями — если им не посчастливилось быть капитанами команды болельщиков или спортсменами. И когда бы она ни говорила мне, как сильно я ей нравлюсь, слово «признание», казалось, было в каждом ее предложении. В сущности, она обращалась со мной больше как с трофеем, чем как с бойфрендом.

Внезапно меня словно громом поразило: я вдруг понял, что заставил себя влюбиться в Ребекку, потому что хотел выиграть у Делии пари. Надо признать, мои побуждения оказались ничуть не чище, чем у карьеристки Ребекки.

Ее бойкий голос ворвался в мои грезы:

— Я думаю, что мы самая красивая пара в школе. А ты как считаешь?

Я молча кивнул, чувствуя, что весь мир вокруг меня рушится.

В четверг вечером мы с Делией сидели в маленькой уютной комнате в доме Бирнов и смотрели один из наших любимых фильмов. В первый раз с тех пор как Ребекка стала относиться ко мне как к своему «ангелу», я почувствовал себя совершенно непринужденно.

Делия молча смотрела на экран, машинально отправляя в рот попкорн. Даже если она, скорее всего, не преминет утереть мне нос из-за того, что я проигрываю пари, мне все-таки хотелось поговорить с ней о Ребекке. В конце концов, Делия — мой лучший друг и она знает о женщинах гораздо больше, чем я.

— Знаешь, Дэл, сдается мне, что Ребекка оказалась карьеристкой, — сказал я, взяв горсть

попкорна.

— Да ладно тебе, — вздохнула Делия.

— Я начинаю подумывать, что, может быть, не так уж и влюблен в нее, как считал раньше.

— Хмм, — с отсутствующим видом протянула она.

— Дэл, ты меня слушаешь? — толкнул я ее.

— Как ты думаешь, может Джеймс быть все еще влюблен в Таню? — вместо ответа спросила она.

— Делия, я только что сказал тебе, что, кажется, больше не люблю Ребекку.

Она отложила пакетик с попкорном и посмотрела на меня:

— Дело в том, что мисс Хейнссон вызвала Джеймса прочитать стихи, которые он сочинил.

Делии явно было не интересно то, что я пытался до нее донести.

— Ну и что?

Она нахмурилась:

— Это было стихотворение о любви.

— Прошу тебя, давай без подробностей! — у меня не было настроения выслушивать всю эту лирику.

— Стихи были не обо мне.

— Почему ты так решила? — должен признаться, мне стало любопытно.

— Ну, там все время говорилось о потере и «безжалостном расстоянии», — Делия закусила губу и покачала головой.

— И что дальше? — у меня было такое ощущение, что она к чему-то клонит.

— Я думаю, он посвятил стихотворение Тане, а это значит, что на самом деле он меня не любит.

Я мог поклясться, что видел, как в ее глазах блеснули слезы.

— Не мужик, а тряпка. Ты бы лучше держалась от него подальше, раз он все еще не ровно дышит к этой Тане.

Внезапно мне в голову пришла одна мысль: если Делия порвет с Джеймсом, а я — с Ребеккой, значит, мы опять окажемся в равных условиях. Кто знает, может, до новогоднего бала я снова успею влюбиться. Все возможно.

— Джеймс не тряпка, — вдруг закричала Делия. — Если ты еще раз скажешь такое, я тебе башку оторву. Лучше заткнись!

Хватит! Я сыт по горло! Она только что сама говорила, что Джеймс никак не забудет про свою

бывшую подружку. Если после этого он не тряпка, тогда кто же?

— Очень мило! А что же ты хотела, чтобы я сказал?

Делия бросилась на диван.

— Таня приедет домой на День Благодарения [19]. Как же мне не волноваться?

— Ты же не хочешь, чтобы я называл Джеймса тряпкой. Тогда я лучше помолчу, — ответил я раздраженно.

Делия зарылась лицом в подушку.

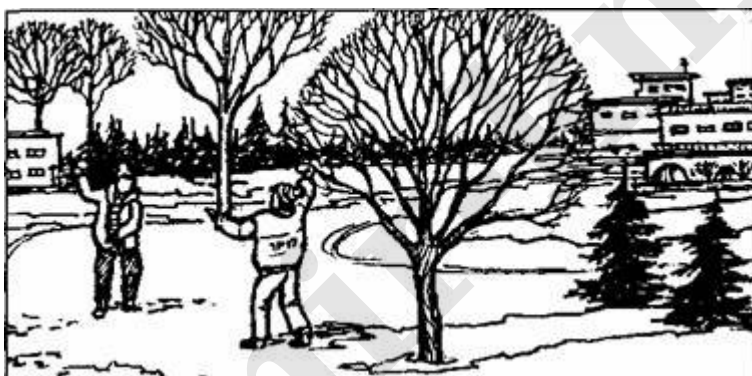
— Кейн, будь другом, отвали, а? Я правда хочу побыть одна.

Она выключила телевизор и закрыла глаза.

Я ушел не попрощавшись. Хотел серьезно посоветоваться с Делией, а она только и думает, что о себе да об этом слизняке, которого зовет своим парнем.

По дороге домой я начал смотреть на Ребекку совершенно в новом свете. У нее есть, конечно, недостатки, но у кого их нет? Но крайней мере, она всегда рада меня видеть и никогда не выставляла из своего дома.

Я сделал разворот на 180 градусов. Может, на самом деле Ребекка была бы счастлива увидеться со мной прямо сейчас.

вернуться

19

День Благодарения — национальный праздник в Соединенных Штатах. Обычно отмечается в последний четверг ноября, если только не выпадает на 30 ноября.

Глава 11

ДЕЛИЯ

Воскресенье, 19 ноября, середина нудного дня...

На улице стало страшно холодно. На душе — ненамного лучше. После того как Джеймс прочел на уроке свои отвратительные стихи, мы с Эллен снова и снова анализировали, что бы это

могло означать. Теперь, когда надо мной нависла угроза возвращения Тани Рид, я все больше и больше веду себя с Джеймсом, как собственница. И ненавижу себя за это.

Джеймс не часто упоминает ее имя, и, конечно же, я не спрашивала его о стихотворении. Это было бы совсем унизительно. Должна сознаться, что именно такие ситуации, в какой я нахожусь сейчас, в первую очередь и удерживали меня от того, чтобы влюбиться. Но все будет хорошо. Надеюсь.

В среду, накануне Дня Благодарения, нас отпустили после обеденного перерыва, и до понедельника в школе занятий больше не будет. После уроков я нашла Джеймса рядом с его шкафчиком: он болтал с одним из членов своего оркестра. Когда я подошла, они оба замолчали.

— Насчет завтрашнего дня все в силе? — спросила я, обняв Джеймса за талию.

— Я такой возможности не упущу, — ответил он, быстро поцеловав меня в голову. В черных джинсах и яркой клетчатой рубашке он был неотразим.

— Встретимся в восемь часов.

Я спустилась в холл. Настроение было получше, чем после того, как я услышала идиотские стихи.

Если бы Джеймс собирался провести время с Таней, он не согласился бы прийти ко мне домой на День Благодарения. Как заметила Эллен, я становлюсь параноиком.

Наступил вечер четверга, и мы с мамой накрывали стол для традиционного обеда с индейкой.

— Значит, Кейн сегодня не придет? — спросила мама, передавая мне стопку парадной посуды.

Я помотала головой. Обычно Кейн приходит к нам на все главные праздники, но в этом году мы с ним очень кстати забыли об установившейся традиции. После той ссоры неделю назад, когда мы вместе смотрели телевизор, наша дружба уже не была прежней.

— Они с Джеймсом не ладят, — ответила я.

Я расставила тарелки на столе, оставив достаточно места для серебряных подсвечников, которые мама всегда достает по торжественным случаям.

— Плохо, — сказала мама. — Бабушка очень хотела увидеться с Кейном. Она говорит, что он всегда смешит ее, заставляя забыть о своих болячках.

Я пожала плечами.

— Она должна быть счастлива познакомиться с Джеймсом. Я имею в виду, что именно он мой парень.

— Ну, ну! Чего ты взъерошилась, детка? Уверена, что бабушка и дедушка будут в восторге от встречи с Джеймсом. Я просто говорю, что им было бы приятно увидеться и с Кейном.

— Ну, может, на Рождество.

Когда зазвонил телефон, сердце у меня оборвалось — наверно, сработала женская интуиция. Я

схватила трубку в кухне на втором гудке. Руки слегка дрожали.

— Алло?

— Здорово, Делия, — услышала я голос Джеймса.

— Привет, Джеймс.

Я с трудом перевела дыхание. Может быть, он позвонил, чтобы узнать, не нужно ли чего принести?

— Послушай, я не смогу прийти сегодня.

Я постаралась скрыть разочарование.

— Жаль. Родители устроили тебе веселенькую жизнь или еще что-нибудь в этом духе?

Я оглянулась на маму, которая старательно делала вид, что не прислушивается к моему разговору.

— А, да. Ты знаешь, как это бывает. Бабушка с дедушкой заявили и все такое.

— Да, конечно. Мои тоже приехали.

Я, как могла, натянула провод, пытаюсь отойти подальше, чтобы мама не слышала.

— Я позвоню тебе в выходные? — сказал он.

— Конечно.

Я повесила трубку и приготовилась к маминим комментариям. Думала, она уж точно не упустит случая отметить, что Кейн никогда не отказывался от моего приглашения в последнюю минуту.

Но мама распахнула дверь кухни и крикнула:

— Обед готов! Закругляйся.

Я села на место и взяла себе кусочек из внушительной груды порезанной на ломтики индейки, которая возвышалась на блюде рядом с папиной тарелкой. Эта бедняга индейка была в лучшей форме, чем я.

У меня вдруг пропал аппетит.

Когда раздался звонок в дверь, я выскочила из-за стола и бросилась в прихожую. Я ожидала увидеть Джеймса, возможно, с букетом цветов в руках. Вместо него за дверью стоял Кейн, державший тыквенный пирог. Его куртка была слегка припорошена снегом.

— Специальная доставка для семьи Бирнов, — сказал он, проходя в дом.

Я невольно шагнула вперед и обняла его. Я и забыла, что всегда могу рассчитывать на Кейна, когда нужно улучшить настроение, — даже если я совершенно подавлена.

— А что это ты не отнес пирог, который испекла твоя мама, Ребекке? — спросила я.

Он расстегнул молнию на своей парке и разделся.

— Они всей семьей поехали в Нью-Йорк повидаться с друзьями. К тому же, ты ведь не думаешь, что я мог нарушить традицию?

Он дернул меня за хвост и направился в столовую.

— Кейн Парсон! — услышала я бабушкин возглас. — На улице снег?

Кейн подошел к ней и поцеловал в щеку.

— Только что начался, сию минуту, миссис Бирн. Матушка Природа, должно быть, прознала, что вы в городе.

Как я уже говорила, у Кейна была врожденная способность создавать непринужденную обстановку. И неважно, что это были за шутки, — бабушка всегда смеялась, как над Джонни Карсоном [20].

— Ах вы, дети, дети! — сказала она. — Я рада, что ты пришел. А то Делия ходила с таким видом, будто настает конец света.

Кейн непонимающим взглядом обвел всю мою семью. Я пожала плечами.

— Не стой ты со своим десертом в руках, — вступил папа. — Поди возьми себе тарелку и садись.

Кейн отправился на кухню, а я уселась за стол. Что ни говори, а тыквенный пирог в моем случае оказался отличным средством от хандры.

— Пойдем прогуляемся по снегу, — предложил Кейн через час.

Прикончив принесенный Кейном пирог, а также часть пирога, что испекла мама, мы все собрались у камина. Бабушка и дедушка дремали в своих креслах. Папа, казалось, был готов последовать их примеру.

На улице падал густой снег, и наша лужайка уже покрылась сверкающим белым покрывалом.

— Если хотите порезвиться в снегу, то идите сейчас, — согласилась мама. — К завтрашнему дню он может весь растаять.

— Мне определенно не помешает поупражняться после всей этой выпечки, — сказала я, отбросив чувство вины, которое сама себе придумала.

Кейн вышел вместе со мной в холл, и я достала обе наши парки. Пока я застегивала молнию, он порылся в стенном шкафу, где мы храним целую корзину всевозможных шапок, шарфов, варежек и перчаток. Он извлек оттуда фиолетово-зеленую полосатую шапку (с пушистым помпоном на макушке) и нахлобучил ее на мою голову.

— Эй! Я такой фасончик не ношу! — воскликнула я. — При виде меня в этом чепчике все движение остановится!

— Если ты наденешь это, — сказал Кейн, — тогда я надену вот это.

Он вынул руку из-за спины и показал ярко-оранжевую шапку, которую папа купил себе, когда один-единственный раз ходил на охоту. Шапка была с ушами и с надписью «Не подстрели меня!» на козырьке.

Я расхохоталась, заматывая шею старым шарфом.

— Не в силах отказаться от такого предложения! Пойдем перепугаем соседей.

Кейн толкнул входную дверь, и мы с топотом промчались по лужайке, на ходу подбивая снег ногами. Выскочив на улицу, свернули налево. В той стороне, в паре кварталов от моего дома, есть почти безлюдная дорога, и я поняла, что мы держим путь именно туда.

В течение нескольких минут ни один из нас не проронил ни слова. Падали тяжелые хлопья, но поскольку ветра не было, мне было тепло и уютно в своей куртке на гусином пуху. Поминутно я высовывала язык, чтобы попробовать на вкус снежинку. Кейн передвигался по улице зигзагом, стараясь натоптать как можно больше следов.

— Может, позвать Эндрю? — сказала я, чтобы нарушить молчание.

вернуться

20

Джонни Карсон — знаменитый американский комик.

Кейн пожал плечами.

— Вряд ли он захочет выйти. Я думаю, он втихаря проводит вечера, выискивая изображения Рейчел в старых ежегодниках.

— А почему же он тогда не пригласит ее куда-нибудь? — спросила я, отфутболивая с дороги булыжник.

— Говорит, что не хочет ни к кому привязываться, но по-моему, он просто панически боится отказа. Что-то я не припомню, чтобы когда-нибудь раньше он придавал значение тому, ответит ли ему девушка «да» или нет.

Я кивнула.

— Наверно, мы все должны через это пройти.

— Ты бы сейчас предпочла быть с Джеймсом? — внезапно спросил Кейн, ходя вокруг меня большими кругами.

Я ответила не сразу. В последние полтора часа я совершенно забыла о своем разочаровании тем, что Джеймс поломал наше свидание. Казалось, быть с Кейном — это отличная возможность радоваться снегу и праздничному настроению, разлитому в воздухе.

— Нет, я рада, что ты со мной, — наконец сказала я. — А что? Ты чахнешь без Ребекки?

Кейн зачерпнул полную горсть снега и слепил комок.

— Нет. В Ребекку не интересно кидаться снежками!

Он бросил в меня снежок, и я услышала, как в темноте зазвенел его смех. Комок попал мне прямо в лицо, и я громко завизжала. Я тут же опустилась на колени и обеими руками попыталась нагрести как можно больше снега. Потом побежала туда, откуда доносился его голос, и вывалила всю охапку ему за шиворот.

Он завопил, отчаянно пытаясь вытряхнуть куртку.

— Так, это было объявление войны! — закричал он.

Мы добрались до той пустынной дороги недалеко от моего дома, и здесь везде был нехоженный снег. Следующие пятнадцать минут мы вели себя, как форменные психи, швыряясь снежками и валяя друг друга по земле. Во время этой битвы я так хохотала, что закололо в боку.

В конце концов мы в изнеможении рухнули рядышком на землю. Я была так измочалена, что только и могла, что смотреть в небо, пытаясь перевести дух. Поняв, что задница у меня вся промокла и заледенела, я повернулась к Кейну:

— Все это здорово. Но, я думаю, пора искать какое-нибудь убежище, где есть горячий шоколад.

— Но сначала давай сделаем снеговиков, — предложил Кейн. — Я не лепил их сто лет.

Он снова улегся рядом со мной и начал колотить по земле руками и ногами.

— Для этого еще мало снега, — запротестовала я. — Нужно, чтобы было, по меньшей мере, шесть дюймов.

Кейн сунул в рот горсть снега и шумно захлюпал.

— Ну и что? Попробовать-то можно!

С его логикой не поспоришь, и я, как смогла, вылепила снежную бабу. Затем встала перед ней, чтобы оценить результат.

— В общем, неплохо, — согласился Кейн. — Ну так что — я, кажется, слышат, кто-то говорил о горячем шоколаде? Ключевое слово «горячий»?

Через несколько минут мы стояли, запыхавшись, у меня на кухне. И оба стягивали ботинки, носки и свитера, пытаясь обнаружить на себе хоть что-нибудь, что оставалось бы еще сухим. Влажные волосы Кейна местами стояли дыбом, а губы приобрели синеватый оттенок.

Все уже ушли спать, поэтому я на цыпочках прокралась в нашу домашнюю прачечную и отыскала для Кейна папины тренировочные штаны и трикотажную спортивную рубашку. Потом пошла к себе в комнату и переоделась во фланелевую пижаму. К тому времени, как мы уселись с горячим шоколадом рядом с камином, мерцающим угольками, нам обоим было сухо и тепло.

Внезапно Кейн глубоко вздохнул.

— Чего это ты? — спросила я.

— Не знаю. Я просто подумал, что сегодня самый подходящий вечер для романа.

Я смотрела на огонь, представляя, как Джеймс где-то прижимает к себе Таню, пьет горячий шоколад и говорит, как он тосковал без нее. Я почувствовала, что в горле встал комок, и с трудом сглотнула.

— Да, — прошептала я. — Понимаю, что ты имеешь в виду.

Кейн повернулся ко мне. Глаза его казались почти черными. Он придвинулся поближе, накрутил прядку моих волос себе на указательный палец. Сердце мое быстро забилося, и я ощутила ту же неловкость, что и на танцевальном вечере.

— Ты знаешь ту песню? — тихо спросил он.

Я покачала головой, не в силах оторвать взгляд от его глаз.

— Какую песню?

— «Если не можешь быть с тем, кого любишь...»

— «Люби того, с кем ты сейчас», — закончила я.

Мой взгляд упал на его губы, и я почувствовала, что загнипотизирована его близостью.

Кейн положил одну руку мне на затылок и нежно притянул меня к себе. Я закрыла глаза, мечтая о том, чтобы его губы коснулись моих.

Как только я ощутила его поцелуй, меня словно залило жидким огнем. Ни о чем не думая, я прильнула к нему, не желая его отпускать. Фейерверк, который я ожидала, когда была с Джеймсом, наконец-то вспыхнул. Каждая клеточка моей кожи ожила и горела так, будто меня поместили в самый центр опыта по делению атомного ядра. Внешний мир испарился, и единственным предметом — одушевленным или неодушевленным, — который продолжал существовать на планете, был Кейн.

Через мгновение он отодвинулся.

После поцелуя на меня сразу же накатило отчаяние. Неужели я это сделала? Неужели я только что поцеловала Кейна — своего лучшего друга? Миллион вопросов зароился в моей голове. Я была не в состоянии произнести ни слова.

— Ух ты, уж и не знаю, так ли хороша была эта затея, — сказал он, ероша себе волосы.

Мое смущение быстро уступило место злости.

— Зачем ты это сделал? — прошипела я.

— Почему я? — спросил он. — Ты тоже здесь была.

Я сжала руки в кулаки.

— Эта была твоя идея. Не отпирайся, — я пыталась говорить спокойно, но сорвалась на крик.

Кейн уставился на меня.

— Ну хорошо, это была явно очень неудачная мысль, — признал он, ткнув кулаком в диван.

— Просто ты не можешь вынести, что в городе есть единственная девушка, которая устояла перед тобой, — заявила я.

— Не льсти себе, Делия! Это больше никогда не повторится.

— Вот и хорошо! — я скрестила руки на груди.

— Вот и хорошо! — повторил он, вставая. — Поблагодари папу за одежду. Верну ее, как только смогу.

— Можешь не делать нам одолжений, — сказала я, выходя в холл.

— Не беспокойся. Не буду.

Он схватил непросохшую куртку и напялил на себя.

Я распахнула дверь и уставилась на него. Руки у меня тряслись, и я почувствовала, что вот-вот разревусь.

— Передай мой поклон бабушке и дедушке, — сказал Кейн.

Он вышел в снежную темень, и я хлопнула дверью за его спиной. В этот момент я не думала о том, что перебуду весь дом. Это был худший день в моей жизни, и все, чего мне сейчас хотелось, — это свернуться калачиком и выплакаться, чтобы уснуть.

Я слышала, как Кейн заводит машину и выезжает по аллее, и слезы, которым я до сих пор не давала воли, покатались по щекам. Я бросилась к себе в комнату, сдерживая рыдания.

Снова я все испортила, загубила свою жизнь.

— Ну почему я? — шептала я в темноте. — За что?

Глава 12

КЕЙН

Едва продрал глаза в пятницу утром, я сразу понял: что-то не так. Но только через несколько минут смог собрать воедино удручающие события предыдущего вечера. Потом вспомнил, как поцеловал Делию.

Я застонал, легонько стуча головой об стену над кроватью. Одним махом я нарушил основное правило идеальной дружбы. Теперь Делия ненавидит меня, и с этим уже ничего не поделаешь.

Я снова и снова мысленно прокручивал эту сцену. Что побудило меня поцеловать ее? Может быть, снег? Или камин? Я замотал головой. Слишком больно докапываться до причин — да и бессмысленно. Я испортил все дело, ничего уже нельзя поправить.

И как быть с Ребеккой? По существу, я ей изменил. Даже если поцелуй с Делией произошел в момент временного умопомрачения, нельзя отрицать, что это было — независимо от того, узнает об этом Ребекка или нет.

Меня мучил другой вопрос. Если Ребекке об этом все-таки станет известно, будет ли это иметь для нее значение? Конечно, ее гордость будет задета. Но расстроится ли она по-настоящему — или просто разозлится? Она говорила, что позвонит мне из Нью-Йорка, но до сих пор не объявилась. Интересно, встречалась ли она со своим прежним бойфрендом?

Мысль о том, что Ребекка могла целоваться с другим парнем, оказалась странным образом успокаивающей. Раз я не схожу с ума от одной лишь воображаемой картины своей девушки в объятиях какого-то хлыща из Нью-Йорка, то это уменьшает мою вину. Мы с Ребеккой молоды — вполне понятно, что мы делаем ошибки. Так? Так.

Решив эту задачу, я снова переключился с Ребекки на Делию. Но не успел найти себе подходящих оправданий. Ко мне постучала мама.

— Кейн? Ты уже проснулся? — позвала она, с треском открывая дверь.

— К сожалению, да.

Я перевернулся на живот, надеясь, что она поймет намек и удалится.

— Делия внизу, дорогой.

— Делия? — я быстро сел и отшвырнул одеяло на целый фут от кровати. — Подожди две минуты, а потом пускай ее ко мне.

Я заметался по комнате, пытаясь одновременно натянуть джинсы и причесаться. Дверь отворилась в тот момент, когда я застегивал рубашку, и Делия просунула голову внутрь.

— Могу ли я попросить уделить бывшему лучшему другу минуту твоего драгоценного времени? — спросила она.

Неприятное чувство, которое я испытал, пробудившись, тут же улетучилось. Похоже, все будет хорошо.

— Только в том случае, если ты исключишь из своего вопроса слово «бывший», — ответил я, широко распахивая дверь.

— Я принесла предложение о мире, — сказала Делия, ступая в комнату.

Она протянула мне коробочку с печеньем и плюхнулась в старый шезлонг, который я держу у себя в комнате.

— Знаешь, Дэл, я проснулся сегодня утром с единственной мыслью: французский хворост [21]. А тут как раз и ты.

— Я неплохо знаю тебя, Парсон, — она свесила ноги через подлокотники кресла и положила подбородок на руки. — А я почти не спала всю ночь.

— Я тоже. У меня было такое ощущение, что все рушится.

Я достал печенинку и передал коробочку Делим.

Она взяла французский хворост и откусила сразу половину.

— Мы не можем допустить, чтобы из-за этого наша дружба поломалась. Мы оба приняли это слишком близко к сердцу.

— Совершенно согласен, — сказал я.

При свете дня происшествие не казалось таким уж важным. Ну, поцеловались. Один поцелуй вряд ли означает конец света. Как ни крути, мы — полные жизни американские тинейджеры. А подростки все время целуются. Мы же никого не убили и не сделали еще что-нибудь в этом роде.

С минуту Делия жевала в задумчивости.

— Я имею в виду, если бы нам действительно понравилось целоваться, вот тогда могла бы быть проблема.

Я кивнул, хотя и не мог взять в толк, к чему она клонит. А у нее в мозгу явно зародилась какая-то теория. Я всегда это чувствую.

— Но если к этому подойти рационально, то понимаешь, что наш поцелуй — это все-таки хорошая вещь. — Она сделала паузу, ожидая моей реакции. Но я промолчал, и она продолжила: — Вот мы, два друга противоположного пола. Это естественно, что в нас пробудилось некое... хм... любопытство друг к другу.

— Любопытство, — повторил я, просто давая понять, что слушаю.

— Да. И теперь, когда с нашим поцелуем получилось все не так, мы можем спокойно позволить всей этой истории кануть в прошлое и забыть о ней. Мы знаем, что никогда больше не захотим поцеловаться, и не станем. И делу конец.

Я был немного разочарован тем, что она так легко отвергла мой поцелуй. Для меня этот опыт оказался сродни полету в космос. Я словно прицепился к потерявшему управление космическому кораблю. А когда наконец оторвался, то мне потребовалось по крайней мере десять секунд, чтобы понять: да, сила притяжения до сих пор еще существует. Я не мог отрицать, что Делия взбудоражила меня — до опасного уровня.

Но спорить я не собирался. Сейчас я бы согласился с ней, даже если бы она заявила, что земля совершенно плоская. Я просто хотел, чтобы мы Помирились и продолжали дружить.

— Делу конец, — поддакнул я.

Делия протянула руку, и я крепко пожал ее.

— Я рада, что нам удалось это решить, — сказала она так, будто спор шел из-за того, кому мыть посуду.

Я улыбнулся.

— Я тоже, Дэл. Не сомневаюсь, что сегодня мы оба будем спать гораздо лучше.

— Это точно.

Я откинулся на подушки, ощущая, словно заново родился. Во всяком случае, мир больше не рушился, и я был за это очень благодарен.

Подъезжая в воскресенье вечером к дому Ребекки, я весь дрожал от нервного возбуждения. Она позвонила сегодня днем, как только вернулась из Нью-Йорка, и через несколько минут я увижу ее прекрасное лицо. Чувствуя, что отныне у нас все начнется по-новому, я с нетерпением ждал, когда смогу услышать ее голос. После того поцелуя с Делией я понял, что скучаю по Ребекке больше, чем предполагал. Вероятно, я перенес свои чувства на Делию, которая в свою очередь перенесла свое отношение к Джеймсу на меня — в общем, готовый рецепт того, что произошло.

К воскресенью температура на улице была все еще минусовая. Поэтому, когда Ребекка спросила, не хочу ли я покататься на коньках в Гамильтонском парке, я подумал, что погода словно нарочно подгадала. Я представил себе, как мы вдвоем, держась за руки, кружим по пруду. Не считая мелюзги, которая будет мельтешить тут же, мы будем одни в нашем собственном мире. А потом мы пойдем к ней, станем пить горячий шоколад (правда, может быть, горячее яблочное вино было бы даже лучше) и целоваться до глубокой ночи. Я не мог дожидаться, когда наступит этот момент.

Я прибыл к Фостерам, и Ребекка сразу же открыла дверь. Не успел я чмокнуть ее в качестве приветствия, как она завертелась в прихожей.

— Тра-ля-ля! Как тебе моя новая экипировочка?

— Ух ты! — это все, что я смог выговорить.

На Ребекке было коротенькое розовое платьице для фигурного катания. Должно быть, его сшили из стопроцентной лайкры, потому что оно облегало ее, словно вторая кожа. Длинные ноги Ребекки были обтянуты телесного цвета колготками, а в одной руке она уже держала белоснежные коньки. Если честно, то все, кого я знал, катались в джинсах и свитерах. Мне бы никогда не пришло в голову, что Ребекка снарядится, как будто у нее ведущая роль в балете на льду. Но я был далек от недовольства. Она выглядела как олимпийская чемпионка, ставшая супермоделью.

— Ну пошли же. Скоро все уже будут там.

Она схватила пальто и выпорхнула за дверь.

Не знаю, что она имела в виду под «всеми», но я до сих пор не мог произнести ни слова, потрясенный ее платьем. Если бы я открыл рот, то, уверен, из горла вырвался бы один писк.

В машине я привлек ее к себе. Поцелуем с Ребеккой я окончательно перечеркну тот ужасный вечер с Делией. Как только мои губы коснутся ее губ, тот вечер в День Благодарения станет не более, чем дурным сном. Но крайней мере, я надеялся, что так будет.

Ребекка казалась такой живой и теплой в моих руках, а гладкая ткань ее платья была словно шелк под моими пальцами. Я поцеловал ее в губы, затем в шею, в лоб. Это не был полет в космос со скоростью света, зато я полностью осознавал все свои гормоны.

Я сильнее впился в Ребекку, стараясь выкинуть из головы поцелуй с Делией. В конце концов я

решил, что тот взрыв, который я испытал с Делией, был из-за того, что я соскучился по своей любимой и волновался, не была ли она в Нью-Йорке с кем-то еще. Просто таким образом я освободил сдерживаемые эмоции. Всему нашлось физиологическое объяснение. Разум — могучая сила... Не об этом ли все время твердит человечество?

Ребекка, смеясь, взъерошила мне волосы.

— Меня не было всего четыре дня, — сказала она. — А ты как будто прошел через всю пустыню без фляжки.

Я снова поцеловал ее.

— Именно это я и чувствую.

— Ну что ж, я рада, что ты меня оценил по достоинству. Не каждая девчонка может съездить в Нью-Йорк повидаться со своим прежним парнем и устоять перед его мольбами вернуться к нему.

Я бросил быстрый взгляд на Ребекку, поражаясь тому, как это женщины умудряются сказать именно то, от чего мужчина чувствует себя полным идиотом. Хорошо, что на улице быстро темнеет: предательская краска залила мои щеки.

вернуться

21

Хворост — жареное витое печенье.

— Может, нам лучше выйти? — предложил я.

Автостоянка около Гамильтонского парка была наполовину занята, и я узнал несколько машин, которые уже там стояли. Внезапно до меня дошло, кого Ребекка имела в виду, говоря «все».

— Вся компашка уже здесь! — радостно закричала она, когда мы шли к пруду, где было полно народу.

— Ты не говорила, что половина школы собирается сегодня на каток, — произнес я чуть более резко, чем хотел.

— Клево, правда? Я в восторге от того, что они все пришли!

Ребекка побежала вперед и исчезла за вагончиком, где можно было взять коньки напрокат.

Через несколько секунд я услышал ее громкий визг. А когда вновь увидел ее, она обнимала Керри Старке так, словно, это была ее сестра, которую она потеряла много лет назад, а теперь нашла. Я чертыхнулся про себя. Несмотря на любовь Ребекки к капитанам команды болельщиков, вроде Керри Старкс и Аманды Райт, я считал, что эти девицы легкомысленны и глупы до ужаса, и к тому же — сплетницы и приставучки. Из тех, кто вынуждает тебя целовать их в щечку вместо приветствия. Но при этом они проявляют такое нетерпение в ожидании, пока к ним прикоснутся губами, что в результате ты целуешь воздух.

Ясное дело, Керри подлетела ко мне.

— Ты не хочешь меня поцеловать, Кейн? — спросила она, подходя ближе.

Вытянув губы, я наклонился к ней. Как и предполагал, я громко и бесполезно чмокнул то место, где только что была ее щека.

Ребекка потащила меня к пруду. На берегу я вынул из сумки принесенные с собой хоккейные коньки. И тут заметил Патрика Мэра, Барта Лэнгли и Джоша Нильсона. Мечты о романтическом вечере испарились.

Мое мнение о Патрике не стало лучше после той вечеринки в его доме, когда я увидел Делию, неприлично обнимавшуюся с Джеймсом. И уж совершенно я не переваривал Джоша Нильсона.

В позапрошлом году Джош был равнодушен к Делии. Встретившись с ним один раз, она возненавидела его и даже не желала с ним больше разговаривать. Полный неандерталец, он после этого взял привычку делать ей в школе всякие гадости. Делия не обращала внимания на его травлю, и тогда Джош стал рисовать про нее граффити на стенах мужской раздевалки. Однажды я застукал его на месте преступления, и это привело к единственной драке, в которой я когда-либо участвовал. После того, как нас растащили, я поклялся, что больше никогда никого не ударю. На следующий год родители Джоша переехали в другой округ, и он ушел из нашей школы. С тех пор я имел счастье больше с ним не встречаться. (Делия, между прочим, так никогда и не узнала о той драке.)

Я быстро завязал шнурки, уговаривая себя, что за полтора года Джош, возможно, уже превратился в человека. Если буду с ним вежлив, безобразная сцена не повторится.

Ребекка была уже на пруду и выписывала по льду большие восьмерки. Я несколько раз глубоко вдохнул и присоединился к ней, твердо решив сохранять невозмутимость.

Я взял Ребекку за руку, и мы покатали, делая круги по пруду. Не обращая внимания на присутствие Джоша Нильсона, я даже зауважал себя.

— Как романтично! — воскликнула Ребекка, запрокинув голову и глядя на звезды и яркую полную луну.

— Это потому, что ты здесь со мной.

Я взял ее за обе руки и закружил.

Увидев боковым зрением Джоша Нильсона, я резко, по-хоккейному, остановился. Ухмыляясь, он направлялся прямо к нам. Я стиснул зубы и заставил себя придать своему лицу непринужденное и дружелюбное выражение.

— Здорово, Джош, — сказал я. — Ты знаком с Ребеккой Фостер?

Он оглядел ее с ног до головы и одарил масляной улыбочкой.

— До сих пор только по слухам. Рад встрече, Ребекка.

Она кокетливо улыбнулась.

— Как это так получилось, что мы еще ни разу не виделись?

— Я сейчас в другой школе. Но стараюсь не порывать связей со старыми друзьями.

Джош покосился на меня, и, судя по блеску в его глазах, я понял, что ему не терпелось что-то мне сказать.

Что бы он ни хотел сообщить, мне это было совершенно не интересно, и я снова взял Ребекку за руку.

— Ну, что — начнем с того места, где закончили? — спросил я ее, кивнув Джошу на прощанье.

Но он остановил меня, положив руку на плечо.

— Скажу по старой дружбе, Мэр шепнул мне, что наша любимая тихоня, Делия Бирн, гуляет с Джеймсом Саттоном.

Я заметил, что Ребекка сузила глаза, но не мог ее упрекнуть. Джош произнес это таким тоном, будто между нами с Делией что-то было. Но я не собирался развивать тему, решив объяснить все Ребекке позже.

— Да, у них роман, — отозвался я и с удовольствием отметил, что его ухмылка исчезла и он насупился.

— Ты можешь передать ей кое-что от меня? — спросил Джош.

— Что, например?

Я почувствовал, как мышцы на спине напряглись, но не подал виду, что меня это задело.

— Вчера вечером я видел Джеймса и Таню в пиццерии. Кажется, у них все в порядке. Они сидели в углу, как два голубка. — Он подмигнул мне и расхохотался.

— Ты врешь.

— Можешь не верить, Парсон, мне наплевать. Но тебе лучше все-таки сказать своей подруге, что Саттон просто использовал ее до тех пор, пока снова не заполучил Таню.

Я весь затрясся от гнева и не мог удержаться, чтобы не шагнуть к Нильсону. Неважно, врет он или нет, мне не терпелось стереть мерзкую ухмылку с его рожи.

— Ты просто ревнуешь, потому что Делия никогда не станет встречаться с таким жалким типом, как ты, — со злостью проговорил я.

— Делия проиграла, — гнул свое Джош. — Спроси кого хочешь.

Ребекке вздумалось внести свою лепту.

— Он прав, Кейн. Все знают, что Делия... как бы это сказать... немного странная.

— Благодарю за твое мнение, Ребекка. Но я разговариваю с Джошем.

— Хочешь подраться, Парсон? — спросил Джош, приблизив морду чуть ли не к самому моему носу.

— Много чести, — ответил я.

Я заметил, что Патрик и Барт подкатили к нам и с любопытством переглядываются.

Пока я отвлекся, Джош воспользовался ситуацией. Неожиданно его кулак заехал мне прямо в челюсть. Я отлетел назад и со стоном приземлился на задницу.

— Делия — самая классная девушка из всех, кого я знаю, — закричал я. — Да ни одна девчонка ей и в подметки не годится.

Пока я пытался подняться на ноги, Джош снова сделал выпад. Но прежде, чем он успел ударить меня еще раз, Патрик и Барт схватили его. Они оттащили его на несколько футов, не выпуская из рук.

— Я думаю, катание на сегодня закончено, — сказал Барт, и они с Патриком поволокли Джоша со льда.

Я был в бешенстве. Оторвав наконец взгляд от Джоша, я увидел, что Ребекка сердито смотрит на меня, прикрыв рукой губы.

— Если тебе так нравится Делия, то почему бы тебе не встречаться ней? — пронзительно крикнула она. — Вы друг друга стоите.

Я потрясенно уставился на нее, не в силах произнести ни слова.

Поскольку я промолчал, она холодно улыбнулась:

— Между нами все кончено.

Я следил за тем, как она скользит прочь, чувствуя себя, словно только что лопнувший воздушный шарик. Добравшись до края пруда, Ребекка развязала коньки и побежала к парковке.

— Джош, подожди! — донесся до меня ее голос. И она скрылась из виду.

Я был так измучен, что вновь опустился на лед, не в состоянии пошевелиться. Мне было очень больно, что Ребекка порвала со мной, но в глубине души я понимал, что наши отношения обречены. У нее всегда было больше общего с Керри и Амандой, чем я хотел себе признать, и теперь я, наконец, увидел, насколько она на самом деле оказалась несерьезна.

Холодный ветер свистел у меня в ушах. Но, несмотря на это, вечер был тихий. Вот и завершились праздничные дни — а с ними вместе и наши отношения с Ребеккой Фостер.

Я оглядел опустевший пруд и покачал головой.

— Полагаю, это означает, что я проиграл пари, — вслух произнес я.

ДЕЛИЯ

Когда в понедельник утром мы с Эллен пришли на писательское творчество, меня слегка подташнивало, ладони вспотели. С того вечера в День Благодарения мы с Джеймсом ни разу не разговаривали, и все воскресенье я провела, придумывая всевозможные объяснения, почему он мог мне не позвонить. Прежде всего, в городе были его бабушка и дедушка. К тому же, я знала, что «Радиоволны» пригласили в скором времени выступить в местном колледже, и, вероятно, они репетировали каждый день. Я даже приняла во внимание снегопад, который был в четверг вечером, — может, Джеймс полпятницы расчищал подъездную аллею к дому.

Так или иначе, руки тряслись при одной мысли о том, что я его увижу. Я была настроена пессимистично, как никогда, и даже ожидала различить на нем какой-нибудь признак, который бы мне выдал: «Я провел праздник с Таней Рид».

— Я уверена, что он просто был занят, — успокаивала меня Эллен. — Таня Рид ничто по сравнению с тобой. Одна сплошная форма и никакого содержания.

— Ну, теперь мне намного лучше, — насмешливо проговорила я. — Всем известно, что семнадцатилетние парни предпочитают форму содержанию. Ты как с Луны свалилась.

Эллен пожала плечами.

— По крайней мере, я смотрю на это оптимистически.

— Нет тут ничего оптимистического, — мрачно ответила я.

Когда мы с Эллен сели, Джеймс еще не появлялся. Мисс Хейнссон попросила показать домашнее задание — короткий рассказ. Я открыла тетрадь, кося одним глазом на дверь.

— Ты о чем написала? — спросила Эллен, заглядывая ко мне в тетрадь.

— Ни о чем. Так, всякие глупости, — быстро сказала я.

Мой рассказ был о парне и девочке, которые были лучшими друзьями. Однажды вечером они сидели у огня, обстановка была очень романтическая, и они поцеловались. И это чуть не погубило их дружбу. В конце они помирились. Сюжет был не особенно оригинален, но все говорят, что когда пишешь, становится легче. Я решила все, что случилось у нас с Кейном, изложить на бумаге — для меня это будет хорошая терапия. Странно, но ведь и впрямь помогло.

Я повернулась к Эллен.

— А ты?

— У меня тоже ерунда, — ответила она.

Я сунула нос в листы бумаги, которые держала Эллен. Название сверху первой страницы она написала заглавными буквами: «ПОМОГИТЕ! Я ПОТЕРЯЛА ГОЛОВУ ОТ ЛУЧШЕГО ДРУГА СВОЕЙ ЛУЧШЕЙ ПОДРУГИ!» Из этого заголовка было ясно, о чем ее рассказ. Будь мисс Хейнссон недогадливей, она бы, наверняка, заметила поразительное сходство между мужскими персонажами наших историй. Я вздохнула. Похоже, и понедельник не подает особых надежд.

Через пять минут после звонка в класс вошел Джеймс. Он виновато улыбнулся учительнице и тихонько сел на стул рядом с дверью. Я старалась поймать его взгляд, но он уткнулся в стопку листов с заданиями, которые мисс Хейнссон положила на парту.

Следующие пятнадцать минут я заставляла себя не смотреть в тот угол, где сидел Джеймс. Если он собирается делать вид, что не знает меня, то я не стала пялиться на него через весь кабинет глазами самки, «Все кончено», — повторяла я про себя снова и снова. Он все еще влюблен в Таню.

Когда Эллен слегка толкнула меня в плечо, я чуть не подпрыгнула на стуле. Она передала мне сложенную записку и мотнула головой в сторону Джеймса.

Пульс забился часто-часто. Я развернула послание. «Делия, давай встретимся после школы. Люблю. Джеймс».

Я подняла глаза и увидела, что он смотрит на меня. Я кивнула и улыбнулась, затем вновь перевела взгляд на преподавателя. Сердце ликовало. Может быть, у него действительно была серьезная причина не звонить мне. Но теперь у меня уже была надежда на лучшее.

— Я не могу с тобой долго разговаривать, — сказала я, захлопывая пассажирскую дверцу его джипа. — Через полчаса мне нужно быть у Нины Джонсон.

В черной водолазке и выцветших голубых джинсах Джеймс, как всегда, был просто красавец. Глаза его блестели, почти сверкали. «Он счастлив видеть меня!» — обрадовалась я. От удовольствия у меня вдоль позвоночника забегали мурашки. В конце концов, все возвращается в нормальное состояние.

— Прости. Я не позвонил тебе в выходные, — тихо произнес он.

Я пожала плечами, стараясь сделать вид, что даже не заметила, что телефон своим молчанием изводил меня целых три дня.

— Ничего, все в порядке. Я все равно была занята со своими стариками.

Джеймс кивнул.

— Угу, я тоже был страшно занят...

Я решила взглянуть своему страху в глаза и спросить о Тане. Если прошлое было в прошлом, значит, у меня нет причин для ревности.

— Ну как, тебе удалось увидеться с Таней? — небрежно спросила я. — Я слышала, она была в городе.

Джеймс закусил губу и уставился на руль, словно это была картина Пикассо, а не несколько фунтов металла и пластика.

— А, да. Как раз из-за этого я и был занят.

— А...

Мне больше нечего было сказать. Надо было выйти из автомобиля и больше никогда не разговаривать с Джеймсом. Смесь вины и возбуждения в его голосе поведала мне все, что я

хотела знать. Внезапно на меня напала слабость.

Я, как дура, не покидала машины. Просто сидела в оглушающей тишине, ожидая, что он что-нибудь скажет.

— Она никого не встретила в колледже. И действительно скучала без меня. Мне кажется, и я скучал...

— А... — опять протянула я.

Слезы грозили покатиться из моих глаз, и я быстро-быстро заморгала. Я не собиралась показывать Джеймсу, как оскорблена и как страдаю.

— Мы хотим попробовать дружить на расстоянии, — продолжал он. — Не то чтобы я тебя не любил — ты классная девчонка. Но Таня и я — мы созданы друг для друга.

Я с трудом сглотнула и выпрямилась, насколько это было возможно, на сиденье джипа.

— Думаю, что это чудесно, Джеймс, — сказала я. Поразительно, но мой голос звучал спокойно и естественно.

— Правда?

Кажется, он был изумлен.

— Да. Потому что я тоже кое-что хотела сообщить тебе.

Я спрятала руки в карманах пальто, чтобы он не мог увидеть, как они дрожат.

— Что же? — снова удивился Джеймс. Он приподнял свои красивые брови и теперь смотрел мне прямо в глаза.

— Ах да... В эти дни мы с Кейном поняли, что любим друг друга, — даже произнося эти слова, я не верила, что они слетают с моих губ. «Прости меня, Кейн», — сказала я про себя.

— Вот как...

Я почувствовала некоторое удовлетворение, увидев, что Джеймс слегка подрастерял душевное равновесие.

— Не правда ли, забавнейшее совпадение? — беспечно спросила я. — Нам обоим страшно повезло, что не пришлось причинять боль другому.

— Угу, — согласился Джеймс.

Казалось, он был смущен.

— Ну ладно, увидимся еще.

Я потянулась и поцеловала его в щеку. Потом открыла дверь и вышла из машины.

— Пока, Делия.

— Пока, Джеймс, — ответила я, захлопывая дверь.

Не успел он отъехать от стоянки, как мои колени подогнулись, и я, рыдая, упала на землю.

Мне всегда нравилось сидеть с Ниной. Но в тот день я чувствовала себя не на работе, а в тюремном заключении. Нина забрасывала меня вопросами со скоростью один вопрос в секунду, и в основном они касались отношений между мальчиками и девочками.

— Марш Стейн устраивает в пятницу вечеринку, — сказала она.

Мы сидели в гостиной Джонсонов, и я помогала Нине делать задание по изобразительному искусству.

— Очень хорошо, — откликнулась я безучастно. У меня не было никакого настроения разговаривать о вечеринках.

— И она пригласила мальчиков, — продолжала Нина. Она затаила дыхание, ожидая, что я отвечу.

— Надо же, — я вдруг поняла, что несправедлива к Нине, и ее обиженный взгляд вызвал у меня новую волну огорчения. — Прости, — проговорила я, обнимая ее. — Я не сомневаюсь, что вы прекрасно проведете время.

Нина была очень юная, но совсем не дурочка. Она видела, что я что-то скрываю.

— Что случилось, Делия? Ты сегодня такая грустная.

Я пожала плечами, пытаюсь сдержать слезы.

— Мы с Джеймсом расстались сегодня. Наверное, на меня напала хандра.

— Мне, во всяком случае, он не нравился, — сказала она так, будто это заявление решило проблему.

— Ты ведь даже ни разу его не видела, — заметила я.

— Знаю. Но Кейн мне о нем рассказывал.

Нина вырезала из цветной бумаги сердечко и написала в середине свои инициалы.

— И что же Кейн говорил?

— Что Джеймс зануда и ты достойна кого-нибудь получше.

Я чуть не засмеялась. С каких это пор Кейн обсуждает мои личные дела с десятилеткой?

— Кейну не следовало так говорить. Это не его дело, с кем я встречаюсь. И не твое.

Я следила за тем, как Нина вписывает в бумажном сердечке еще чьи-то инициалы, догадываясь, что Г.Р., должно быть, ее последнее увлечение.

— Все равно он был прав. Разве нет?

Она подняла на меня свои большие доверчивые глаза.

— Ага, — вздохнула я. — Наверное, прав.

Я стояла на крыльце дома Парсонов, поеживаясь от холода. Я так спешила, что даже не удосужилась прихватить пальто.

— Делия! — лишь только увидев меня, Кейн заключил меня в крепкие объятия. — Мне очень жаль, — шепнул он мне на ухо.

Я вытерла слезы о рукав его свитера и взглянула ему в глаза.

— Как ты узнал?

— Но выражению твоего лица я понял, что либо кто-то умер у тебя в семье, либо Джеймс тебя бросил. Но поскольку я только что разговаривал с твоей мамой по телефону и голос у нее был нормальный, значит, вывод напрашивается сам собой.

Я закрыла лицо руками и бросилась на диван в гостиной Парсонов.

— Мне так плохо!

— Я знаю, что ты чувствуешь.

Он сел рядом и неловко погладил меня по спине.

Я хлюпнула носом:

— Откуда тебе знать, каково мне сейчас?

— Ребекка сдала меня на свалку, когда мы в воскресенье катались на коньках, — сказал он ровным голосом.

— Почему?

Эта новость так ошеломила меня, что в секунду я забыла о собственном несчастье.

— Кто знает?

Он со смущенным видом опустил на диван.

— Мне она никогда не нравилась, — мне было жаль Кейна, но я не могла упустить случая честно высказаться об этой королеве Ребекке.

— А мне никогда не нравился Джеймс.

— Кстати, о Джеймсе. Я ему ляпнула одну жуткую глупость.

Я решила во всем признаться. Кейн обязан знать, что я объявила, будто у нас роман.

— Какую именно? — спросил он.

— Обещай, что не взбесишься.

— Что? Ну давай, выкладывай.

Голос его был нетерпеливым, и я не хотела раздражать Кейна до того, как выверну свои кишки.

— Ну ладно... Когда Джеймс сказал, что они с Таней вновь собираются быть вместе, я оскорбилась...

— И? — подгонял меня Кейн.

— Ну и для того, чтобы сохранить лицо, заявила, что у нас с тобой любовь.

Я уставилась на вазу, стоявшую на каминной доске, ожидая, что Кейн сейчас взорвется. К моему удивлению, он рассмеялся.

У меня как гора с плеч свалилась. Но крайней мере, хоть одной проблемой меньше.

— Подумаешь, новость! — воскликнул он. — Все давно говорят, что у нас роман, ты же знаешь. Через неделю мы возьмем и скажем, что решили, будто нам лучше снова стать друзьями. И так оно и будет.

В первый раз с тех пор, как Джеймс отказался от меня, я улыбнулась.

— Ты прав! Во всяком случае, наши дела никого не касаются.

Кейн кивнул.

— Мне не терпится посмотреть, какое лицо будет у Ребекки. Хоть на Кодак снимай!

Глава 14

КЕЙН

Четверг, 30 ноября, 11.30 вечера

Я видел сегодня, как Ребекка флиртовала в холле с Патриком Мэром. И вы знаете, я не почувствовал ничего — ну, разве что только пожалел Патрика (шучу!). На самом деле, я был слегка задет. Неужели я для нее совсем ничего не значу? И опять же, значит ли она что-нибудь для меня? Возможно, Делия во всем оказалась права. Может быть, я действительно ничего не знаю о настоящей любви. Но кто знает?

В пятницу вечером, сидя в кафе, мы с Делией топили свое горе в банановом сплите. С нами был Эндрю, но он в основном помалкивал. Он просто уткнулся в мороженое, как будто в завитке сливочной помадки было написано будущее. Все трое были настроены мрачнее некуда.

— Ты знаешь, Делия Бирн, в чем твоя проблема? — спросил я.

— Ну да. В том, что ты все время спрашиваешь, в чем моя проблема, — машинально ответила она.

Миллион раз мы начинали разговор именно таким образом.

— Опять неправильно. Твоя проблема в том, что ты слишком легко влюбляешься.

— Ха! И это я слышу от человека, который потребовал, чтобы я влюбилась, я бы даже сказала спровоцировал меня на это! Ну и лицемер!

— Я старше и мудрее, — заявил я. — И решил, что любовь отныне строго под запретом.

Она задумчиво звякнула ложкой по изящной стеклянной вазочке, в которой нам подали банановый сплит.

— Мне кажется, у меня есть предложение, которое даже ваше пресыщенное величество сподвигнет на новую любовь.

Я слизнул с ложки очередную порцию мороженого.

— Сомнительно, но давай, попробуй.

— Ты должен пригласить куда-нибудь Эллен.

Делия, казалось, была довольна собой.

— Эллен Фрейзер? — удивленно воскликнул я.

Я знал, что Эллен всегда была немножко равнодушна ко мне, но мне никогда даже не приходило в голову встречаться с ней. Она же, после меня, была лучшим другом Делии. Сама мысль — назначить ей свидание — казалась мне странной.

— Конечно, Эллен Фрейзер. Она симпатичная, умная и в десять раз лучше любой девчонки, с которой у тебя когда-нибудь был роман.

Я замотал головой.

— Благодарю. Пожалуй, я лучше останусь при своем.

В этот момент Эндрю оторвался от вазочки с мороженым.

— Я согласен с Делией. Ты же ничего не теряешь.

Я вылупился на него.

— А разве не ты весь семестр так ни разу и не ходил на свидание? — спросил я.

— Я — другое дело, — ответил Эндрю.

— Почему это?

Я выжидающе посмотрел на него. По-моему, Делии тоже было любопытно. В последнее время Эндрю не очень-то распространялся о том, что происходит у него в голове.

Он дочиста облизал свою ложку и промокнул рот салфеткой.

— Потому что я собираюсь встречаться с Рейчел Холл. Скоро. Очень скоро.

— Ах, ну да, конечно, — съехидничал я. — За последние два месяца ты точно так же собирался пригласить ее уже раз десять.

Эндрю слегка покраснел.

— Я бы обязательно это сделал, но сначала надо было закончить отсев. Теперь, приглядевшись к двадцати двум девушкам из нашей школы, я пришел к заключению, что Рейчел единственная, с кем стоит встречаться. Не обижайся, Делия.

Делия пожала плечами. Она привыкла к его несносным высказываниям о женщинах.

— Да врешь ты все, — сказал я. — Ты не подходил к ней только из страха, что она тебя пошлет.

Эндрю выложил на стол несколько монет.

— Думай, что хочешь, Кейн. Но только прислушайся к совету Делии и начинай встречаться с Эллен. Не очень-то весело торчать одному дома субботними вечерами, — он поднялся. — Ладно, ребята, увидимся позже.

Когда Эндрю удалился, Делия отложила ложку.

— Не говори, что я не старалась ничего сделать. Если ты умрешь старым, седым и одиноким, то просто вспомни, что Делия Бирн пыталась тебе помочь.

— Я подумаю о твоём предложении, — уступил я. — Но в данный момент вся моя энергия сконцентрирована на том, чтобы забыть о существовании Ребекки Фостер. Это нелегкая работа.

— Должно быть, у нас с тобой один и тот же работодатель — полный рабочий день, плата маленькая, — проговорила Делия. — На, доешь, — она придвинула ко мне почти пустое блюдо.

Я выскреб ложкой оставшуюся на дне сливочную помадку, наслаждаясь ее чудесным вкусом.

— Как насчет того, чтобы посмотреть ящик? — спросил я, проглотив остатки.

— Хорошая мысль, — согласилась Делия. — На этой неделе по четвертому каналу Кэри Грант.

Она поднялась и взяла с соседнего сиденья куртку и шапку. Помогая ей надеть парку, я увидел наше отражение в старомодном зеркале, висевшем на стене неподалеку. Мы с Делией улыбались, и я отметил, что мы ничем не отличаемся от любой другой пары в кафе. Если бы я был не в курсе, то подумал бы, что мы самая настоящая парочка старшеклассников, юных и влюбленных друг в друга.

Через два с половиной часа в небольшой уютной комнате Бирнов Делия, вздыхая, щелкала кнопками пульта, переключаясь с канала на канал. Только что закончился фильм про любовь, и у нее на лице блуждало то самое мечтательное выражение, которое я видел много раз. Несмотря на свою внешнюю резкость, Делия всегда была любительницей мелодрам.

— Как ты думаешь, может кто-нибудь полюбить меня так же, как Джимми Стюарт любил Кэтрин Хэпберн в этом фильме? — спросила она.

— Что за глупый вопрос, — ответил я.

— Это потому что ты считаешь, будто никто не может меня полюбить так сильно? — сказала она печально.

Делия растянулась на софе, и ее икры и ступни покоились у меня на коленях. Заглянув ей в лицо, я заметил, что мечтательное выражение сменилось унынием. — Нет, Дэл. Потому что не сомневаюсь, что есть тысячи ребят, которые могли бы и действительно полюбят тебя даже больше, чем Джимми — Кэтрин.

Она улыбнулась.

— Правда? Ты на самом деле так думаешь?

— Делия, ты самая лучшая девчонка в школе. Во всем мире. Только дурак может в тебя не влюбиться.

Она села, потянулась ко мне и обвила меня руками. Я обнял ее в ответ, успокоенный тем, что она вновь улыбается.

— Какое счастье, что ты мой лучший друг, — произнесла она.

— А я еще больше рад, — отозвался я.

Я сжат ее за плечи, а потом обнял еще крепче.

— Я люблю тебя, — сказала Делия, уткнувшись лицом мне в грудь.

— Я тоже тебя люблю.

Мы очень часто говорили это друг другу. Мы оба подразумевали, что в конце фразы должны были стоять слова «как друга», поэтому никогда не давали себе труда договаривать. Но в этот вечер эти слова больше, чем обычно, были похожи на правду. Вероятно, в этот нелегкий для обоих период мы лучше, чем когда-либо, сознавали, до какой степени можем полагаться на прочную дружбу другого.

Делия запрокинула лицо и поцеловала меня в щеку. Я слегка шевельнул головой, чтобы ответить поцелуем в ее щеку. Затем она поцеловала меня в другую щеку, а я — в ее другую щеку. Мы продолжали в том же духе, пока не обменялись, наверное, Двадцатью поцелуями.

В конце концов, когда я склонился, чтобы чмокнуть ее еще раз, мой рот случайно-намеренно оказался на ее губах. Вместо того, чтобы отвернуться, я быстро поцеловал их. И она ответила тем же. Неожиданно я поймал себя на том, что целую ее снова и снова и хочу этого все больше и больше.

Делия отвечала, раздвинув мои губы своими. Мои пальцы начали перебирать ее волосы, а ее руки вцепились в ткань моей рубашки, собрав ее вокруг плеч. Я потерял представление о времени, целиком отдавшись обжигающему, словно электрический ток, ощущению, которое распространилось по всему телу. Мне казалось, что мы с ней были одним человеком, двумя половинками целого.

Внезапно вздрогнув, Делия отпрянула от меня. Она подскочила и рухнула в кресло рядом с камином. И без всякого перехода расплакалась, закрыв лицо руками.

Меня затопило чувство беспомощности, и я поднялся. Неуклюже глядя ее по спине, я пытался бормотать какие-то успокаивающие слова.

Через минуту или около того она заговорила:

— С Джеймсом... поцелуй... никогда... я не буду...

Я мог разобрать лишь одно слово из десяти, но не нужно быть гением, чтобы понять, что она расстроена из-за Джеймса. Было ясно, что, целуясь со мной, она вспомнила, что парень, которого на самом деле любила, оставил ее.

— Делия, не волнуйся, все будет хорошо, — сказал я, не зная, так это будет или нет.

— Ты так считаешь? — спросила она сквозь слезы, подняв на меня глаза.

Я уверенно кивнул.

— Послушай, мы оба расстроены из-за разрыва со своими любимыми. Потому не удивительно, что обратились друг к другу. Я тебе обещаю, что между нами ничего не изменилось.

— Ты прав, — проговорила она, вытирая слезы рукавом. — Я просто огорчилась из-за Джеймса, вот и все.

Казалось, ей удалось взять себя в руки. Я обрадовался этому, хотя был потрясен тем, что единственное, о чем она думает — об этом противном типе. Я, например, думал о том, что наши поцелуи были подобны взрыву. Но тем не менее, словно актер-оскароносец, продолжал играть роль лучшего друга.

— Мы с тобой друзья. Такие же, как всегда, — твердо сказал я.

Делия с надеждой улыбнулась и протянула мне руку.

— Друзья, — повторила она.

Мы пожали друг другу руки, как будто заключили сделку.

— Это самое хорошее слово в английском языке, — произнес я профессорским тоном.

Делия потупилась.

— Да, — пробормотала она сама себе. — Я просто опечалилась из-за Джеймса...

У меня вдруг возникло сильное желание уйти от Делии и ее нытья по поводу Джеймса. Я захотел домой, где мог как следует подумать.

— Короче. Мне кажется, мы оба проиграли пари, — заявил я, пытаясь подвести черту.

— Ты правильно понял.

В голосе Делии удивительным образом сочетались грустные и веселые нотки, но при этом выражение ее лица оставалось безучастным.

По правде говоря, я не представлял, как поступить в подобной ситуации.

Всю дорогу домой я не мог выкинуть из головы жалобных причитаний Делии из-за Джеймса. Я никак не мог взять в толк, что она в нем нашла, кроме смазливого лица манекенщика.

Но к тому времени, как я разделся и лег в постель, в моем мозгу выкристаллизовалась одна мысль. Я определенно был раздражен ее бесконечным оплакиванием Саттона. В конце концов, это оскорбительно.

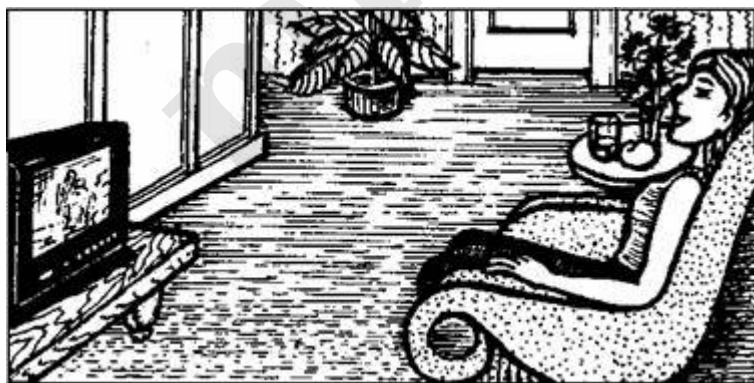
Уставившись в потолок, я стал думать о тех девушках, с которыми целовался. Все стоящие девчонки в школе в то или иное время встречались со мной, и из них только одна Ребекка сама попыталась разорвать отношения. Но все равно я знал, что она сделала это только из гордости. Обиделась из-за того, что я защищал Делию, и взбрыкнула. Я, конечно, не говорил этого Делии, но был абсолютно уверен, что Ребекка вернулась бы ко мне, если бы я попросил. Всю неделю она тайком поглядывала на меня на уроках у мистера Мона.

Однако я напомнил себе, что больше не желаю быть с Ребеккой. Я просто хочу, чтобы Делия поняла, как много девчонок мечтало бы быть в этот вечер на ее месте. И ни одна из них не разревелась бы после того, как я ее поцеловал. Совсем даже наоборот.

Я сел и ткнул кулаком в подушку. Надо кончать грезить, пора что-то предпринимать. Сам факт, что я поцеловал Делию и теперь мучусь из-за ее страданий по Джеймсу, говорил о том, что я испытываю очень большие трудности. Как только я приглашу на свидание другую девушку (естественно, имея намерение в нее влюбиться), все в моей жизни тут же войдет в прежнюю колею.

В то же мгновение я вспомнил, что Делия предложила мне пригласить на свидание Эллен. До этого момента я совершенно не собирался заводить с Эллен Фрейзер роман. Но раз уж Делия так этого хочет, тогда, пожалуй, попробую. Даже если ничего и не получится, это докажет ей, что моя жизнь не стояла на месте, пока она упивалась своими страданиями из-за какого-то слизняка. И уж конечно, тогда ей не придется волноваться, что я опять вздумаю ее поцеловать. Я усвоил этот урок.

Почувствовав, что наконец-то смогу заснуть, я закрыл глаза. Утром первым делом позвоню Эллен Фрейзер. Буду встречаться с подругой Делии и приятно проводить время — даже если сдохну из-за этого.

Глава 15

ДЕЛИЯ

Большую часть субботнего утра я провела, бесцельно слоняясь по дому. Родителей не было, и в доме стояла мертвая тишина. Позднее я должна идти к Нине, но до этих пор делать было нечего. Я поняла, что если девушка с нетерпением ждет вечера, чтобы отправиться сидеть с

десятилетним ребенком, то, значит, она находится в очень плачевном состоянии.

Где-то к полудню я уселась за компьютер поработать над заданием по писательскому творчеству. Но пальцы замерли над клавиатурой. Мне нечего было сказать. В голове клубились мысли о вчерашнем вечере, но толку от этого не было. Я чувствовала себя так, будто зависла в космосе и ожидала, что что-нибудь произойдет, но даже не знала, что именно.

Когда раздался звонок в дверь, я со всех ног бросилась вниз. В тот момент я была бы даже рада поболтать, сидя на крылечке, с каким-нибудь представителем торговой фирмы, обходящим дома и предлагающим свой товар. Все что угодно, лишь бы чем-нибудь заняться.

Увидев, что перед домом стоит машина Эллен, я немедленно ощутила, как настроение улучшается. И решила тут же рассказать ей, что произошло у нас с Кейном накануне вечером.

— У меня есть новости — закачаешься! — сообщила Эллен, как только я отперла дверь.

— Что, нас захватили пришельцы из космоса? — отозвалась я, вешая ее темно-синюю куртку.

— Вторжение инопланетян — ничто по сравнению с тем, что случилось со мной утром, — глаза ее горели.

Мы прошли на кухню, и я достала из холодильника две колы без сахара.

— Ну, не тяни. Выкладывай.

Она с легким хлопком открыла банку шипучки.

— Я просто читала газету, ничего не ожидая от сегодняшнего дня...

— Ты не можешь сразу перейти к делу? — перебила я. — Не могу больше ждать.

— Позвонил Кейн и пригласил меня на свидание — сегодня!

Я закашлялась, поперхнувшись своей газировкой.

— Ты шутишь!

Она покачала головой.

— Не-а. Мы сегодня вместе обедаем.

— Блеск!

Мне показалось, будто меня со всей силы стукнули кулаком.

Эллен испуганно посмотрела на меня.

— Ты ведь не обижаешься, правда? В смысле, я подумала, что ведь это ты замолвила за меня словечко и...

Я заставила себя улыбнуться.

— Да мне без разницы. Я просто удивилась, что он мне ничего об этом не сказал, вот и все.

— Какая-то ты бледная, — сказала Эллен, внимательно поглядев мне в лицо.

— Я всегда считала, что вы были бы прекрасной парой. Я так рада, просто слов нет.

Эллен усмехнулась.

— Ладно. Ловлю на слове. Раз так, то нельзя ли позаимствовать у тебя нечто такое, что я могла бы надеть?

— Сейчас найдем что-нибудь подходящее. Когда Кейн увидит тебя, от Ребекки останутся одни тусклые воспоминания.

Что бы я ни говорила, а чувствовала себя опустошенной. Конечно, это я подала Кейну идею встречаться с Эллен. Но почему-то не думала, что он на это пойдет.

Во всяком случае, кое-что изменилось. Теперь нельзя рассказывать Эллен, что мы с Кейном целовались. Я могла себе представить, как они оба будут смеяться над этим за обедом. «Бедняжка Делия, — скажет Кейн. — У нее так никогда и не будет настоящего парня».

Меня передернуло. Ни в коем случае нельзя показать ни Эллен, ни Кейну, что я хотя бы чуть-чуть расстроена из-за их свидания.

— Пошли наверх, — скомандовала я, вставая. — Нельзя терять ни минуты.

— Спасибо, Делия. Я знала, что могу рассчитывать на твою моральную поддержку.

Она слегка приобняла меня, и, взглянув в ее лицо, я увидела, что она сияет от счастья.

Когда мы были уже в моей комнате, я стала перебирать вещи в шкафу. Вытащила зеленое коротенькое платьице и протянула его Эллен.

— На-ка, примерь, — сказала я.

Я плюхнулась на кровать и стала смотреть, как она раздевается.

— Этот лифчик как гарантия качества. Он придает тебе уверенности.

Она хихикнула.

— Ну, как я выгляжу?

— Класс! — платье сидело на ней лучше, чем на мне. — Этот покрой тебе идет намного больше.

Эллен покрутилась перед зеркалом.

— Как ты думаешь, Кейну понравится?

— Определенно.

Она подошла к большому, отражающему в полный рост зеркалу и внимательно обследовала свое лицо.

— Кажется, прыщик вскакивает на подбородке.

— Да нет там ничего, — ответила я, изо всех сил стараясь говорить счастливым и ободряющим голосом.

Эллен присела у письменного стола.

— Что-то я нервничаю, — призналась она.

— Зря. Не нужно. Ты в миллион раз лучше, чем все, с кем Кейн встречался раньше.

Внезапно Эллен выпрямилась на стуле.

— Слушай, ты знаешь Кейна как никто. Можешь подкинуть совет, как мне с ним себя вести, чтобы понравиться?

Я прикрыла на минуточку глаза и задумалась. Как вместить все, что я знала о Кейне, в несколько значимых фраз? Я прокрутила в голове все мелкие детали, которые могла бы сообщить ей о своем лучшем друге. Затем глубоко вздохнула и приступила:

— Он терпеть не может пикули в гамбургере. Никогда не говори ему, что думаешь, будто ты толстая. Можешь сколько угодно петь в машине, даже если твой голос звучит, как коровье мычание — ему все равно. Он любит кого-нибудь изображать: если не сможешь угадать, кого он пародирует, предположи, что это Элвис. Если у него начинает слегка подергиваться глаз, значит, он старается скрыть, что злится...

Начав, я уже не могла остановиться. Было такое ощущение, будто я открыла ворота шлюза. Эллен сидела молча и смотрела на меня. Похоже, ей было интересно, и я продолжала:

— Его любимый цвет — зеленый. Он тайный фанат музыки диско. По вечерам слушает передачи по радио. Не выносит пустых девиц, хотя этого и не скажешь, глядя на его последнюю подружку. Он скорее умрет, чем станет работать в адвокатской конторе. Смешнее всего он бывает, когда...

— Делия, с тобой все в порядке? — внезапно спросила Эллен. Она подняла руку вверх, останавливая льющийся через край поток.

До меня дошло, что я почти забыла о ее присутствии.

— Что? Ох, прости. Наверное, я вывалила гораздо больше информации, чем тебе хотелось получить.

Эллен деловито отодвигала кожицу у основания ногтей на руках. Когда она подняла на меня глаза, я увидела, что она прикусила губу.

— Ты влюбилась в Кейна, что ли?

Эллен говорила тихо. Но мне казалось, что каждое слово будто молотком вбивается мне в голову.

— Что? — задыхнулась я.

Чтобы хоть что-то сделать я схватила подушку и прижала ее к груди.

Эллен выгнула бровь.

— То, что слышала. Я думаю, ты влюбилась в Кейна Парсона.

— Никогда не слыхала ничего глупее, — громко сказала я, отводя взгляд. — Не смей меня.

— Делия, то, как ты говоришь о нем... это как...

— Я не влюблена в Кейна. И хватит об этом.

Я знала, что мой голос прозвучал неестественно, но ничего не могла с этим поделать.

— Ну, если ты уверена...

— Конечно, уверена. Давай-ка одевайся и иди готовиться. Мне тоже надо уходить.

Через несколько минут я закрыла за Эллен входную дверь. Я, не шевелясь, стояла в холле, слушая тишину пустого дома. «Я не влюблена в Кейна», — говорила я себе. Слова эти эхом раздавались в моем мозгу, и я почти поверила, что это правда.

В субботу вечером Нина была так возбуждена, что мне пришлось буквально тащить ее наверх, чтобы уложить спать. Накануне она ходила на вечеринку к Марси Стейн, где были и мальчики и девочки, и, казалось, она вознамерилась рассказать мне об этом грандиозном событии во всех подробностях.

— Тогда Питер Росс засунул мне за шиворот кубик льда, — говорила Нина, неохотно натягивая желтенькую в цветочек ночную рубашку.

— Ну, а ты что?

Я собрала ее вещички и жестом показала, чтобы она села на край кровати.

— Сначала я завизжат. А потом продела с ним то же самое. Все так хохотали, что я думала, мы все упишемся в штаны, — Нина затряслась от смеха при воспоминании об этом.

— Сиди спокойно, — сказала я. — У тебя тут колтун.

Проводя по ее волосам щеткой, я ждала продолжения.

— Я тебе еще не рассказала самого интересного, — заявила она.

— А было что-то еще? — несмотря на плохое настроение, я не могла удержаться от улыбки. Нинино бурное жизнелюбие оказалось заразительным.

Она кивнула.

— Но я расскажу, только если ты обещаешь не протрепаться родителям, — серьезно проговорила она.

— Клянусь.

Нина оглянулась, чтобы посмотреть на меня, и я поняла, что ее прямо-таки распирает — так хочется раскрыть свой секрет.

— Мы играли в бутылочку!

— Только не это!

Я изо всех сил старалась изобразить, что страшно шокирована. Не было ни малейшего

сомнения, что Нина рассчитывала именно на такую реакцию.

— Да! Мальчишки были такие противные, я думала, меня вырвет.

— И с кем тебе пришлось целоваться? — спросила я.

Я согнала ее с постели и теперь могла снять покрывало.

— С Питером Россом! Фу, гадость! — Нина сморщилась и высунула язык.

Я рассмеялась.

— Уверена, что это не смертельно. Когда-нибудь ты опять захочешь поцеловаться с ним.

Она отчаянно замотала головой, издавая такие звуки, будто ее тошнит.

— Да никогда в жизни!

— Посмотрим-посмотрим, — сказала я, целуя ее на прощанье.

Я наклонилась и потушила лампу, стоящую рядом с кроватью.

И уже выходила из комнаты, когда Нина села в постели и включила свет.

— Эй, Делия!

— Что? — отозвалась я, уперев руки в бока.

— Ты думаешь, все кончится тем, что я выйду замуж за Питера Росса? Раз уж мы поцеловались?

— Ага. И будете жить долго и счастливо.

Я снова погасила свет, надеясь, что она не заметила горькие нотки в моем голосе.

Я вышла из комнаты, уверенная, что через пару минут она крепко уснет и ей будет сниться этот «гадкий» Питер Росс. Слава богу, мне хватило ума не говорить ей, что все романы в пятом классе ничем не кончаются. Она это сама довольно скоро поймет.

Внизу у меня не было никаких особенных дел. Я взяла пакетик сухих крендельков, посыпанных солью, и включила музыкальный канал. С ожесточением грызя крендельки, я думала о Кейне и Эллен и надеялась, что они проводят самые счастливые минуты в своей жизни.

Целый час я смотрела музыкальные клипы, и наконец мне это наскучило и стало раздражать. А кроме того, меня ужасно разбирало любопытство. Прямо терпелу не было — так хотелось узнать, как прошло свидание. Взглянув на часы, я поняла, что Эллен должна быть уже дома. В конце концов, сколько же может тянуться обед?

Телефон дал три гудка, прежде: чем трубку взяла мама Эллен. Я знала, что миссис Фрейзер ложится рано, и ее голос прозвучал сонно и слегка недовольно. Если бы Эллен была дома, миссис Фрейзер и не подумала бы подойти к телефону. Ничего не говоря, я отключилась.

Эллен не было, и это означало, что они с Кейном все еще вместе. Свидание явно оказалось удачным. Теперь они встретятся еще раз. Потом станут держаться за руки на публике. А я буду

словно пятое колесо, одинокая и ненужная им.

Я абсолютно точно не смогла бы вынести, если бы Кейн вздумал делиться со мной, как сильно ему нравится Эллен. Наша дружба просто не выдержит такого напряжения. Но ведь я не собиралась помогать его счастью — или счастьем Эллен.

— Придется идти на полный разрыв, — сказала я телевизору. — Это для всех будет самое лучшее решение.

Глава 16

КЕЙН

— Это платье Делии? — вдруг спросил я у Эллен.

Она улыбнулась и опустила глаза.

— Да. Она отдала мне его.

— Почему?

Я знал, что не очень-то вежлив, но не представлял себе, зачем бы Делии отдавать свое зеленое платье. Это одно из самых моих любимых, и я не мог не отметить, что на Дэл оно сидит гораздо лучше.

— Наверно, оно ей уже надоело, — ответила Эллен, пожимая плечами.

— Что-то не нравится она мне, — сказал я так, словно Эллен здесь не было.

Мы сидели за столом в итальянском ресторанчике, и я чувствовал, что голова моя вот-вот лопнет. Пока мы ели закуски и основное блюдо, я не упоминал о Делии, изо всех сил стараясь быть внимательным к Эллен и воспринимать ее как девушку, с которой мог бы встречаться. Но к тому времени, как официант принес кофе, я уже понял, что заводить роман с Эллен — безнадежное дело. В моих глазах она была подругой Делии. Я признавал, что она отличный человек, но стоило мне взглянуть на нее, как видел Делию. И вот теперь я позволил себе говорить о том, что весь день занимало мои мысли, — о Делии Бирн.

— Я так полагаю, речь идет о Делии? — спросила Эллен, подняв брови.

— Угу.

— Мне кажется, ты тоже ее расстраиваешь, — серьезным тоном заметила Эллен. Она сделала глоток кофе, ожидая, что я что-нибудь скажу.

— Просто я ее очень люблю.

Я добавил в чашку сливок и начал размешивать с отсутствующим видом.

— Она тоже тебя любит, — со вздохом ответила Эллен.

— Правда?

— Конечно, правда, — Эллен помолчала немного. — И если хорошенько подумать, то ясно, зачем ты меня пригласил сегодня. Похоже, тебе понадобился психотерапевт, — она засмеялась каким-то своим мыслям, качая головой.

Я вдруг понял, какой я идиот.

— Прости, Эллен. Я совсем не собирался все время говорить о Делии. Давай побеседуем о чем-нибудь другом. Ну, например... в какой ты собираешься колледж?

Она снова мягко засмеялась.

— Кейн, даже не пытайся притворяться, что тебе интересно, в какой колледж я собираюсь поступать. Если честно, ты неважный актер.

— Неужели это так заметно? — спросил я с досадой.

— С той самой секунды, как ты за мной заехал, твои мысли были за тысячи миль от меня, — она откинулась на стуле, теребя в руках бумажную салфетку.

— Я думал, если бы мы стали встречаться, то я бы забыл, как... — я и сам не знал толком, что хотел сказать.

— Ты бы забыл, что влюблен в Делию? — насмешливо спросила Эллен.

— Нет! — поспешно возразил я. — Я имел в виду, что только что расстался с Ребеккой и все такое...

— Я тебя умоляю! — перебила меня Эллен. — Вы с Делией влюблены друг в друга, и в школе все давным-давно об этом знают. Если вы перестанете отрицать очевидное и будете, наконец, вместе, то все остальные от вас отстанут.

Сердце мое бешено колотилось, и я едва перевел дыхание.

— Ты действительно думаешь, что Делия в меня влюблена?

Эллен со стуком поставила свою чашку.

— Кейн, я это знаю. Видел бы ты ее сегодня. Она притворялась, будто ей дела нет до нашего с тобой свидания. Но от меня-то не укрылось, что на самом деле у нее на глазах блестели слезы.

— Ты не выдумываешь?

Во рту все пересохло, и я потянулся за стаканом воды со льдом.

Эллен потеряла виски.

— Ну, прикинь сам, Кейн. Ты же знаешь, что я года два, как дура, сходила из-за тебя с ума. Вот теперь, наконец-то, у нас с тобой что-то вроде наметилось. Неужели я стала бы тратить сегодняшний вечер на то, чтобы сказать тебе, будто вам с Делией необходимо быть вместе, если бы не была честна с тобой на все сто процентов?

Закончив свою речь, Эллен сделала знак официанту принести счет.

— Я понял тебя, — сказал я, словно про себя.

— Вот и хорошо. А теперь пойдем отсюда. Я уверена, ты хочешь поскорее попасть домой и поразмыслить о Делии.

— Эллен, пожалуйста, обещай мне, что ни слова не скажешь ей о нашем разговоре.

Я затаил дыхание, молясь, чтобы она согласилась держать рот на замке.

— Обещаю, — произнесла она.

Я вздохнул с облегчением.

— Как мне отблагодарить тебя за то, что ты такая славная? — сказал я. — Проси что хочешь.

Она махнула рукой в сторону лежавшего на столе счета.

— Пожалуйста. Разрешаю тебе заплатить за мой обед.

— Считаю, что уже сделано.

Естественно, я бы заплатил за нее в любом случае.

— Можешь ты мне сделать еще одно одолжение? — спросила она, надевая пальто.

— Все что угодно.

— Никогда больше не приглашай меня на свидание.

Эллен усмехнулась, и я заметил, что глаза ее блеснули.

Выходя из ресторана, я насвистывал. И всю дорогу домой пел.

Явившись домой, я тут же взлетел по лестнице в свою комнату. Мысленно я уже набирал номер Делии. У нас есть о чем побеседовать.

Но сев на кровать и поставив рядом с собой телефон, я вдруг ощутил, будто из меня выпустили весь воздух. Во время разговора с Эллен все казалось таким простым. Теперь, когда я остался один, чувства мои были гораздо сложнее. В течение трех лет мы с Делией были лучшими друзьями. Наши отношения давно устоялись, и я никогда серьезно не задумывался о том, чтобы изменить их.

Я переставил аппарат обратно на тумбочку и подошел к стене. Она вся была покрыта фотографиями первых лет, проведенных нами в средней школе. Почти на половине из них была Делия.

Взгляд упал на большой снимок в центре. Это фото сделала моя мама весной в первый год. Мы с Делией вместе с компанией других ребят работали на автомойке. Я мысленно вернулся назад, вспомнив, что мы тогда старались заработать денег для местной детской больницы. Часа в три дня дело застопорилось. Все ужасно вымотались и были не в духе. Я вдруг схватил шланг и обрызгал Делию. Она ответила тем, что вылила мне на голову ведро мыльной воды. После чего все принялись беситься. Несколько минут повсюду лились вода и мыло, и все истерически хохотали.

Когда я в конце концов положил шланг на землю, то увидел, что мама привела помыть наш старенький микроавтобус. Она стояла в нескольких ярдах от нас — в стороне от линии огня, и в руках у нее была фотокамера. Буквально за секунду перед этим ко мне подошла Делия и протянула пятерню. Я до сих пор помню тот миг, когда наши руки соскользнули друг с друга, потому что были все в мыле. Как раз этот момент мама и запечатлела на пленке. Это был очень характерный снимок. Делия всегда, смеясь, хлопает меня по руке.

Хотя я сейчас в комнате был один, воспоминание об этом заставило меня громко расхохотаться.

Я перевел взгляд на другие карточки. На некоторых из них мы с Эндрю играли в баскетбол или занимались чем-то другим, что обычно делают мальчишки. Но мои любимые фотографии — это те, на которых мы с Делией: с моей бабушкой, верхом на лошади, а вот на этой сооружаем снеговика.

Что, если я расскажу Делии о своих истинных чувствах, а она не испытывает то же самое? Я тогда обижусь, и прощай дружба. Наши вечные подтрунивания друг над другом и полное доверие уйдут навсегда.

Или что, если мы с Делией начнем встречаться, и эти отношения завершатся так же, как и все остальные? Нет гарантии, что наша любовь никогда не кончится. Делия может найти кого-нибудь, кто ей понравится больше, или решит, что я ужасно плохо целуюсь, или вдруг подумает, что мои шутки вовсе не смешные. Сердце мое будет разбито, и я потеряю то, что для меня важнее всего на свете.

Тяжело вздохнув, я лег на кровать. Молчащий телефон, казалось, издевался надо мной, и у меня зачесались руки швырнуть его об стенку. Вместо этого я снял трубку и набрал шесть первых цифр номера Бирнов.

Я хотел уже нажать последнюю кнопку, но вдруг остановился. Несколько секунд сидел неподвижно в полном оцепенении, уставившись на открытку с портретом Майкла Джордана, висевшую на стене. Я не могу этого сделать, понял я. Не могу рисковать дружбой. Ставки слишком высоки.

Не удосужившись даже раздеться, я выключил свет и рухнул в постель.

— Делия никогда не узнает о моих чувствах, — дал я себе клятву. — Никогда.

Глава 17

ДЕЛИЯ

Я проснулась в воскресенье утром с жуткой головной болью. Снизу раздавались бодрые голоса родителей, споривших, покупать или не покупать новый водонагреватель. Я застонала и зарылась лицом в подушку, потому что передо мной живо встали последние двадцать четыре часа сплошной пытки. Эллен и Кейн. Кейн и Эллен. Делия и — никто. Было, кажется, около половины шестого утра (да, я пролежала без сна почти всю ночь, разглядывая трещины на потолке), когда я окончательно поняла, почему мне так скверно. И тогда я в первый раз вслух выговорила эти слова — просто для того, чтобы проверить, правда ли это:

— Я влюбилась в Кейна.

Произнести это оказалось еще труднее, чем думать. По лицу скатилось несколько слезинок. Еще нет и десяти часов, а я уже плачу. Ну и ну, хорошенькая жизнь, насмешливо подумала я. И повернулась на другой бок, заставляя себя снова и снова повторять правду.

Когда я больше не смогла выносить собственных мыслей, я вытащила себя из постели. Конечно, еще рано, но нет смысла откладывать неизбежное. Я должна порвать все связи с Кейном, и сделать это необходимо сегодня.

Я надела самые старые джинсы и достала из шкафа линялую фирменную школьную футболку. В довершение нацепила бейсболку и сунула ноги в разбитые мокасины. Затем с трудом собрала волосы под заколку и вдруг решила, что надо остричь их, хотя Кейн и не настаивал на этом, если я проиграю пари. Ради чего беспокоиться о своей внешности? Все равно с этого дня придется проводить выходные с родителями.

Из стенного шкафа в прихожей я вытащила помятую картонную коробку и поставила ее посреди своей неубранной постели. Потом медленно обошла комнату, касаясь руками различных вещей, связанных со школьными годами. Большинство из них так или иначе напоминали мне о Кейне, и снова слезы покатились по щекам. Я должна избавиться от них всех. Если останется даже самый маленький сувенирчик, напоминающий о нашей дружбе, он станет для меня пыткой.

Я бережно положила в коробку плюшевого мишку, которого Кейн выиграл для меня на карнавале в прошлом году. Я назвала его Хохотунчик, потому что Кейн всегда смешил меня. За несчастной зверюшкой последовали серебряные сережки-висюльки — подарок Кейна на мое шестнадцатилетие.

Я подошла к стене у своего письменного стола и сняла фотографию в рамочке, на которой были мы с Кейном на автомойке. Когда я еще раз разглядывала наши улыбающиеся,

вымазанные мылом лица, сердце болезненно сжалось. Бросив снимок в коробку, я тщательно обследовала ящики комода. За последние три года у меня скопился миллион футболок Кейна, я так и не удосужилась вернуть их ему.

— Он взбесится, когда получит их обратно, — прошептала я, поднеся к лицу черную майку.

Через несколько минут (во всяком случае, мне показалось, что прошло совсем немного времени) коробка была полна. Я окинула взглядом комнату — она была теперь голой и безликой. Почти вся моя жизнь оказалась сложенной в картонку. Больше ничего не осталось.

Я подняла коробку и, сгорбившись, тяжело потащила ее к дверям.

— Прощай, Хохотунчик, — сказала я. — Я была рада знакомству с тобой.

Миссис Парсон не пыталась остановить меня, когда я прошла мимо нее и направилась к лестнице. Я была при исполнении, и никто не решался стать на моем пути. Казалось, ступеньки никогда не кончатся, из-за тяжести коробки болели мышцы спины и рук.

У двери в комнату Кейна я бросила коробку. Грохот разнесся эхом по всему дому, возвещая о моем присутствии. Я громко постучалась, не заботясь о том, что родители Кейна могут подумать, что я рехнулась.

— Да? — откликнулся Кейн из комнаты.

Голос был такой знакомый, такой его, что я чуть не отступилась от своей затеи, решив справиться со своими растрепанными чувствами. Но я упрямо тряхнула головой, вспомнив о том, что сама же предостерегала себя именно от такого искушения. Я знала, что встретиться лицом к лицу с Кейном. будет тяжело, но у меня не было выбора.

— Это я, — крикнула я резко, боясь, что голос дрогнет.

Я отворила дверь и ногой втокнула коробку в комнату. Затем шагнула внутрь и стала, скрестив руки на груди.

— Что случилось? — спросил Кейн, глядя на меня сонно и в то же время обеспокоенно.

Он лежал, завернувшись в одеяло, волосы были взъерошены. Но даже в таком виде он был великолепен. Можно смело изображать его на плакате, рекламирующем матрацы.

— Я принесла все твоё барахло, — решительно произнесла я, не имея представления, как приступить к сообщению, что мы больше не можем быть друзьями. — Я... э-э... поняла, что у меня собралась куча твоих футболок.

Он посмотрел на электронные часы рядом с кроватью.

— Ты считаешь, обязательно было тащить мне футболки в воскресенье в десять часов утра?

— Да, я была вынуждена, — сказала я так, словно это объясняло все. — Не сомневаюсь, что ты устал после вчерашнего долгого свидания с Эллен, поэтому можешь продолжать спать.

Я повернулась на каблуках, намереваясь спастись бегством.

— Подожди! — окликнул меня Кейн, окончательно проснувшись. — Будь добра, объясни мне,

пожалуйста, что происходит? Я ничего не понимаю.

Я принялась внимательно изучать пол, отчаянно пытаюсь придумать, что бы сказать. Похоже, в моем плане полностью избавиться от Кейна оказалась брешь.

— Мы больше не можем быть друзьями, — в конце концов проговорила я.

Как только эти слова вырвались наружу, слезы покатились из глаз, и я не могла их сдержать. Кейн хмурился. Он казался таким милым и трогательным, что я больше ничего не хотела — только чтобы он полюбил меня. Но едва мой взгляд упал на его губы, как я тут же представила, как он целует Эллен. Наверно, они за десертом все время целовались в ресторане. Эта картина вызвала в сердце острую боль.

— Но почему? — спросил Кейн высоким дрожащим голосом.

— Кое-что изменилось в наших отношениях, — ответила я в перерыве между всхлипываниями. — Не знаю, как еще тебе это объяснить.

Он молча смотрел на меня, открыв рот. Хоть бы пол провалился и проглотил меня! Но ничего не произошло — даже молния не полыхнула.

— Вы с Эллен составите отличную пару, — вновь заговорила я. — Желаю вам обоим счастья.

— Мы с Эллен? Но мы не...

— Больше ни слова! — закричала я. — Не желаю об этом слышать.

— Но, Делия, это же безумие. Хуже, чем безумие!

Он вылез из постели и направился ко мне.

— Прости, Кейн. Я подвела тебя как друг, я знаю это. Но, пожалуйста, не говори больше ничего. Просто оставь меня — навсегда.

Я, пятясь, вышла из комнаты, захлопнула за собой дверь и с грохотом слетела по лестнице. Из-за слез и сердечной боли я не видела ничего вокруг.

Спустившись вниз, я повернула к входной двери, не обращая внимания на встревоженную миссис Парсон. Я слышала, что Кейн зовет меня, но не реагировала на его голос.

Выскочив наружу, я бросилась к маминой коричневой «Тойоте», которую припарковала на подъездной аллее. Отъезжая, я увидела Кейна, стоящего у входа. Он прыгал и махал мне рукой. Я демонстративно отвернулась и выкатила на тихую улицу, оставив сердце позади.

Несмотря на морозный день, я открыла в машине окно и впустила струю свежего воздуха. Я чувствовала себя так, будто меня душили, и холодный ветер принес желанное облегчение. Я бесцельно колесила по городу, молясь о том, чтобы по мере удаления от Кейна вновь ощутить себя человеком.

Я включила радио. Машину заполнил низкий мелодичный голос ди-джея, и я откинулась на сиденье: мне приятно было слышать посторонний голос. Если хоть немного повезет, то он вытеснит из моего сознания зывающий ко мне голос Кейна.

— А эта старая знакомая песня из золотого фонда под названием «Давай любить друг друга»

прозвучит по просьбе Эндрю для Рейчел. Он говорит, что клево провел вчерашний вечер и рад, что наконец собрался с духом и попросил тебя быть его девчонкой, — сказал ди-джей.

Я горько рассмеялась и вырубил радиоприемник. Эта насмешка судьбы доконала меня, и я вынуждена была припарковать машину, чтобы собраться. Это же надо было включить радио и услышать, что Эндрю Райс посвящает песню Рейчел Холл! Такое впечатление, что всем в нашей школе наконец стало везти в любви. Всем, кроме меня.

Я положила голову на руль и судорожно вздохнула. Никогда мне отныне не ходить на школьные праздники. Не будет всю ночь свидания на выпускном вечере. Не отправимся вдвоем с Эллиен на Новогодний бал. Не обмениваемся с Кейном рождественскими подарками и не пойдем кататься на санках. Теперь я буду проходить по коридорам школы Джефферсона — и это будет всего лишь тень меня прежней.

Я стала фантазировать, как раньше времени сдать экзамены и покину школу. Перееду в другой город, найду работу и начну совершенно новую жизнь. Я вообразила, что живу в Нью-Йорке, танцую в каком-нибудь отвратительном музыкальном театрикe далеко от Бродвея [22]. Потом я представила свою новую жизнь на Среднем Западе. Я могу уехать куда-нибудь в Небраску и работать в сельском хозяйстве. Или податься в Калифорнию и стать хиппи. Может быть, я даже обрету новое лицо — и буду называть себя Радугой или Лучом Луны.

Наконец я выпрямилась и смахнула слезы с глаз. Как ни крути, а пока еще я была прежней старушкой Делией Бирн. И я была несчастна. Родители, конечно, не разрешат мне покинуть штат или сделать что-нибудь в этом духе. Они вынудят меня владеть жалкое существование, проводя день за днем в одиночестве.

Я включила зажигание и поехала прочь. Не знаю, сколько времени я еще моталась по городу, но внезапно обнаружила себя перед «Тиволи». «Тиволи» был старым кинотеатром, в котором по субботам и воскресеньям показывали классику. Увидев, что в час начинается «Касабланка», я припарковала машину на пустынной стоянке.

«Касабланка» — та самая картина, которую в сентябре мы смотрели вместе с Кейном, сидя каждый у своего телефона. Тогда еще наши чувства были чистые и простые. Если бы я только могла повернуть время вспять, вычеркнув все, что произошло после того наивного вечера!

Когда я покупала билет, женщина в кассе как-то странно посмотрела на меня.

— Фильм начнется не раньше, чем через сорок пять минут, — предупредила она. — Ты можешь прийти попозже.

Я покачала головой, понимая, что мне больше некуда идти. Пустой кинотеатр — как раз самое подходящее место, где можно побыть одной.

— Я подожду, — ответила я, глотая слезы.

— Хорошо, детка, — мягко проговорила женщина. — Входи.

Безлюдный зал казался каким-то жутким и нереальным. Но все равно я села. Совершенно измученная, закрыла глаза, чтобы не видеть бесконечных рядов пустых кресел. Неважно, сколько придется ждать — сорок пять минут или целую жизнь. Все потеряло для меня смысл.

Глава 18

КЕЙН

Я стоял в дверях, пока машина Делии не скрылась за углом. Мама застыла за моей спиной и, казалось, была потрясена даже больше, чем я.

— Что стряслось? — спросила она.

— Это долгая история, — ответил я, вздыхая.

Не говоря больше ни слова, я поднялся по лестнице к себе в комнату и поставил на кровать картонную коробку, которую принесла Делия. С тяжелым сердцем я начал рассматривать ее содержимое, вещь за вещью. Обнаружив на дне Хохотунчика, я прижал его к груди и спрятал под рубашку.

Я понятия не имел, что вдруг нашло на Делию. Может, Эллен передала ей то, что я сказа! накануне вечером? Я замотал головой, потому что поверил Эллен, когда она обещала хранить молчание.

Я перебрал в уме все, что произошло начиная со Дня Труда. Хотя мы и соперничали больше чем обычно (гораздо больше!), я никогда не думал, что Делия откажется быть моим другом. По мне, так сама мысль не дружить с Делией была так же абсурдна, как и не дышать. Мы предназначены друг для друга, и вот теперь она рвет все связи. Почему?

Всем сердцем я хотел верить, что она ревнует к Эллен. Но ведь это была идея Делии — пригласить на свидание ее подругу. Это она хотела, чтобы я покончил с Ребеккой и нашел кого-нибудь еще. И именно Делия чахла по Джеймсу, ведя себя так, будто наступил конец света, когда он вернулся к Тане. К тому же, когда я поцеловал ее в пятницу, это она первая отодвинулась от меня. При воспоминании о том, как она рыдала из-за Джеймса, мне стало тошно.

вернуться

22

На Бродвее сосредоточены престижные театры и увеселительные заведения.

Все утро я перебирал различные предметы, которые выбросила Делия. Каждый раз, когда я наклонял голову и ощущал пушистую мордочку медвежонка, на меня накатывала новая волна боли. Делия умоляла меня оставить ее в покое, и я ничего не мог с этим поделать.

В конце концов я разозлился. Что она о себе воображает? С каких это пор она берет на себя решения относительно нашей дружбы? Я взялся за телефон, намереваясь заставить ее поговорить со мной, даже если придется отправиться к ней домой и забаррикадироваться в ее комнате.

У нее сработал автоответчик, и я повесил трубку. Почему-то мысль оставить ей сообщение показалась мне непереносимой — а вдруг она дома и слушает меня? Я не в силах принудить Делию разговаривать со мной. Да она просто взбесится и обругает меня. Все, что я мог сделать... ничего я не мог.

Я вздрогнул, когда зазвонил телефон. Но схватил трубку после первого же гудка, надеясь и не надеясь, что Делия наконец пришла в чувство.

— Здорово, Парсон, — услышал я довольный голос Эндрю.

— Привет, Эндрю.

Сердце упало, и я быстренько старался придумать какой-нибудь предлог, чтобы закруглиться как можно скорее.

— Старик, я наконец-то сделал решительный шаг, — похоже, Эндрю был в восторге. — Я сделал это!

— О чем ты? — спросил я, разминая рукой ноющую шею.

— О Рейчел. Вчера вечером я встречался с ней. Это было потрясающе! Проснулся утром и сказал себе: «Райс, сегодня ты будешь мужчиной и пригласишь девушку, которая думает, что ты ведешь себя как последний сумасшедший». И пригласил. Она сказала «да». Ну а все остальное — это романтическая история.

— Я так понимаю, что вы неплохо провели время, — сказал я, стараясь, чтобы мой тон не был слишком циничным.

— Придурок, все было так, будто мы созданы друг для друга. А знаешь, что самое приятное? — спросил он.

— Что? — я изо всех сил сжал мишку, заставляя себя радоваться за Эндрю и Рейчел.

— Она сказала, что влюблена в меня с начала семестра. Прикольно, да?

— Класс! — ответил я без эмоций.

Я не мог поверить, что Эндрю Райс влюблен. Он всегда поднимал меня на смех и издевался над моими поисками второй половины. А вот теперь сам лепечет, как идиот, таким счастливым голосом, какого я у него никогда не слышал.

— Хочешь знать, что я сделал сегодня утром?

— Скажи, сделай одолжение.

Эндрю, казалось, не замечал, что я не получаю такого удовольствия от беседы, как он.

— Я позвонил на радиостанцию и заказал ди-джею посвящение. Потом позвонил Рейчел и сказал, чтобы она включила радио. Мы оба оставались на проводе, даже не разговаривали —

просто слушали, когда начнется песня, — Эндрю удовлетворенно вздохнул.

— Похоже, ты здорово втюрился, — прокомментировал я, не зная, как ему дать понять, что для меня слушать его объяснения в любви — все равно что повернуть нож в сердце.

— Я даже пригласил ее на Новогодний бал, — продолжал Эндрю. — Слушай, а может, мы присоединимся к тебе с кем-нибудь?

— Не думаю, что я иду.

— Кейн, конечно же, идешь. В конце концов, если не найдешь никого, ты ведь можешь пойти с Делией. У вас обоих нет пары — а большинство так и так думает, что у вас любовь.

Я поймал себя на том, что бешено хохочу. Если я еще хоть секунду проговорю с Эндрю, то, чего доброго, выпрыгну из окна.

— Послушай, старик, мама меня зовет. Но я правда ужасно рад за вас с Рейчел. Продолжай в том же Духе.

Я повесил трубку, прежде чем он успел что-либо сказать.

Мне всего только семнадцать, а жизнь превратилась в сплошную боль и одиночество. Лежа у себя в комнате, я не знал, как долго смогу выдержать.

Не имею представления, сколько времени я так пролежал, когда мама просунула голову в дверь. Может, прошло несколько секунд, а может, часов или дней.

— Мы с папой идем на аукцион, — сообщила она. — Хочешь пойти с нами?

Я спрятал Хохотунчика под одеяло и помотал головой.

— Пожалуй, еще немного поваляюсь.

Мама улыбнулась самой своей материнской улыбкой, и я почувствовал, будто мне лет пять.

— Хорошо, дорогой. Но смотри не лежи в постели целый день. Это вредно для здоровья.

Она затворила за собой дверь, и я вытащил Хохотунчика из укрытия.

Услышав, что открылась дверь гаража, я выполз из кровати. В ванной я рассеянно почистил зубы и сполоснул лицо. Но одна лишь мысль о том, что надо бы причесаться, показалась непосильной.

Все еще ощущая себя так, словно двигаюсь в вакууме, я спустился в кухню и налил себе чашку черного кофе. Потом безразлично пролистал газету, стараясь выкинуть Делию из головы.

Я прочел спортивный раздел, но как только закончил проглядывать таблицу с результатами футбольных матчей, то понял, что не могу вспомнить, кто выиграл. И еще я понял, что мне, собственно, и не было до этого абсолютно никакого дела.

Я отыскал раздел искусства. Может, кино поможет позабыть о моей мрачной действительности. Взгляд упал на огромный анонс «Касабланки». Фильм шел в «Тиволи», и первый показ начнется в час дня. Я мысленно вернулся к тому дню, когда в последний раз

видел эту картину. Делия уже легла спать, когда я позвонил ей, но она встала и посмотрела весь фильм.

Я глянул на часы. Сеанс начнется через пятнадцать минут. Я бросился к выходу, надел куртку, схватил ключи. Затем машинально двинулся к телефону, чтобы позвонить Делии и узнать, не хочет ли она пойти со мной. Но едва дотронувшись до аппарата, я отдернул руку. На мгновение я совершенно забыл, что поход в кино должен был отвлечь меня от мыслей о том, что случилось сегодня утром. Почувствовав тошноту, я медленно отошел от телефона. По просьбе Делии, больше никогда нельзя было ей звонить. Я должен привыкать ходить на старые фильмы в одиночестве. Никто из моих друзей не понимал всей прелести классических черно-белых лент.

По дороге в кинотеатр до меня дошло, что, глядя на Хамфри Богарта и Ингрид Бергман, я не смогу забыть о Делии. Ладно, по крайней мере, хоть поплачу в тот момент, когда Сэм будет играть для Илзы «Когда время проходит».

Как бы то ни было, я купил билет. Ничто не могло заставить меня не думать о Делии, поэтому я решил, что лучше всего предаваться своему горю, спрятавшись в темноте кинозала.

— Ты с кем-нибудь здесь встречаешься? — спросила меня кассирша, давая сдачу.

— Нет. Совершенно не собирался, — ответил я.

— Похоже, что-то такое витает сегодня в воздухе, — проговорила она, словно про себя.

— Очень может быть, — согласился я, не зная, о чем она, да и не заботясь об этом.

Поскольку я уже опоздал, то пошел в буфет за попкорном. Я ничего не ел целый день, и в желудке урчало. Я не был уверен, что смогу умять все, но попросил самую большую порцию — на всякий случай.

Маленький зальчик был наполовину пуст. На экране был Хэмфри Богарт. Играла музыка. В этот момент Богарт, который играл Рика, мне был так близок: его герой потерял свою настоящую любовь и теперь вынужден был влачить бессмысленное существование. Он стал равнодушным, его ничего не трогало, потому что ничто для него не имело значения. Я решил, что отныне буду таким же — бесстрастным одиночкой, который скользит по жизни, не связанный никакими чувствами и желаниями.

Погрузившись в свои горькие мысли, я подождал, когда глаза привыкнут к темноте. Затем медленно двинулся вперед, ища место, где поменьше народу. Давая передышку своему мозгу, я хотел по возможности остаться в одиночестве.

У третьего прохода между рядами сердце вдруг сильно заколотилось в груди. Всего за несколько рядов впереди я увидел знакомый затылок. Чуть не выронив попкорн, я стал как вкопанный.

Свободной рукой потер сначала один глаз, потом другой. Я был совершенно уверен, что это галлюцинация. Разве возможно, чтобы Делия сидела перед самым моим носом — как будто знала, что я приду сюда и отыщу ее?

Я на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, она все еще была здесь. Я вновь двинулся вперед и не мог отделаться от ощущения, что, в отличие от Рика, мой роман будет иметь счастливый конец.

Глава 19

ДЕЛИЯ

Еще не появилась на экране Ингрид Бергман, а я уже глотала слезы. Обычно глаза у меня остаются сухими по крайней мере до того момента, пока Рик не обнаружит Сэма, играющего для Илзы на пианино «Когда время проходит». Думая о том, какая она сильная, я решила не быть идиоткой. Илза не стала бы весь фильм оплакивать свою долю — она даже не кляла судьбу во время войны.

Я промокнула глаза рубашкой и выпрямилась на сиденье. Невольно мои мысли вернулись к Кейну. Но вместо того, чтобы сосредоточиться на том, что наша дружба кончилась, я думала обо всем самом хорошем, что у нас было.

Первым делом я вспомнила, как мы перевернулись на байдарке на Гэмблерском пруду. Потом — как он появился у моих дверей, переодетый пасхальной белочкой. Дальше — как Кейн кувырком летел с горы на школьной лыжной прогулке. Шлепнувшись вниз, он встал на ноги и низко поклонился компании удивленных лыжников. При воспоминании об этом я рассмеялась вслух.

А затем перед глазами встало, как мы целуемся. Я почти что чувствовала его теплые губы на моих, его пальцы, перебирающие мои волосы. Еще когда мы танцевали на вечере выпускников, мне казалось, будто мы одни во всем мире. Его руки крепко прижимали меня, и я забыла, что вообще-то считается, будто я влюблена в Джеймса.

Надо же, подумала я. Я никогда не любила Джеймса. И даже не уверена, что он мне нравился. Я перепутала стремление найти себе парня с настоящей любовью. Теперь сама мысль о том, что я лила слезы из-за него и Тани, казалась мне смешной.

Я так погрузилась в размышления о Кейне, что даже не сразу заметила, как кто-то подошел. В моем ряду больше никто не сидел, но я внезапно почувствовала, что какой-то человек сел на соседнее место. Без всякой причины волосы на затылке зашевелились и словно электрический разряд прошел по всему телу. Но даже не успев еще повернуть голову, я уже знала, что рядом со мной Кейн.

— Кто-нибудь заказывал попкорн? — шепнул он мне на ухо.

Я молча смотрела на него. Голова кружилась. Было такое впечатление, что я вызвала его сюда, усиленно думая о нем. Теперь он был меньше чем в дюйме от меня, и даже в темноте кинотеатра я различала в его глазах сердечное тепло. Я дотронулась до небритых волос на его подбородке — слабого подобия бороды. Опустив глаза, заметила, что он совсем не по погоде обул теннисные тапочки. «„Он выглядит еще хуже меня“, — подумала я и ощутила, как

участился пульс.

Я не могла вымолвить ни слова, но залезла в его пакетик с попкорном и зачерпнула целую горсть. Потом повернулась к экрану, боясь разреветься. Не знаю, что я чувствовала, но была рада видеть Кейна. Теперь, когда он был рядом, боль утраты притупилась. По меньшей мере, следующие полтора часа мы будем вместе.

Мы оба, не шевелясь, сидели на своих местах, не смея взглянуть друг на друга. В «Касабланке» проходили дни и ночи, но я была словно в тумане. Мои мысли были заняты исключительно близостью Кейна.

Мы не касались друг друга, но жар, исходивший от его тела, казалось, объят меня. В один и тот же миг мы оба полезли за попкорном. При соприкосновении мы отдернули руки и отодвинулись как можно дальше.

Но вот на экране сменился кадр, и наши руки и плечи соединились. У меня перехватило дыхание. Я никогда так ясно не ощущала другого человека. Но он не был другим человеком. Он был Кейн — мой лучший друг и моя единственная настоящая любовь.

В первый раз после того, как Кейн сел рядом, слезы брызнули из моих глаз.

Вдруг я почувствовала его дыхание на своей щеке и склонила к нему голову. Каждая клеточка моего тела затрепетала в ожидании, что что-то должно произойти.

— Мы всегда будем вместе, — шепнул Кейн мне на ухо.

Я взяла его за руку, изо всех сил сжав его пальцы. Когда я повернула к нему лицо, он другой рукой бережно провел по моим губам. Я была уверена, что все вокруг слышат, как стучит мое сердце, но мне было все равно.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

— Я люблю тебя, — шепотом ответил он.

Наши губы встретились. Я целовала его со всей затаенной страстью нескольких последних недель, месяцев, лет. Поцелуи Кейна были такими же пылкими, и я осознала, что впервые за все время мы по-настоящему поняли один другого.

Мы теснее прижались друг к другу, поцелуй стал глубже, и я совершенно забыла, где мы находимся. Больше никто и ничто не имело значения. В мире были только Кейн и я. Я и Кейн. Все остальное — только быстро исчезающий в воздухе мираж.

Без предупреждения зажегся свет. Мы все еще целовались. И продолжали целоваться до тех пор, пока в зале не раздались аплодисменты и одобрительные возгласы. Мы обменялись виноватыми взглядами и вдруг рассмеялись. Кто-то идущий по проходу громко свистнул, и мы расхохотались еще больше. Но при этом не переставали смотреть друг на друга, полностью окунувшись в очарование этого мига.

Когда все покинули кинотеатр, Кейн взял меня за руки и потянул с сиденья. Мы шли по узкому проходу между рядами, обнявшись.

В светлом вестибюле стояла, подбоченившись, та женщина из кассы.

— Так и знала! — воскликнула она, увидев нас. — Я оказалась права: что-то носится в воздухе.

Мы вышли на улицу, улыбаясь и хихикая, как дураки. «Влюбленные дураки», — счастливо подумала я.

Вдруг Кейн остановился и обхватил меня. Я тоже обняла его, сжимая изо всех сил.

— Дэл? — сказал он.

— Что?

Я откинула волосы с его лица, и мне было так приятно ощущать пальцами их шелковистость.

— У тебя назначено с кем-нибудь свидание на новогоднем балу? — спросил он. — Есть одно пари, которое я непременно хочу выиграть.

Я крепче прижалась к нему, быстро целуя каждую часть его лица, до которой могла дотянуться. Потом рассмеялась и легонько шлепнула его по руке.

— Мне кажется, ты имеешь в виду то самое пари, которое необходимо выиграть мне, — ответила я, глядя ему в глаза.

Они стали серьезными, и Кейн взял ладонями мою голову.

— Я думаю, мы оба выиграли, — мягко проговорил он.

Он снова поцеловал меня, а потом... я не очень-то уверена, что было потом. Помню только, что день завершился горячим шоколадом у камина. Об остальном вы можете догадаться...

Вы когда-нибудь интересовались, что это значит — влюбиться? А представителями противоположного пола? Вам нужен дружеский совет, но не к кому обратиться? Вот для этого и существуют Дженни и Джейк. Присылайте нам вопросы, которые не дают вам покоя, и мы расскажем все о жизни и любви тинейджеров девяностых.

Дорогой Джейк

Вопрос: У меня огромная проблема. Мне кажется, что мой парень Скотт больше меня не любит. Мы почти всегда классно проводили время вместе. Но он очень часто говорит мне, что думает, будто его друг Майкл будет для меня гораздо лучшим парнем. Конечно, я предпочитаю встречаться со Скоттом, а не с Майклом, и поэтому мой парень — Скотт, а не кто-то другой. Но даже несмотря на то, что мы все время гуляем вдвоем, я все-таки чувствую, что Скотт старается избавиться от меня, и меня это ранит. Почему Скотт так поступает?

В. С., Мейсон, штат Теннесси

Ответ: Прежде всего, я не думаю, что Скотт продолжал бы приглашать тебя, если бы ты ему не нравилась. А во-вторых, тебе необходимо задать себе следующие вопросы. Проводишь ли ты много времени с Майклом? Действительно ли Майкл привлекательный? Он пользуется успехом? Умный? Любит пофлиртовать? Если это так, то, может быть, Скотт не уверен в себе? Ревнует к другу? Давала ли ты когда-нибудь повод думать, что

Майкл нравится тебе больше, чем он? Если ты на все эти вопросы ответила «да», то тебе нужно раз и навсегда помириться со Скоттом и сказать ему, что нравится тебе только он. Что тебя не интересует Майкл или кто-нибудь другой, неважно. Поговори по душам со своим единственным избранником и скажи ему, как сильна твоя любовь. Недостаток общения может разрушить прекрасный роман.

Дорогая Дженни

Вопрос: С тех пор как я встречаюсь с Фрэнком, моя лучшая подруга Эрин стала совсем другим человеком. Она все время не в духе, а теперь и вовсе перестала меня замечать. Она явно не рада за меня, и мне это очень обидно. Я хочу продолжить дружить с Эрин. Как нам остаться друзьями и при этом не избавляться от моего парня?

Р. М., Атланта, штат Джорджия

Ответ: Прежде чем перекладывать всю вину на Эрин, тебе следует подумать о том, как ты поступаешь по отношению к ней. Есть ли у Эрин парень? Если нет, то, может быть, ты говоришь с ней только о том, как ты счастлива с Фрэнком? Возможно, ты перестала приходить к ней домой после школы? Может быть, она ревнует, что ты теперь проводишь время с Фрэнком. Или ей обидно, что у тебя есть парень, а у нее нет. Но в любом случае ты должна сделать над собой усилие и уделить ей время — только Эрин, без Фрэнка. Ходите вместе в кино, ешьте пиццу — все что угодно. Просто покажи ей, что она все еще твоя подруга и ты без нее скучаешь. Извинись за то, что пренебрегала ею, и постарайтесь обе не заостряться на вопросе о бойфренде. Она оценит твое стремление, и очень скоро вы вернетесь на путь дружбы.